

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

КОММУНИКАТИВНЫЙ КАПИТАЛ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Москва - 2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

КОММУНИКАТИВНЫЙ КАПИТАЛ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Материалы научной онлайн-конференции
с международным участием

Электронное издание сетевого распространения

МОСКВА – 2021

УДК 316
ББК 60.56
К63

Рецензенты:

П. А. Водопьянов – д.ф.н., профессор; профессор кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент НАН Беларуси;

С. А. Шилина – д.с.н., доцент кафедры социологии и социальной работы факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского

Редактор:

И. Н. Чудновская – к.филол.н., доцент; заместитель заведующего кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по научной работе

Технический редактор проекта: *М. С. Васильчикова*

Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / Ред. И. Н. Чудновская. – Москва : МАКС Пресс, 2021. – 175 с. – (Электронное издание сетевого распространения)
e-ISBN 978-5-317-06617-8
<https://doi.org/10.29003/m2015.978-5-317-06617-8>

В сборнике представлены материалы научной онлайн-конференции с международным участием «Коммуникативный капитал в цифровую эпоху» (12 февраля 2021 г.), организованной кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Конференция, ставшая традиционной, объединила ряд отечественных и зарубежных научных площадок для обсуждения новых социально-коммуникативных реалий. Работа конференции была нацелена на организацию и поддержание научных контактов ученых, исследующих современное городское коммуникативное пространство в цифровом контексте. Тексты публикуются в авторской редакции, мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов. Иллюстративные материалы взяты из открытых источников. Предназначено аудитории, исследующей современные проблемы культуры и коммуникации в урбанистическом пространстве цифрового общества.

Ключевые слова: коммуникация, культура, мегаполис, цифровое общество, медиатизация, коммуникативный капитал, коммуникативная компетентность, информационно-коммуникационные технологии.

УДК 316
ББК 60.56

The communication capital of the digital age. Materials of the scientific online conference with international participation / Ed. I. N. Chudnovskaya. – Moscow : MAKS Press, 2021. – 175 p. – (Electronic edition of network distribution)

e-ISBN 978-5-317-06617-8
<https://doi.org/10.29003/m2015.978-5-317-06617-8>

The collection presents the materials of the scientific online conference with international participation «Communication Capital in the Digital Age» (February 12, 2021), organized by the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. The conference, which has become a tradition, brought together a number of domestic and foreign scientific platforms to discuss new social and communicative realities. The conference was aimed at organizing and maintaining scientific contacts of scientists who study the modern urban communication space in a digital context. The texts are published in the author's edition, the opinion of the Organizing Committee may not coincide with the position of the authors. Illustrative materials are taken from open sources. It is intended for the audience exploring modern problems of culture and communication in the urban space of the digital society.

Keywords: communication, culture, megapolis, digital society, mediatization, communication capital, communication competence, information and communication technologies.

*Электронное издание сетевого распространения
Издание доступно на электронном ресурсе E-library*

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г. 119992, ГСП-2,
Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891

© Чудновская И. Н., редактирование, 2021
© МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021
© Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2021

e-ISBN 978-5-317-06617-8

Оглавление

Введение	4
<i>Мамедов А.К., Волнистая М.Г.</i> Методологический дискурс: предметное поле коммуникативного капитала	7
<i>Багаева А.В.</i> Коммуникативные инструменты европейской интеграции.....	29
<i>Бессонова М.О.</i> Чтение как процесс коммуникации в современных условиях ..	37
<i>Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.</i> «Облачная» этика: противоречивые последствия цифровизации	47
<i>Гавриленко О.В.</i> Цифровизация как фактор трансформации новых форм социального взаимодействия и механизмов контроля	57
<i>Гримов О.А.</i> Научные социальные сети как средство научной коммуникации..	65
<i>Доброхотов Л.Н.</i> Трансформация этоса науки в различных социально-политических системах.....	72
<i>Коркия Э.Д.</i> Одиночество в коммуникативных системах: культурный модуль и капитал	83
<i>Липатова М.Е.</i> Коммуникативная компетентность в цифровом образовательном пространстве высшей школы	90
<i>Максимов А.А.</i> Информационное общество как фактор роста коммуникативного капитала современной организации	101
<i>Новицкая Т.Е.</i> Проблемы информационной безопасности в Беларуси: к вопросу об оптимальной модели управления и преодоления угроз	113
<i>Писарева Л.Ю., Ким А.А.</i> Коммуникации в экономике совместного потребления	123
<i>Середа Ю.П.</i> Цифровая трансформация социокультурной среды: особенности онлайн-поведения и риторика социальной ответственности.....	130
<i>Чудновская И.Н.</i> Коммуникативная компетентность как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве.....	137
<i>Katrina vanden Heuvel</i> On ‘Russiagate’ and The New Cold War Narrative	148
Сведения об авторах	164
Content	168

ВВЕДЕНИЕ

Кафедра, любая, а в МГУ в особенности, должна позиционировать себя в научном поле таргетированными исследованиями. Это может выражаться в монографиях, статьях и диссертациях. Современные технические средства позволяют шире выразить свои разработки, используя различные поля актуализации.

Для современного периода с пандемией и некоей вынужденной изоляции наиболее действенным оказался жанр онлайн-конференции. Некоторые пробы данного технологического подхода были весьма успешны и в прошлые годы, ибо позволяют нам получать свежие теоретические наработки буквально «с колес». Сама жизнь с ее сложными перипетиями подтвердила правильность курса на онлайн-конференции. Главное, что она (конференция) состоялась и была оценена в научных кругах.

Кафедра социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ признательна всем коллегам, принимавшим участие в данном научном действе. Хотелось бы отметить сложившееся ядро конференции, наших постоянных партнеров из Китая, Белоруссии, Республики Саха (Якутии), Курска и т.д. Отмечаем с гордостью, расширение географии участников, за счет исследователей (причем весьма высокого уровня) из Соединенных Штатов и Германии. Конечно же, это не самоцель конференции и не виртуальное путешествие в иные Университеты, это, прежде всего сверка оптики исследований, обмен мнениями, научная диффузия. Вместе с тем, кафедра считает своим гуманитарным долгом и миссией способствовать международным научным контактам, выработке широкой платформы исследований.

Наша ежегодная конференция, уже третья по счету, на этот раз была посвящена проблеме коммуникативного капитала в цифровой эпохе. Сложная как субстантивно, так и формально, в силу неоднозначного определения проблемы, потребовала вовлечения в дискуссию широкой палитры

исследовательских позиций и выработки теоретико-методологических оснований. Будем рады пригласить к дискуссии всех заинтересованных специалистов. Надеемся, что следующая конференция будет не менее актуальной и интересной.

Первая конференция, положившая начало серии, была нацелена на установление контактов и формирование длительного диалога между различными научными площадками, исследующими проблематику коммуникативного пространства современного мегаполиса. Предполагалось объединение творческих усилий преподавателей и научных сотрудников, разрабатывающих образовательные магистерские программы по социологии коммуникации и культуры в урбанистическом контексте.

Вторая конференция позволила, с одной стороны, расширить круг заинтересованных исследователей, с другой стороны, углубиться в конкретную проблематику – трансформацию коммуникации в мегаполисе в новых цифровых условиях. Основные доклады проведенных конференций были опубликованы в сборниках^{1 2} и размещены в e-library, а также на сайте социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на странице кафедры социологии коммуникативных систем.

На основе научной базы, сформировавшейся в результате первых конференций, в рамках третьей встречи исследовалась методология научного направления, где приоритетное внимание было сфокусировано на концепте коммуникативного капитала и его реализации в цифровую эпоху.

¹ Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 106 с.

² Трансформация коммуникации в цифровую эпоху: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 136 с.

Коммуникативная компетентность в заданном предметном концептуальном поле обсуждалась как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве и как концепт в цифровом образовательном пространстве высшей школы.

В отдельном тематическом блоке рассматривалась цифровизация как фактор трансформации форм социального взаимодействия и механизмов контроля, ее противоречивые последствия. В частности, рассмотрены особенности трансформации чтения в новых коммуникативных условиях. Представлена проблема одиночества в коммуникативных системах.

С позиции концепта коммуникативного капитала участники конференции проанализировали ряд современных сфер социального взаимодействия: научную, политическую, управленческую, экономическую. Отдельным аспектом рассмотрения стали проблемы этики и социальной ответственности коммуникативных акторов в условиях цифровизации общества.

Особое внимание было уделено обсуждению проблем информационной безопасности в новых технологических и политических обстоятельствах, преодолению сложившихся и намечающихся угроз, концепции новой холодной войны.

Все участники обсуждения отметили высокий уровень значимости конференции и высказали заинтересованность в дальнейших подобных встречах. Мы, как всегда, открыты диалогу и готовы к его продолжению.

Доктор социологических наук, профессор

Мамедов Агамали Куламович

Кандидат филологических наук, доцент

Чудновская Ирина Николаевна

Методологический дискурс: предметное поле коммуникативного капитала

Мамедов Агамали Куламович¹

д.с.н., профессор

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: aktmnauka@yandex.ru

Волнистая Марина Георгиевна²

к.с.н., доцент, профессор

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: mgv22@mail.ru

В статье предпринята попытка теоретического осмысления предметного поля коммуникативного капитала. Авторы разрабатывают методологическое единство исследования сложных социальных проблем, как то-истина, познание, коммуникация и адаптация. Проводится компаративистский анализ различных позиций по вопросу о субъектности познающего человека.

Ключевые слова: эпистемология, истина, адаптация, социальный субъект, коммуникация, коммуникативное поле, коммуникативный капитал, интеллектуальное миропонимание, интеллектуальный капитал, познание, общение.

The article attempts a theoretical understanding of the subject field of communicative capital. The authors develop a methodological unity for the study of complex social problems, such as truth, cognition, communication and adaptation. A comparative analysis of various positions on the subjectivity of the cognizing person is carried out.

Keywords: epistemology, truth, adaptation, social subject, communication, communicative field, communicative capital, intellectual worldview, intellectual capital, cognition, communication.

Нелинейность и непредсказуемость социального развития – такие «гримасы» история уже демонстрирует нам через стремительные события текущего периода жизни современного общества. Новый, нарождающийся на наших глазах мир обитания человека выдвигает и особый социальный заказ – необходимость разработки адекватной этому миру методологии решения (или хотя бы фундированного исследования) проблем социальных отношений и социального взаимодействия.

Первый шаг на пути ответа на этот поистине судьбоносный вызов человечеству – определение принципиальных отличий нарождающегося нового мира от мира, безвозвратно уходящего в прошлое. Принципиальная демаркация позволит дать некие дескрипты новой социальной реальности и выработать некие алгоритмы познания. Философы и социологи отмечают, что все сильнее проявляется разочарование в самом социуме, в рациональности организации процессов его жизнедеятельности, через отражение которой и произошел определенный раскол в самом человеке [1]. По одну сторону - наша трепетная и конкретная (мерцающая по З. Бауману) реальность, по другую, мы видим ее рациональное осмысление в различных, зачастую весьма необычных коммуникативных полях. Отмеченная «расколотость» ставит во главу угла вопрос об истинности существования человека, о границах заблуждений и полифоничности наших представлений. Сама жизнь человека как социально-родового существа с ее перипетиями и широкой палитрой вариаций возможно и есть *познание через общение*. Индивид реализует свою самость благодаря эволюционно выработанным и закрепленным в коммуникации способностям ориентироваться и адаптироваться (индивидуально или коллективно) к сложноорганизованной или неупорядоченной окружающей среде. Основным социальный заказ научному поиску сегодня выражен, прежде всего, в

необходимости совершенствования индуктивной логики, тех принципов, которые помогали бы преодолевать обнаруженный барьер сложности. Создатель «философии как если бы» Х. Файхингер писал: «Кто не заблуждается, тот не мыслит». Мышление есть не что иное, как регулируемое телеологически и эволюционно определенное заблуждение. Именно в этом заблуждении появляется озарение и вызревает новая оптика. Бояться впасть в заблуждение — значит, ничего не открыть, сковывать свои силы на пути познания, на котором возможны фазовые переходы, неожиданные сюрпризы, открытия на индивидуальном уровне, из которых вырастают инновации в культуре. Мышление есть манифестация глубины духа, откуда можно ожидать появления чего-то нового [2]. Связь между мышлением и глубиной духа такая же, как и связь между материей и энергией пустоты (Д. Бом), зияющей бездны, которая таит новые формы. По словам Ф. Ницше, истина хуже, опаснее заблуждения, ибо сковывает наши силы, направленные на дальнейшее познание. Возможно, существуют «осмысленные» неудачи и ошибки познания, смысл которых распознается нами намного позже. Из тупиковых ветвей познания могут эмерджентно вырастать необычные научные конструкты, симбиоз новых необычных гипотез. Для ищущего и познающего субъекта пагубно думать, что он уже нашел истину, и почивать на лаврах. «Тщеславие — смерть для мышления», — говорил Л. Витгенштейн [3]. Истина непрограммируема, она возникает эмерджентно. Многовариантный процесс коэволюции, в результате и процессе которого выработан устойчивый механизм объективации результатов познания, подвергается постоянному изменению, т.е. в известном смысле эволюционирует, развивается в соответствии с вызовами. Поэтому, перефразируя тезис Карла Ясперса, можно сказать, что истина — это то, что связывает нас с миром, это достигнутая на сегодняшний день степень подгонки нас к миру [4]. Согласно классической, идущей еще с античности, корреспондентной теории истины, истина есть соответствие знания объекту. Знание есть когнитивное отношение личности к окружающей его среде, которая дана ему в культуре и языке. Интересно, что Эрхардт Эзер в рамках парадигмы

отстаивает позицию, что эволюционной эпистемологии скорее адекватна когерентная теория знания истины, определяя ее как теорию когерентности истины, что «ссылается на диахронную когерентность развития областей знания, которая основывается на “логике познавательного процесса”, которая предшествует логике продуктов познания (высказываний и систем высказываний), поскольку она укоренена уже в структурах человеческого познавательного аппарата как нечто генетически априорное» [12]. Согласно данной позиции, реальность быстротечна и дискретна, и субъект в процессе коммуникации успевает охватить лишь ускользающий миг бытия, а посему мы — в смысле когерентной теории истины — никогда не имеем к ней прозрачного непосредственного доступа, наши знания неадекватны, не являются зеркальными и не изоморфны реальности. Мы опираемся, иных вариантов нет, на знания, которые сформировались на протяжении всей истории человека как вида, т.е. на диахронную когерентность развития знания. А для каждого индивида существует врожденная метрика вероятности ожиданий получения определенного знания, когнитивная оптика, которая сложилась в процессе проживания, аккультурации эволюции и является оптимальной для реального функционирования самой когнитивной системы.

С точки зрения эволюционной эпистемологии когнитивная деятельность живых существ определена особенностями их телесной организации. То, что человеческий ум не отражает зеркально мир, показал еще Фр. Бэкон в критике идолов разума. Можно отметить, что для приведения в действие научных устремлений в более развернутом виде недостает некоторой минимально-необходимой критической массы интеллектуального сознания, ориентированного на работу в условиях новой рациональности.

В процессе активно-преобразовательной деятельности, человек преобразуя познает свой мир, обрабатывает информацию, поступающую извне. Знание соответствует, по крайней мере должно соответствовать объекту, поскольку сам субъект есть результат и актер преобразования мира, что и сделало возможным его выживание. Приобретаемые человеком знания и опыт

(например, социальный, религиозный и художественный) имеют, безусловную, адаптивную ценность, они формируют необходимый социальный капитал и навыки поисковой деятельности и социальной ориентации. Культурные практики как элемент практически преобразующей деятельности также становятся неотъемлемым элементом адаптации, через игру, подражание и осмысление. Адаптация в силу многозначности исторического процесса многовариантна и активна: человек преобразует, прощупывает, зондирует, испытывает мир и ждет от него отклика. Неслучайно уже в ранних религиозных документах подчеркивается диалогичность человека, его вопрошание миру и ожидание отклика. В процессе своего активного исследования мира он совершенствуется сам, строит сам себя, тем самым, конструируя себя и свой мезокосмический мир. Неадапционистский подход (Ф. Вукетич, Ф. Варела и У. Матурана) определяет человека как операционально замкнутую систему, активно «пробующую» и преобразующую мир, а не «пластилиновым существом», сколь угодно гибким и пассивным или *tabula rasa* Дж. Локка. Поэтому коэволюция на биологическом уровне, как целеустремленная деятельность и совокупность процессов «пробования мира» связана с образованием экологических ниш, а на уровне человеческого познания и деятельности — с образованием «когнитивных ниш», укладывающихся в когнитивные ландшафты. Это достигнутая степень понимания тех возможностей, которые предоставляет нам мир, и адекватности нашего отклика на вызовы мира, локальной и глобальной среды. Это тонкая настройка и подстройка нас к миру, который мы создаем, создавая самих себя. Это — не столько результат процесса коэволюции, сколько сам процесс коэволюции с его неопределенностью, неудачами, рисками и фазовыми переходами, эмерджентными событиями. Коэволюция как «искусство жить вместе» означает умение строить не однообразно серый *Uni-verse*, а многокрасочный *Pluri-verse*, где растёт цветущая сложность времени. Как правильно заметил Ортега-и-Гассет: «Мир сделался на наших глазах более сложным и обширным. Мы начали подозревать, что история, жизнь не могут и не должны управляться принципами,

подобно книгам по математике. Жизнь подчиняется режиму абсолютной власти под вторым не меньше, чем под первым» [5]. Поэтому в решении проблемы понимания и управления сложностью важное место принадлежит принципам эвристического моделирования, разрабатываемым на основе междисциплинарного подхода. Безусловно, они не отличаются академической точностью, но позволяют на некотором уровне удовлетворительности давать ответы на решение жизненных проблем. Пока нельзя сказать, что данная методологическая проблема современного социального познания уже решена полностью. Тем не менее, в современной эпистемологии уже содержится большое количество методологических указаний, способствующих выявлению основных факторов влияния на человеческий выбор во всех сферах деятельности и установлению связей между ними. Имеются определенные средства для достаточно удовлетворительного решения задачи разработки индукционной модели для анализа практически любых жизненных ситуаций.

Прежде всего, это установка на тот факт, что практически все социальные действия связаны с решением проблемы адаптации человека и социальных организаций к изменениям внешнего окружения. В современной социальной науке принято считать, что адаптация любых систем имеет изоморфную (подобную по форме) структуру последовательности элементарных событий независимо от природы происхождения адаптивных систем, то структурная модель адаптации может выступать в роли такого инварианта, который должен быть использован при научном анализе любого социального действия. Теории и концепции, отвергнутые в ходе исторического развития науки, поневоле содержали определенную толику истины, работали в человеческой деятельности, были хоть какой то формой адаптации человека к миру и его выживания в нем. Таким образом, проблема поиска инвариантной модели адаптивного поведения и формирование капитала в этом пространстве становится центральной проблемой социально-гуманитарных наук, ориентированных на свое лидерство в решении важнейших жизненных проблем современности. В тоже время, экзистенциальные проблемы уже по определению

являются вечными, они переосмысливаются вновь в зависимости от запросов коммуникативно-культурного пространства и личности исследователя. Неслучайно, авторитетными мыслителями отмечается, в первую очередь, диалогическая субстантность знания философии, где не столько важны полученные ответы, сколько вопросы, которые порождены в самом процессе размышления, в рефлексии. В социализации или самотворении личность узнает самого себя, ибо находится в поиске своего Я, своей идентичности, которая одновременно находится в его творческих руках и ускользает от него. Во-вторых, стремится понять самого себя, истолковать себя в системе «Я-Мир». В-третьих, конструирует свой жизненный мир и свою самость. Любой наш миг познания «обременен прошлым и чреват будущим» (Лейбниц). В коммуникативной литературной креации реальность претерпевает дальнейшие метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое, настоящее и будущее накладываются друг на друга, перемешиваясь в чудные метафорические конструкты (М. Пруст – «Сегодня это завтра вчера или вчера завтра»). Писатель как скрипач М. Шагала предлагает читателю совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры героев, где предлагаются не история как устоявшаяся данность, а фантазийные истории, как они видятся автору, например, (Предчувствие гражданской войны – С. Дали). Единой истины, как было в средневековом дискурсе, не существует, а предъявляется множество истин. Истина как собственный продукт творится и произвольно декларируется в слове самим автором (например, черт у Н.В. Гоголя). Рассказчик отходит от действительности, но все его фантазии порождены действительностью, а значит, они истинные или могут быть истинными. Остаются только слова, образ, а не сама «реальная реальность». Следовательно, слова реальнее самой реальности, ибо слова уже высказаны, опубликованы, а реальность есть только миг бытия, она мимикрирует, может быть истолкована по-разному и в разных системах (Франц Кафка – «Ангелы не летают»).

Констатация положения, что человек сам в своем слове конструирует себя и свой мир, с необходимостью приводит нас к вопросу о правилах и границах

свободного конструирования реальности. И. Кант в «Критике чистого разума» (1781 г.) ставил вопрос о границах интеллигибельного мира и в дальнейшем строго делил мир ноуменов и феноменов [10].

Согласно классической, идущей еще с античности, теории истины, истина есть соответствие знания объекту. Знание есть когнитивное отношение личности к окружающей его среде. В процессе активно-преобразовательной деятельности, человек, преобразуя, познает свой мир, обрабатывает информацию, поступающую извне. Знание соответствует, по крайней мере должно соответствовать, объекту, поскольку сам субъект есть результат и актор преобразования мира, что и сделало возможным его выживание. Приобретаемые человеком знания и опыт (например, опыт коммуникации) имеют, безусловную, адаптивную ценность, они формируют необходимый *социальный капитал* и навыки социальной ориентации, поисковой деятельности. Культурные коммуникативные практики как элемент практически преобразующей деятельности также становятся неотъемлемым элементом адаптации, через понимание, поиски смысла, символическую игру, подражание и осмысление [11].

Осмысление современных угроз человечеству дает острое понимание, что они намного опаснее и серьезнее по своим возможным последствиям, чем угрозы XX столетия. Объективно они требуют еще более мощной мобилизационной парадигмы деятельности, однако этого не наблюдается по причине отсутствия общественного целеполагания, которое может возникнуть только при условии коренного изменения существующего общественного миропонимания. Согласно синергетике, есть реальные ограничения - не все мы можем *deus ex machina* творить в этой реальности и лепить из нее. Реальность не бесконечно пластична и не может произвольно прогибаться под действиями человека, но существуют границы и конструктивизма, и, тем более, волюнтаризма. Созидательная и творческая деятельность человека, чтобы быть успешной, должна ориентироваться на естественные ограничения в виде собственных путей коэволюции сложных систем, спектров их структур-аттракторов, которые

определяются внутренними свойствами самих сложных систем, самого окружающего мира. Можно осуществить, сконструировать, построить, а только то, что детерминировано и согласовано с внутренними тенденциями. Синергетическое видение связи субъект-объект таково, что субъект познания с определенными установками и конструктами сознания конструирует окружающий природный и социальный мир отнюдь не наобум, а «ударяет по клавишам возможного». Удары по клавишам (по сложившимся правилам) — высечение новых форм, пробуждение мира к новой и его собственной жизни, спусковой механизм для начала процессов самоорганизации.

Природа как рожденная (что этимологически отражается в самом слове «природа») пребывает в рождении, в становлении. Пытаясь проникнуть, через активность познания, в природное бытие, человек со своим сознанием вносит в него необратимые и неизбежные изменения, как это показано в неклассической науке, в квантовой механике в первой трети XX в., а далее, в последние десятилетия XX в. — и в нелинейной динамике и синергетике. Человек становится соучастником сопряженного процесса рождения природы, процесса становления в ней. Два процесса — становление природного бытия и становление человека и конструктов его сознания — сопряжены. Человек творит самого себя через мир, через его деятельность в мире. Целесообразно снова обратиться к истокам возникновения современной методологической культуры, в частности, к наследию Платона и Аристотеля.

Известно, что Платон, наряду с осязаемым, чувственным миром, который служит основой для познавательной парадигмы традиционного материализма, выделял и другой мир, названный им «умопостигаемым». Этот мир, мир человеческого интеллекта, не воспринимается органами человеческих чувств, но некоторым образом выводится из обнаруженных фактов. Можно сказать, что чувственное познание формирует возможные цели деятельности, тогда как мысленное, интеллектуальное миропонимание определяет методы достижения поставленных целей. По-видимому, именно вторая составляющая рефлексии реальности представляет широкие возможности для различной интерпретации

фактов чувственного сознания. В наследии великих мыслителей возможно обнаружить разные подходы в определении познавательных парадигм, которые представляют нам различные варианты выбора тех или иных методологий. Сравнение основных принципов различных стилей миропонимания с поправкой на современность мы рассмотрим ниже. В связи с тем, что определение отдельных элементов обоих стилей миропонимания носят ярко выраженный нормативный характер, на первый взгляд может показаться что в реальной жизни возможно отыскать и некий третий, «компромиссный» вариант миропонимания, включающий в себя положения как одного, так и другого вариантов. Однако, логический анализ показывает, что принятие хотя бы одного положения первого или второго стилей в качестве бесспорной истины неизбежно приводит к столь же однозначному принятию и всех остальных принципов выбранного подхода. Первый вариант миропонимания базируется на познавательной парадигме классического материализма Ньютона-Локка, а в основе второго находится идеализм Декарта-Лейбница.

ОТЛИЧИЯ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ В МИРОПОНИМАНИИ	
Преимущественная статичность объектов наблюдения. Движение осуществляется периодически	Состояние покоя объектов невозможно, объекты находятся в непрерывном движении
Обратимость протекающих процессов, включая время, которое воспринимается такой же субстанцией, как и материя	Жизненные процессы необратимы. Время является абстрактным понятием, введенным для удобства математического отражения реальности
Происходящие изменения возможно описывать 2-3 переменными. Низкое разнообразие возможных состояний изучаемых социальных систем	Результаты процессов могут зависеть от 10 и более существенных переменных. Высокое разнообразие возможных состояний изучаемых социальных систем
Деятельность изучаемых систем носит как правило одноцелевой характер	Деятельность изучаемых систем носит, как правило, многоцелевой характер
Низкая степень взаимозависимости частей и элементов, образующих целое	Высокая степень взаимозависимости частей и элементов, образующих целое

Ситуация наблюдения воспроизводима и факты проверяемы	Ситуация наблюдения неповторима, а факты имеют вероятностный характер; поведение больших систем носит изоморфный и гомоморфный характер (структурно-повторяемый)
---	--

В своей работе «Новые опыты о человеческом разуме» Г. Лейбниц подверг достаточно жесткой критике чувственный материализм Локка, обратив внимание на тот факт, что мир не универсален, что кроме законов твердого тела существуют в некоторой степени им противоречащие законы жидких и газовых сред, что состояние покоя и неподвижности в природе фактически не существует, что жизненные процессы необратимы и что самое главное – человеческое сознание – это не «чистый лист», который заполняется исключительно только под воздействием опыта. Вот что писал Лейбниц: «...Хотя автор «Опыта о человеческом разуме» (Локк) высказывает множество прекрасных вещей, которые я вполне одобряю, тем не менее, наши системы сильно отличаются друг от друга. Его система ближе к Аристотелю, а моя к Платону, хотя каждый из нас во многих вопросах отклоняется от учений этих двух древних мыслителей. Наши разночтения касаются довольно важных вопросов. Дело в том, действительно ли душа сама по себе совершенно чиста подобно доске, на которой еще ничего не написали, как это думают Аристотель и наш автор и действительно ли все то, что начертано на ней, происходит исключительно из чувств и опыта, или же душа содержит изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом, как это думаю я вместе с Платоном... Все ли истины зависят от опыта, или же имеются истины, покоящиеся на другой основе?.. Всегда существует некоторое предрасположение к действию и притом предпочтительно к такому действию, а не к иному... Конечно, для того чтобы определить душу к таким-то или таким-то мыслям, и чтобы она обратила внимание на находящиеся в нас идеи, необходим опыт... Нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах. За исключением самого разума... В нас имеется бытие, единство, субстанция, длительность, изменение, деятельность,

восприятие, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей...

Животные – чистые эмпирики и руководствуются только примерами. Животные никогда не доходят до образования необходимых предложений, между тем, как люди способны наукам, покоящимся на логических доказательствах. Выводы, делаемые животными, точно также как выводы чистых эмпириков, уверяющих, будто то, что произошло несколько раз, произойдет снова в случае, представляющем сходные – как им кажется – обстоятельства. Благодаря этому люди так легко ловят животных, а чистые эмпирики так легко впадают в ошибки» [6]. Из этих высказанных позиций Лейбница следует, что свой познавательный стиль он не противопоставлял материализму Локка, а считал, что последний является только частным случаем более глобальной методологии познания, в которой центральное место занимает человеческий интеллект. По мнению Лейбница, материализм и идеализм не отрицают, а дополняют друг друга. С другой стороны, материализм, отвергающий познавательную идею человеческого интеллекта, методологически, не может признать идеализм вообще как способ рефлексии реального мира. Как следствие, он теряет важнейший компонент обеспечения жизненных процессов – творческую составляющую. Несмотря на всю убедительность критики Лейбница, материализм Локка, как познавательный стиль простоты, получил очень большое признание в мире науки, послужил основой научно-технического творчества на многие годы, проходившие под знаком приоритетности развития классической механики.

Как известно, познавательная парадигма материализма стала и отправной опорой для формирования наук об обществе. Гуманитарные науки, науки о человеке, рассматривали его исключительно как механистическое создание, лишенное творческого воображения, а необходимость воспитания и развития данных свойств в каждой личности вообще исчезла из поля зрения «материалистических» систем образования. Локковский материализм оказался малопригоден для изучения более сложных процессов термодинамики, ядерной

и квантовой физики, описания биологических и общественных процессов. Достижения в этих областях человеческой деятельности обеспечивались и обеспечиваются уже не на основе миропонимания Локка и материализма в целом, а на основе методологии познания, обозначенной Декартом и Лейбницем. Центральное место в познавательной концепции Декарта занимает методическая эnumерация – индукция. По его определению, индукция – это специальная методика упорядочения отношений между элементами задачи, создающая основу для всех последующих действий при ее решении. Вот как он сам формулирует данную процедуру: «... Надлежит все, относящееся к нашей задаче, вместе и порознь обозреть последовательным и непрерывным движением мысли и охватить достаточной и методической эnumерацией.

Должно оказывать помощь памяти в ее слабости своего рода последовательным движением мысли. Так, например, если я нахожу посредством различных действий отношение сначала между величинами А и В, затем между В и С, между С и D и, наконец, между D и Е, я уже при этом не вижу, какое отношение существует между А и Е, и не могу точно установить его по известным мне отношениям до тех пор, пока не вспоминаю их все...Эта эnumерация, или индукция, есть столь тщательное и точное исследование всего относящегося к тому или иному вопросу, что с помощью ее мы можем с достоверностью и очевидностью утверждать: мы ничего не упустили в нем по нашему недосмотру» [7]. При разъяснении сущности индукции Декарт использует пример необходимости установления цепи связей между пятью переменными А, В, С, D и Е. Эстетствующий Ортега- и- Гассет отмечал, что декартовскому человеку была антипатична история, субъективный опыт, ибо человек не поступал тогда *more geometrico* [5].

Картина мира, которую конструирует человек – это то знание и интеллектуальный капитал, которые он обретает и накапливает. Это знание не является и не может являться ни чистой (гомоморфной) копией реальности, ни результатом произвольного *ad Libitum* преобразования. Человек становится тем, что он пишет о себе. Фактически его интеллектуальный капитал накапливается

во всех *коммуникативных системах*, где его когнитивные навыки уже поневоле определены миром средних измерений, миром, который он познает и преобразует с помощью своих естественных коммуникативных способностей. В процессе познания и соответствующих *когнитивных практик* человек имеет дело, в первую очередь, с диалогом с самим собой, ибо любая информация принимается через собственную оптику, через наработанные в процессе поисковой деятельности культурные фильтры. Мир постигается через сложные процессы идеализации, абстракции и модели, которые определяются границами его познания в данный отрезок его социального существования. Данный тезис уже был однажды особо актуален для наук социального профиля, ибо здесь исследователь строит картину мира, которая определяется, в первую очередь, его мезокосмическим положением в мире. Следует признать, что в целом человек, в силу своей безальтернативной «социальности», является существом, которое находится в постоянном поиске социальных ориентиров и путей *коммуникации*, механизмов адаптации к миру средних размерностей. Человек смотрит в мир и видит свое собственное лицо: вообще говоря, *картина мира в известной мере носит печать личности создающего ее субъекта* [1]. С позиций теории коммуникации Пола Ватцлавика, не существует единственной реальности. Но то, что существует, — это различные версии реальности, которые могут даже противоречить друг другу. Предлагаемый им метод коммуникации на межличностном уровне «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью, к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему. Свою конструктивистскую теорию коммуникации Ватцлавик построил на следующих аксиомах:

1. Невозможно не коммуницировать. Всякий поведенческий акт поневоле влечет за собой коммуникацию.

2. Всякая коммуникация имеет два аспекта: содержание и отношение (манера, код передачи). Причем, второй аспект, «снимающий», есть метакоммуникация (главное, как нам говорят).

3. Природа отношения (утверждение, оппозиция, отрицание) зависит от расстановки пауз в последовательности актов коммуникации между партнерами.

4. Человеческие существа используют два способа коммуникации: цифровой (сложный логический синтаксис при недостатке семантики) и аналоговый (использование образов, персонифицированных историй, игры слов, цитат, переформулировок с богатой семантикой).

5. Всякий коммуникативный обмен является симметричным или дополнительным, смотря по тому, базируется ли он на равенстве или различии [14]. Применимость данных аксиоматических высказываний на макросистемах с участием социальных субъектов, ждет еще своей аргументации. Но с точки зрения ответа на вопрос поиска механизмов в процессах адаптации социальных субъектов для формирования коммуникативного капитала, данный подход имеет место быть.

В 1969 году Дж. Гэлбрейт впервые вводит в научную терминологию понятие «интеллектуальный капитал». Именно он определил этот термин как нечто большее, чем «чистый интеллект» человека, включающий определенную интеллектуальную деятельность. Томас Стюарт уточняет это понятие в своих работах и определяет интеллектуальный капитал как «интеллектуальный материал, включающий в себя знания, опыт, информацию, интеллектуальную собственность и участвующий в создании ценностей. Это — коллективная умственная энергия» [9]. Через систему социального познания в значительной мере, как и в естественной науке человек приобретает знания и познает мир, проживает его, протягивая его буквально через свою собственную душу, рефлексирова и проговаривая (М. Шелер, Ф. Якоби) [8]. Именно так и возникает его собственный *коммуникативный капитал*.

По нашему мнению, формированию новой методологической культуры для исследования коммуникационных процессов препятствует целый ряд ошибочных мнений и заблуждений — «*призраков рода, пещеры, рынка и театра*», как назвал свою классификацию ложных установок великий философ

Френсис Бэкон [13]. Многие положения его методологического анализа не потеряли своей актуальности еще и сегодня.

Как известно, к первой группе *«призраков рода»* Бэкон относил заблуждения, связанные с субъективным «искривленным» восприятием окружающего мира. Применительно к сегодняшней реальности наиболее характерными ошибками данного класса можно считать некорректное использование линейных методов решения задач к нелинейным условиям реальности. К числу «призраков рода» можно отнести и многие упрощенные научные методы историзма, составляющие основу дисциплин социально-гуманитарных знаний, в попытках их применения к сложным условиям современной нелинейной реальности. Их характерным признаком является пресловутое замечание «при прочих равных условиях», которое существенно искажает модель реальности.

Вторая группа ошибочных мнений при поиске приемлемых решений социальных проблем современности – *«призраки пещеры»*, связана с ограниченностью использования достигнутых знаний. Весьма характерной особенностью наших дней стало интенсивное развитие сравнительно «узких» дисциплин с потерей широты кругозора, который необходим в реальных процессах принятия решений. В условиях непрерывного усложнения социальной реальности ни одно из управленческих решений не может быть принято без одновременного учета социальных, экономических, коммуникационно-информационных, политических, технологических и психологических факторов. Разделение же гуманитарных и социальных наук по своим узким направлениям сейчас никак не способствует формированию необходимых интегративных междисциплинарных знаний. По-видимому, общество больше теряет от подобной научной дифференциации, чем выигрывает. Бесконечная, ничем не ограниченная специализация в структуре познания социальных процессов, безусловно, является таким же пороком, как и самонадеянная универсальность и не может быть принята как методологический прием решения задач нового мира.

К разряду «призраков пещеры», возможно, отнести и слепое следование принципам диалектического материализма в современных условиях нелинейной реальности. Данные принципы были разработаны для человеческой деятельности в условиях «улучшения», тогда как для «проектного» развития необходимы основания идеализма, а не материализма. Более того, в современных условиях более плодотворной оказывается активная деятельность не после того, как проблемные ситуации уже возникли и приносят негативные последствия, а деятельность по прогнозированию их появления и предотвращению возникновения разного рода губительных факторов. Прогресс информационных технологий создает все условия для такой «опережающей» реакции на возможные дисфункции. Разработка подобных моделей человеческой деятельности и есть самое яркое проявление идей идеализма.

Однозначно, что будущая система социальных отношений не может быть ни полностью централизованной, ни полностью децентрализованной. И вопросов здесь, по-видимому, больше, чем имеется обоснованных ответов.

Их поиски неизбежно будут приводить к заблуждениям *четвертого вида* – «*призракам театра*», когда положения тех или иных теоретических концепций превращаются в догматические учения. Примеры подобных человеческих ошибок нам очень хорошо известны из недавнего прошлого. И вовсе не исключено, что новые принципы анализа, разрабатываемые современной научной мыслью для решения социальных проблем, для условий нелинейной реальности, кое-кто захочет возводить в статус непоколебимых «законов», новых догматов общественного бытия. Уроки истории и наиболее дальновидные мыслители прошлого, к числу которых, безусловно, принадлежит и Ф. Бэкон, настоятельно предупреждают о высокой пагубности подобных убеждений. Однако боязнь возможных ошибок не может быть достаточным основанием для отторжения всех новых знаний, ориентированных на решение будущих проблем. Научение специалиста просто невозможно без множества зачастую ошибочных «проб и ошибок», их анализа и повторных действий, связанных с достижением поставленных целей. В ставшей весьма модной книге «Головой об стену.

Биологические границы мышления» Р. Ридль отмечает, что наши когнитивные способности фреймированы, мы не можем находиться за динамическими границами и выходить за пределы своих эволюционно состоявшихся выработанных ограниченных познавательных способностей. По сути, это кантовский интеллигибельный мир. Попытки когнитивных «скачков» Ридль называет когнитивной «мюнхгаузениадой» или метафизическими притязаниями эпистемологической науки.

Коммуникации научных экспертных сообществ и коммуникативный капитал играют здесь огромное значение. Творческое наследие классической науки нуждается в новом осмыслении и именно с позиций современных «синтетических» знаний.

С этой точки зрения, представляет несомненный интерес одна из современных и наиболее влиятельных концепций в когнитивной науке, которая продолжает разработку идей, выдвинутых основоположниками эволюционной эпистемологии круга К. Лоренца. Речь идет о концепции (Ф. Варела и К) инкарнированного, или телесного, познания [15].

Коммуникация телесна, она воплощена, непосредственно детерминирована телесной облеченностью человека, обусловлено выработанными мезокосмическими способностями человека к отражению действительности человеческого тела видеть, слышать, ощущать. То, что познается и как познается, зависит в том числе и от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей социальной ориентации, восприятия и движения в пространстве. В матрице и рамках современных эпистемологических исследований и представлений, постулируется, что можно утверждать идею, что познание как сложный процесс не только не только воплощение логики непревзойденной интеллектуальной строгости, но и телесно нагружено и детерминировано телесным «капиталом». М. Мерло-Понти, отстаивая единство тела и духа, отмечал, что дух есть «иная» сторона тела. Он прочно внедрен в тело, поставлен в нем на якорь. Телесно

восприятие человеком самого себя: «Я не перед своим телом, Я не в своем теле, скорее Я и есть мое тело» [16].

Телесность сознания тесно связана с представлением о его ситуационности. Телесное означает territorизированное, расположенное в определенном пространстве жизни, которое топологически и темпорально структурировано. Когнитивная система встроена, укоренена как внутренне — в обеспечивающем ее деятельность материальном нейронном субстрате, так и внешне — включена во внешнее ситуативное физическое и социокультурное окружение. Невозможно понять когнитивную и креативную деятельность человека, если абстрагироваться от субъекта познания как живого организма, который включен в определенную ситуацию, имеющую своеобразную конфигурацию, т.е. действующего в определенных условиях. Всякий когнитивный акт расширяется в некую ситуацию, обладающую определенными топологическими свойствами; он осуществляется здесь и теперь в определенном пространстве. И эти действия «вплетены» и пространство языка. Телесное сознание не просто активно, оно энактивировано (enacted): сознание выполняет свои когнитивные функции в действии и через действие. Через действия, двигательную активность формируются когнитивные способности живого организма как в онтогенезе, так и в филогенезе.

Таким образом, познавательная активность в мире создает саму окружающую по отношению к познающему субъекту среду – в смысле отбора, «вырезания» познающим субъектом из мира именно и только того, что соответствует его когнитивным способностям и установкам. Нельзя понять работу человеческого ума, когнитивные способности человеческого интеллекта, если ум человека абстрагирован от организма, его телесности, определенным образом обусловленных способностей восприятия посредством органов чувств (глаз, уха, носа, языка, рук), организма, включенного в особую ситуацию, экологическое окружение, имеющее определенную конфигурацию. Ум существует в теле, а тело существует в мире, а телесное существо действует, охотится за чем-либо, воспроизводит себя, мечтает, воображает. «Тело живет в

мире как сердце в организме», «тело – это наш способ обладания миром» (Морис Мерло-Понти – Феноменология восприятия) тело и мир образуют единую систему [16]. Один из решающих аргументов в защиту множественности истин и соответственно множественности реальностей живых существ базируется на представлении, что всякое живое существо, а человек в высшей степени, не просто отражает мир, но и активно строит, конструирует его, активно коммуницируя в социуме. Все это выводит нас на проблемы конструктивизма – весьма модной ныне темы для размышлений в философии, психологии, психотерапии и теории коммуникации.

Конструктивизм начал активно развиваться в теоретической рефлексии Нового времени, в воззрениях Дж. Вико и Дж. Беркли, которые делали акцент на познающем и мыслящем субъекте. Максима Вико звучала так: «Человек может знать только то, что он знает, т.е. в процессе своего познания мира человек обращается только к своему опыту и переосмысливает только этот опыт». Беркли, который обратил внимание на понятие существования, или экзистенции, утверждал, что «существовать — значит быть воспринимаемым», что субъекту доступно лишь содержание его сознания, а мир опыта есть только мир знания. Таким образом, субъект имеет дело в процессе познания и деятельности с самим собой, от себя ему никуда не уйти [17]. По Канту, рассудок обладает, спонтанной и автономной активностью он оформляет, конструирует опыт: «Под архитектурой я разумею искусство построения системы. Так как обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т. е. из простого агрегата знаний превращается в систему, то архитектура есть учение о научной стороне наших знаний вообще, и, следовательно, она необходимо входит в учение о методе. Под управлением разума наши знания вообще должны составлять не отрывки, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им. Под системой же я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им *a priori* определяется объем многообразного и положение частей относительно

друг друга. Следовательно, научное понятие разума содержит в себе цель и соответствующую ей форму целого. Единством цели, к которому относятся все части [целого] и в идее которого они соотносятся также друг с другом, объясняется то, что, приобретая знание, нельзя упустить из виду ни одной части, а также нельзя сделать никакого случайного добавления или остановиться на неопределенной величине совершенства, не имеющей а priori определенных границ» [10]. К этому подходу весьма близки и кибернетики Х. фон Фёрстер, Г. Бейтсон, П. Ватцлавик и создатель генетической психологии Ж. Пиаже. Подход Пиаже четко прописан в точке зрения: «Человек организует мир, организуясь сам» [18].

Окружающий мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, является, таким образом, нашим изобретением. Вместо того чтобы беспокоиться о недоступной нам внешней реальности, разумнее сфокусировать внимание на мире, который мы строим в процессе взаимодействия и коммуникации с другими людьми, на мире нашего опыта.

Источники и литература

1. Мамедов А. К. Эпистемология социального познания. — КАНОН+ Москва, 2017. – 224 с.
2. Файхингер Х., Ганс Файхингер «Философия «как если бы»//Электронный ресурс – URL: <https://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-vaihinger/763-book-hans-vaihinger-philosophy-of-as-if-part-36> (Дата обращения 01.02.2021 г.)
3. Витгенштейн Л. Голубая и Коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Иткина. – Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. – 256 с.
4. Ясперс К. Философия. Книга 1. Философское ориентирование в мире; Философия. Книга 2. Просветление экзистенции; Философия. Книга 3. Метафизика / Пер. с нем. А.К. Судакова – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012.

5. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? // М.: Наука, 1991. – 411 с.
6. Лейбниц Г. В. Труды по философии науки. – М.: Либроком, 2010. – 178 с.
7. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1/Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. – 654 с.
8. Шелер М. Формы знания и образование // Человек. — 1992, № 4, с. 85-96; № 5, с. 63-75.
9. Стюарт Т.А., Интеллектуальный капитал, новый источник богатства организаций, 2007, Электронный ресурс – URL: <https://obuchalka.org/20180925104021/intellektualnii-kapital-novii-istochnik-bogatstva-organizacii-stuart-t-a-2007.html> (Дата обращения 02.02.2021).
10. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – Мн.: Литература, 1998. – 816 с.
11. Тард Г. Законы подражания; [перевод с французского] / Г. Тард. - Москва: Академический проект, 2011. – 302 с.
12. Эзер Э. Динамика теорий и фазовые переходы (в связи со схемой на учной эволюции по Карлу Попперу) // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 37-44.
13. Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в 4-х т. – Т.1. – М., 1972.
14. Ватцлавик П. Выдуманная реальность: как мы узнаем то, что, по нашему мнению, мы знаем?: вклад в конструктивизм // Издатель: Нью-Йорк: Нортон, 1984. Электронный ресурс - URL: <https://www.worldcat.org/title/invented-reality-how-do-we-know-what-we-believe-we-know-contributions-to-constructivism/oclc/9412760> (Дата обращения: 10.02.2021).
15. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. Гл. 2. С. 40.
16. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.
17. Berman David. George Berkeley: Idealism and the Man. Oxford: Clarendon Press, 1994.
18. Пиаже Ж. Психология интеллекта. — М.: Питер, 2004.

Коммуникативные инструменты европейской интеграции

Багаева Алиса Валерьевна

к.с.н, доцент, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: dagny35@gmail.com

В статье рассматриваются инструменты коммуникации, применяемые в Европейском Союзе. Раскрыта деятельность основных институтов ЕС по поддержанию коммуникации и сохранению многоязычия на пространстве Союза. Показана «пластичность» коммуникативной тематики, включающей множество направлений, пронизывающей всю деятельность европейских интеграционных институтов и сохраняющейся на повестке дня Европейской комиссии от состава к составу.

Ключевые слова: многоязычие, межкультурная коммуникация, европейская интеграция, лингвистический аспект транснациональной коммуникации, коммуникативные институты ЕС.

The article examines the communication tools used in the European Union. The article reveals the activities of the main EU institutions to maintain communication and preserve multilingualism in the Union space. It is showed that the communicative theme includes many areas, permeates all the activities of European integration institutions and remains on the agenda of the European Commission from one composition to another.

Key words: multilingualism, intercultural communication, European integration, linguistic aspect of transnational communication, communication institutions of the EU.

Под воздействием культурной глобализации и развития цифрового общества в мире происходит преодоление разделительных барьеров – не только

физических, таких, как границы и время, но и культурных, когда становится доступным приобщение к языковому и культурному многообразию мира, усиливаются туристические и миграционные потоки. С одной стороны, появляется возможность взаимообогащения культур, а с другой, – сама природа глобализации неизбежно унифицирует мир, ставя под угрозу национальную индивидуальность и культурное своеобразие. В этом аспекте особый интерес представляют коммуникативные инструменты и стратегии европейской интеграции, направленные на сохранение культурной и языковой самобытности входящих в Европейский Союз (ЕС) народов перед лицом субглобализаций [2; с.22], которые можно охарактеризовать как тренды, имеющие скорее региональный, чем глобальный, размах, но так же способствующие сближению обществ. Как сохранить культурное и языковое многообразие в интегрированном европейском обществе, ориентирующемся в своем развитии на общеевропейскую идентичность и отсутствие коммуникативных, как и иных, барьеров? Для ответа на этот вопрос, рассмотрим коммуникативные стратегии Евросоюза.

Политика ЕС в области коммуникации и взаимодействия на европейском пространстве выглядит весьма многоаспектным явлением и затрагивает самые разные пласты жизни общества. В европейской модели коммуникативного поведения можно выделить три локальных варианта: английский, немецкий и французский. Другие варианты (испанский, итальянский и т.д.) также интересны, однако, в современном мире именно три названных следует считать наиболее распространёнными.

Основными чертами английского коммуникативного поведения являются:

- некатегоричность в суждениях, позволяющая сохранить гибкость, нейтральность и дипломатичность высказываний;
- эмоциональная сдержанность, граничащая с холодностью и отстраненностью, выступающая как своего рода «визитная карточка» англичан;
- высокая терпимость к молчанию;
- невысокая громкость общения;

- немногословие, препятствующее произнесению того, о чем можно впоследствии пожалеть;
- бытовая вежливость, ассоциирующаяся с хорошими манерами и воспитанием;
- приоритетность «общения ради общения», проявляющаяся в формальном поддержании контакта, когда фразы, которыми обмениваются собеседники, носят отвлеченный характер, помогая лишь воспроизводить коммуникативные практики;
- жёсткая тематическая регламентация общения, предполагающая, что не все темы могут быть предметом обсуждения;
- высокий уровень доверия к словам собеседника, отражающий понимание сторонами того, что произносимое осмыслено и взвешено, и никогда не спонтанно;
- восприятие языка как показателя статуса говорящего, подразумевающее высокую культуру речи как проявление внутренней культуры человека, и наоборот;
- широкое использование письменного общения в повседневности, являющееся следствием стремления к формализации общения;
- коммуникативный оптимизм, состоящий в согласии с тем, что делиться своими проблемами или дурным настроением не принято, тогда как позитивный настрой собеседников приветствуется.

В вербальной коммуникации англичане стараются быть подчёркнуто вежливыми, но при этом свободно могут употреблять нецензурные выражения. Стараются избегать личных тем в общении, держать определённую дистанцию. Во многом это определяется традиционным английским консерватизмом, которому следуют неосознанно.

Для невербальной коммуникации англичан характерно стремление держать значительную дистанцию, которая составляет от одного до трех с половиной метров, что в полтора раза больше дистанции у русских, например. Важным для англичан является понятие личного пространства, которым они

считают даже временно занятое ими место. Приемлемы физические прикосновения руками, но, ни в коем случае, не всем телом. Рукопожатие англичанами используется достаточно редко, а прикосновение руки к руке считается знаком особой близости. Объятия у англичан достаточно распространены, но без поцелуев, которые рассматриваются как слишком интимные. Англичане часто стараются принимать свободные позы, в том числе и в общественных местах. Улыбка — это обязательный сигнал вежливости.

Для немецкого коммуникативного поведения характерны следующие черты:

- вежливость, тактичность, корректность и воспитанность;
- пунктуальность;
- нелюбопытность;
- общительность и приветливость;
- сдержанность;
- но наряду с этим характерна определённая жёсткость в суждениях, доходящая до грубости.

В вербальной коммуникации для немцев характерно использование большого числа оборотов речевого этикета. В последнее время в официальной речи всё больше распространяется использование сокращений, в том числе и неформальных. Устная речь немцев имеет очень большую степень клишированности. В выражении благодарности и извинения немецкая речь очень сильно ритуализирована.

В невербальной коммуникации наиболее явные различия между немцами и русскими наблюдаются в ситуациях приветствия, прощания, пожелания, просьбы и комплимента. Немцы улыбаются гораздо чаще русских, улыбка, как и у англичан, считается обязательным сигналом вежливости. Дистанция общения для немцев чуть меньше, чем для англичан, но выше, чем для русских. Рукопожатие считается обязательным при приветствии. Для немцев нормальными представляются объятия и поцелуи, особенно для близких людей, в том числе и в публичных местах.

Французское коммуникативное поведение характеризуется следующими чертами:

- особая вежливость и открытость в общении;
- жизнерадостность;
- тонкое чувство юмора, в том числе и достаточно резкое, допускаются шутки «ниже пояса»;
- высокая эмоциональность и активная жестикуляция при общении;
- но при этом чувства не столько проявляются, сколько демонстрируются;
- высокая консервативность в этикете, в том числе и коммуникативном.

Для французской вербальной коммуникации также характерно использование большого числа речевых клише. В разговорах, особенно в вопросительных фразах, французы дистанцируются от собеседника. Французами постоянно используются слова благодарности в общении. Все переговоры они стараются вести на французском языке, даже если в совершенстве владеют иностранными. Значительную роль в коммуникации играют застольные разговоры, поскольку принятие пищи рассматривается французами как определённый ритуал.

Для невербального общения французов характерна минимальная социальная дистанция в общении, даже ближе, чем у русских. Французы улыбаются всем, даже абсолютно незнакомым людям. Рукопожатия считаются обязательными, их отсутствие говорит о недоверии и нарушении близости в общении. Однако при общении с малознакомыми людьми французы стараются выдерживать определённую дистанцию. Французы очень негативно относятся к жестам из другой культуры, особенно к американским.

Рассмотренные коммуникативные модели соответствуют наиболее распространенным и наиболее часто используемым языкам ЕС – английскому, немецкому и французскому. Всего же в Европейском Союзе 24 официальных языка. При этом языковое разнообразие внутри интеграционного объединения не исчерпывается ими, а включает еще два языка, имеющих официальный статус в двух странах-членах ЕС, – люксембургский (Люксембург) и турецкий (Кипр).

Все официальные языки являются рабочими языками ЕС, то есть применяются в повседневной работе его институтов. При этом английский, французский и немецкий языки по статусу стоят несколько выше других, так как являются процедурными языками Европейской комиссии. Они же относятся к наиболее широко используемым, английский язык при этом является еще и самым распространенным, так как его понимает почти половина взрослого населения Евросоюза.

При том, что Европейский Союз в своих официальных документах выступает за языковое разнообразие, что закреплено в соответствующих статьях Хартии основных прав ЕС и Договора о Европейском Союзе, единой языковой политики ЕС не имеет. В соответствии с применяемым в Евросоюзе принципом субсидиарности, языковая политика стран-членов является зоной их собственной ответственности, и институты ЕС играют в этой области лишь вспомогательную роль.

Эта роль состоит в активном продвижении «европейского измерения» в странах Союза, которое состоит в популяризации повседневного использования нескольких – по крайней мере, двух, – европейских языков, помимо родного. Европейский паспорт подразумевает европейскую идентичность, которая отрицает границы и утверждает свободу – не только передвижений, но и языковой коммуникации. И хотя ЕС не влияет напрямую на политику стран-членов в этой области, через ряд финансируемых им программ он поддерживает изучение языков и языковое разнообразие. Здесь можно упомянуть предоставляемые для изучения иностранных языков гранты и стипендии, системы международных обменов, главной целью которых является повышение мотивации к изучению и использованию более чем одного – родного – языка каждым европейцем.

Рассмотренное позволяет сделать вывод о том, что на политико-институциональном уровне концепт многоязычия выступает инструментом практической реализации языковой политики ЕС как воплощение идеи межкультурной коммуникации при сохранении языкового

многообразия [3, с.59]. Наиболее существенной характеристикой этого инструмента является то, что многоязычие представляет собой единую языковую систему, а не сосуществование отдельных языковых систем внутри одного региона. Кроме того, оно понимается как единая коммуникативная компетенция человека [3, там же].

Несложно заметить, что коммуникативной тематике в деятельности ЕС придается большое значение: она буквально пронизывает собой повседневную деятельность всех структур Евросоюза. Достаточно сказать, что все решения, которые принимают официальные органы ЕС, переводятся на все официальные языки, что предполагает не только ведение документооборота на всех официальных языках (ведь граждане ЕС вправе обратиться в официальные органы Союза и получить ответ на любом из двадцати четырех официальных языков), но и осуществление синхронного перевода выступлений участников на всех мероприятиях на высшем уровне. На это тратятся ежегодно сотни миллионов евро, а это лишь часть многовекторной деятельности ЕС по поддержанию культурного многообразия, развитию толерантности в общении между гражданами Союза и сохранению европейских языков.

Во-вторых, коммуникативная тематика, будучи очень пластичной, "переливается" в разные комиссии в зависимости от того, какой на дворе период, как позиционирует себя Европейская Комиссия, и кто ее возглавляет. Еврокомиссия следует общим интересам ЕС и выступает с соответствующими инициативами. В своей деятельности Еврокомиссия должна быть абсолютно независима и беспристрастна. Это достигается тем, что она не подчиняется ни одному из государств-членов, и воплощает коммунитарные интересы. Ее функции весьма многообразны – от наблюдения за применением права ЕС и мер, принятых его структурами, до формирования бюджета ЕС [1, с.193].

Члены Комиссии выбираются на 5 лет на основе их компетентности в европейских делах из числа лиц, чья беспристрастность не вызывает сомнения. В состав Еврокомиссии входят по одному представителю от каждого государства-члена, председатель и министр иностранных дел Союза,

являющийся одним из заместителей председателя. По истечении пятилетнего срока работы Комиссия обновляется на две трети состава на основе системы справедливой ротации между государствами-членами [1, там же].

Если говорить о политике в области коммуникации и развития цифрового общества, то в первом составе ЕК (1958-1967) были специально выделены комиссии по развитию информационного общества и образованию и культуре. Во второй ЕК (1967-1970) – цифровые технологии; образование, культура, многоязычие, молодежь. В комиссии Ж.-К.Юнкера (2014-2019) – единый цифровой рынок; образование, культура, молодежная политика, спорт. В сегодняшнем составе комиссии (с 1 декабря 2019 года), возглавляемом первой на этом посту в истории женщиной, Урсулой фон дер Ляйен, выделены такие комиссии: межинституциональные отношения; европейские ценности и прозрачность; продвижение европейского образа жизни.

Это – совсем другая модель коммуникации. Она: во-первых, по-другому видит институциональные связи с точки зрения управления ЕС; во-вторых, по-иному представляет коммуникацию внутри самого сообщества; в-третьих, более ориентирована на коммуникативную культуру будущего.

Источники и литература

1. Багаева А.В., Терновая Л.О. Правовые основы европейской интеграции: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. — Издательство Юрайт Москва, 2016. — 295 с.
2. Бергер, П.Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 8-24.
3. Коротова, И.А. Концепция многоязычия как стратегия языковой политики и иноязычного образования в Европе / И.А. Коротова, Д.Д. Поляков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2015. – № 1. – С. 54-60.

Чтение как процесс коммуникации в современных условиях

Бессонова Маргарита Олеговна

студент 4 курса (бакалавр)

Московский государственный лингвистический университет

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: margobes@mail.ru

В статье затрагиваются особенности чтения как процесса коммуникации. Для определения понятия данного объекта, были рассмотрены «7 традиций» коммуникации Э. Гриффина. На основе авторских исследований описываются цифровые практики московской молодежи, связанные с используемым форматом книги, членством в книжных клубах или в группах в социальных сетях и обсуждением прочитанного. Были проанализированы возможности коммуникации читателей с современными авторами или друг с другом в онлайн-формате, а также на существующих платформах, направленных на облегчение данного вида коммуникации.

Ключевые слова: чтение, коммуникация, библиотеки, автор, читатель, книга, социальные сети, цифровизация.

The article concerns the peculiarities of reading as a communication process. To provide the definition of this object, the "7 traditions" of communication by E. Griffin were considered. Based on the author's research, digital practices of Moscow youth related to the used book format, membership in book clubs or groups on social networks, and discussion of what they read are described. The possibilities of online communication between readers and modern authors or between each other and communication on existing platforms aimed at facilitating this type of communication, are analyzed.

Key words: reading, communication, libraries, author, reader, book, social networks, digitalization.

Люди, живя в обществе, постоянно косвенно или напрямую взаимодействуют друг с другом. Одним из основных способов взаимодействия выступает процесс коммуникации.

Сегодня коммуникация характеризуется рядом особенностей. Во-первых, человек может передавать информацию, находясь далеко от адресата и во времени, и в пространстве. Во-вторых, сегодня существует большое количество различных средств коммуникации, которые облегчают и поддерживают сам процесс обмена информацией. В данной работе таким средством будет рассматриваться книга.

С социологической точки зрения данное понятие можно охарактеризовать через социальное явление. Она способна существовать лишь в обществе. Текст, заложенный в произведении, приобретает свою значимость, только будучи прочитанным. В ином случае он остается просто набором слов на странице издания. Таким образом, книга выступает необходимым элементом в процессе читательской коммуникации.

Чтение зачастую воспринимается, как односторонний процесс, с помощью которого автор передает свою мысль читателю. Однако необходимо понимать, что читатель такой же важный коммуникатор, как и автор, и он, в свою очередь, влияет на писателя. Таким образом, проблема данной темы заключается в изучении механизмов взаимодействия автора и читателей.

Чтобы более подробно изучить особенности понятия коммуникации, можно обратиться к «7 традициям» Э. Гриффина [1, с. 84-99].

Социопсихологическая традиция определяет коммуникацию как межличностное взаимодействие. Конкретный пример влияния того, кто написал, проявляется в том, что некоторые женщины писательницы брали мужские псевдонимы. Исследования показали, что пол автора воздействует на предпочтения и выбор писателя [8].

Кибернетическая традиция определяет получение и обработку информации, как основную цель коммуникации. Таким образом, суть книги заключается в передаче сообщения.

Риторическая концепция рассматривает коммуникацию как искусство разговора. В некотором смысле книгу можно рассматривать как выступления писателя, представленные в письменном виде. Автор делится своим мнением, старается убедить читателей в правоте, в достоверности повествования, используя при этом различные литературные приемы.

С точки зрения *семиотики*, книга выступает той системой знаков, которая позволяет автору передать читателям свою мысль.

Социокультурная традиция предполагает, что при передаче информации, т.е. при коммуникации, люди производят культуру. Безусловно, каждая книга становится частью культуры, воздействует на мировоззрение читателей, формируя их нормы и ценности.

Критический подход относится к деятельности литературных критиков, которые изучают не только содержание произведения, но и стиль повествования, литературные приемы, которые использовал писатель. Этот подход рассматривает коммуникацию как дискурсивную рефлексия. Большую роль здесь играет обратная связь, т.е. реакция читателей на произведение.

Феноменологическая традиция предоставляет возможность посредством коммуникации лучше узнать не только другого человека, но и самого себя. Чтение учит каждого читателя сопереживать литературному герою, понимать его мотивы и поступки. Перефразировав суть концепции, можно сделать вывод, что чтение, как процесс коммуникации, позволяет лучше понять других людей и себя самого.

Анализ различных подходов к пониманию коммуникации позволил выделить социологический подход, согласно которому *чтение можно определить, как социальный коммуникационный процесс, основной целью которого является передача сообщения посредством написания, интерпретации и/или обсуждения литературного произведения – книги.*

В книге «Человеческая природа и социальный порядок» Ч. Кули писал о том, что книга является олицетворением автора. И если автор не верит своим же идеям, не поддерживает точку зрения, которую он сам затронул при написании

книги, то у читателя это вызывает лишь отторжение, так как прочитанное не совпадает с реальностью. По мнению ученого, читая книгу, можно узнать не только судьбу главного героя, но и историю самого автора. Читатель, который прочитывает все произведения автора, солидарен с его мнением. Кули пишет о том, что такие читатели обращаются к произведению любимого писателя, чтобы «насытиться его мыслью» [4].

Таким образом, книга оказывает значительное влияние на личность читателя. Те идеи, которые закладывает автор в книгу, то, что он хочет донести, оказывает определенный эффект на мировосприятие любого читателя.

На основе моделей Г. Лассуэлла и Осгуда-Шрамма [6-7] можно утверждать, что взаимоотношения автора и его читательской аудитории являются процессом коммуникации, который также включает в себя процесс обратной связи, т.е. реакции читателей и критиков на то или иное литературное произведение. Более того, в читательской сфере в процессе общения субъектами могут являться и сами читатели, т.е. источник может также выступать в качестве получателя, и, наоборот, получатель – в качестве источника. Кроме того, автор, передавая некую идею, кодирует, представляет ее в виде произведения. Задача читателя заключается в декодировании мысли писателя.

А. Мангель описал то, как по-разному читатели могут воспринимать одно и то же произведение. В качестве примера он взял повесть Ф. Кафки «Превращение». Кому-то из читателей она показалась смешной, кто-то увидел в ней этическую притчу, для кого-то это аллегория юношеского страха, кто-то посчитал ее большевистской, а кто-то – буржуазной [5, с.137-138]. Каждый читатель по-своему понимает (декодирует) идею автора, исходя из собственного мировоззрения. И каждый имеет право на личное восприятие произведения.

Множественность смыслов зависит от личных знаний социальных акторов, т.е. читателей. Данная черта выступает особенностью чтения в настоящем обществе. Сегодня на первый план выходит не то, что написано автором, а то, как это проинтерпретировано читателями в контексте современных социальных явлений [3, с. 599].

Современная книга предстает в трех формах: бумажной, электронной и аудиальной. Бумажная книга – печатное издание в виде переплетенных листов с текстом. Электронная книга – электронная версия литературного произведения. Аудиокнига – литературное произведение на звуковом носителе. По мнению итальянского ученого У. Эко, сама книга может видоизменяться, но книга навсегда останется книгой [2]. Виды книг могут вместе сосуществовать, и у каждой формы есть свой читатель.

Для анализа особенностей читательских интересов, зимой 2021 г. был проведен онлайн-опрос московских студентов. Квотная выборка, репрезентирующая студентов по полу, составила 323 респондента. Ошибка выборки не превышает 3%. Респондентам был задан вопрос о том, какой формат книги они предпочитают. Несмотря на то, что 82% опрошенных выбирают печатные издания, 69% молодых людей указывали электронный формат, 22% – аудиокниги. Согласно результатам проведенной фокус-группы, в которой участвовали 7 студентов 19-23 лет, некоторые респонденты отмечали, что формируют свою домашнюю библиотеку с помощью электронных экземпляров, так как это позволяет сэкономить место и хранить все книги на одном устройстве.

«Я недавно начала снимать квартиру вместе с подругой. И, так как места не очень много, не взяла с собой книги. Поэтому заново для себя открыла электронную книгу. Теперь там моя библиотека».

Согласно исследованию ВЦИОМ, молодые люди 18-24 лет предпочитают читать и художественную, и научную литературу в электронном формате (51% и 57% соответственно) [9]. Это подтверждает вывод о том, что в современном мире электронный формат становится все более распространенным, особенно среди молодежи.

Осенью 2020 г. проводилось авторское исследование, целью которого было изучить коммуникативный аспект чтения московской молодежи. Выборка составила 367 респондентов 17-26 лет, квотная ошибка по полу равна 3%.

Молодым людям были заданы вопросы о том, являются ли они членами книжных клубов и групп, посвященных тематике книг, литературы, чтения в социальных сетях. Только около 2% являются членами книжных клубов. 9% респондентов отметили свое участие в онлайн-клубах. 3% ответили, что состоят как в офлайн, так и в онлайн книжных клубах.

На вопрос о членстве в группах в социальных сетях 66% молодежи ответили положительно. Касательно активности, стоит упомянуть, что наиболее часто пользователи-участники таких групп оставляют лайки (77%), менее активно они пишут комментарии (41%) и участвуют в обсуждениях (30%).

Следующий вопрос касался доверия молодежи по отношению к мнению тех же категорий читателей (Рисунок 1). Почти 50% опрошенных ответили положительно на вопрос о том, прочитают ли они книгу, если ее порекомендуют другие читатели в интернете. 31% респондентов ответили так же на вопрос о членах книжного клуба. Таким образом, молодые люди в большей степени полагаются на мнение читателей в социальных сетях. Вероятно, они уже имели положительный опыт / результат такого взаимодействия.

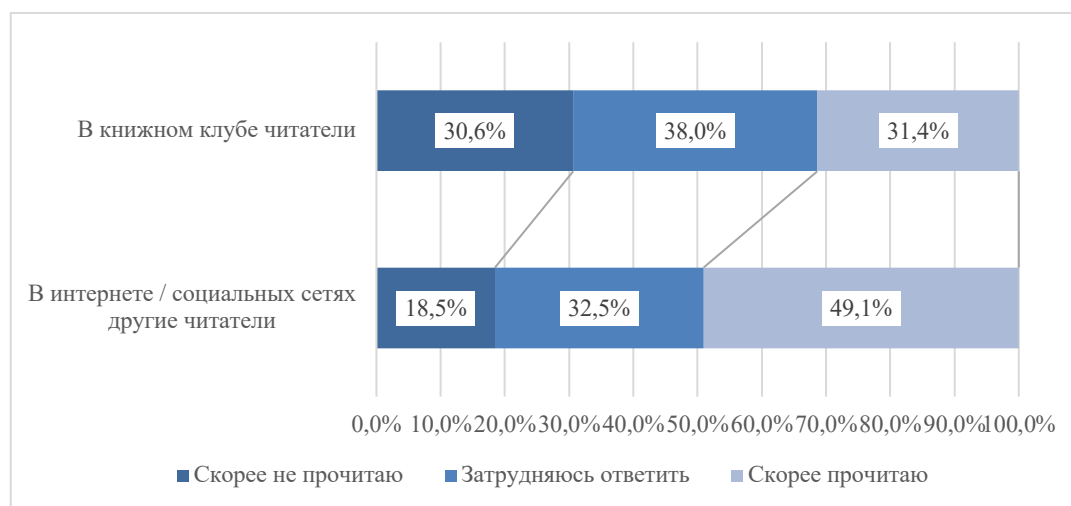

Рисунок 1 – Отношение к рекомендациям других читателей

Согласно результатам опроса, чуть больше 41% и 46% респондентов пишут и изучают отзывы об интересующих их книгах (Рисунок 2). Следовательно, можно сделать вывод, что онлайн-формат облегчает процесс коммуникации, делает его более доступным и удобным для современной молодежи.

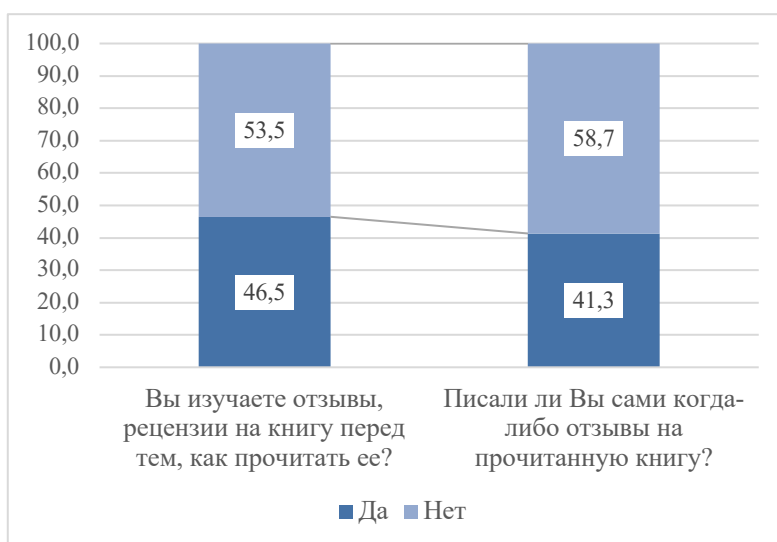

Рисунок 2 – Написание и изучение отзывов, %

Сегодня существует возможность прямого контакта с современными писателями, например, на специальных встречах, которые зачастую приурочены к выпуску книги. Молодым людям был задан вопрос о наличии/отсутствии такого опыта. Только 30% респондентов присутствовали на такой встрече. 16% задавали вопросы, участвовали в общении с автором.

В авторском исследовании был задан открытый вопрос о том, что респонденты хотели бы сказать или пожелать любимому автору. Многие читатели имеют ряд вопросов, которые касаются не только литературных произведений, но жизни самого писателя.

«Насколько тяжело было писать объёмное произведение, сверяясь с историческими источниками, не теряя при этом всей сюжетной канвы произведения и заостря особое внимание на характерах персонажей?»

Были и те респонденты, которые выражали желание напрямую пообщаться с писателем на тему, не связанную с каким-либо конкретным произведением. Многие описывали гипотетические ситуации, называя авторов-классиков, мнение которых хотели бы узнать.

«Хотела бы пообщаться с Достоевским о его вере».

«...мне бы хотелось просто пообщаться с Рэйем Брэдбери».

Однако некоторые указывали, что имеют возможность задать вопросы напрямую современным писателям. Благодаря цифровизации литературного

пространства коммуникация читателей с писателями-современниками стала практически общедоступной.

«Я это делаю регулярно, так как нахожусь в фанатском чате писателя».

Примером взаимодействия писателя и читателей через социальные сети может выступать сериал по произведению С. Лукьяненко «Осенние визиты». Многосерийный художественный фильм снимается командой поклонников творчества писателя под его контролем во Владивостоке. Данная инициатива создается через краудфандинг, т.е. «фанатами для фанатов», без поддержки Фонда кино, Министерства культуры и других официальных организаций. Был открыт сбор средств для проведения съемок, и каждый читатель-поклонник писателя мог поучаствовать в создании кино. Таким образом, благодаря информационным технологиям читатели из разных городов смогли объединиться в команду для создания собственного творческого продукта.

В настоящее время широкую популярность приобрели книги «Самиздата», т.е. никогда не издававшиеся книги, но выложенные на сайтах магазинов электронных книг. К наиболее популярным порталам относятся ЛитРес, Литнет, Автор.Тудей. Данные платформы помогают начинающим писателям найти свою целевую аудиторию. Благодаря отклику авторы понимают, что пользуется спросом среди читателей, какой жанр интересен в настоящее время. Кроме того, эти сайты интересны и писателям, создавшим свое имя, как поле для «литературных экспериментов», т.е. желающим попробовать себя в новом стиле. Такие онлайн-платформы дают возможность публиковаться без рисков, не боясь финансовых убытков из-за печатного производства.

На сайте ЛитРес существуют раздел «Черновики», где главы произведения выходят в режиме реального времени. Более того, существуют книги, которые позволяют читателям самостоятельно определять мотивацию героев в конце каждой главы. На основе совершенных выборов формируется финал произведения, к которому индивид пришел самостоятельно. Это помогает читателям стать участниками процесса написания литературного произведения, т.е. их «сотворчества» с писателями. Например, в книге С. Лукьяненко и

Н. Перумова «Не место для людей» читатель имеет возможность получить свой собственный сюжет.

Данные примеры описывают коммуникативный процесс между автором и читателем, так как зачастую популярность произведения, его выход в топ напрямую зависит от обратной связи онлайн читателей, т.е. количества лайков и / или числа скачиваний книги.

Преимущества цифровизации литературной среды проявились в условиях пандемии в начале 2020 г. Библиотеки из-за всеобщей самоизоляции оказались в достаточно уязвимом положении. Однако выход в сеть позволил им не только расширить свой функционал, но и привлечь новых читателей из числа интернет-аудитории. Многие библиотеки, открывшие для себя интернет-пространство, сумели справиться с новыми жесткими условиями и продемонстрировали способность работать вне своих стен: от организации *«традиционных обзоров литературы и встреч с авторами до квестов, читательских конкурсов, марафонов и интеллектуальных игр»* [10]. Широкое распространение получило онлайн-чтение библиотекарями вслух для детей и подростков, так как даже самые качественные аудиокниги не могут заменить живое общение и последующее обсуждение прочитанного.

Таким образом, расширение коммуникативных возможностей, которые связывают авторов и поклонников их творчества, библиотекарей и их посетителей, читателей друг с другом, стало возможно благодаря проникновению и развитию информационных технологий в литературную сферу.

Источники и литература

1. Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», Науменко А.А., 2015. – 688 с.
2. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! / пер. с фр. О. Акимовой. – СПб.: Symposium, 2010. URL: http://www.pseudology.org/eco_umberto/Ne_nadeites_izbavi_ot_knig2.pdf (дата обращения: 22.01.2021).

3. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь / С.А. Кравченко. Моск. гос. ин-т между- нар. отношений-Университет МИД России. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. – 690 с.
4. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. URL: https://bookap.info/sociopsy/kuli_chelovecheskaya_priroda_i_sotsialnyy_poryadok/ (дата обращения: 22.01.2021).
5. Мангель А. История чтения / пер. М. Юнгер. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. – 432 с.
6. Berger A.A. Essentials of Mass Communication Theory / SAGE Publications: International Educational and Professional Publisher, the USA, 1995. – 224 p.
7. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society, 1948. URL: <https://marketing-course.ru/wp-content/uploads/2018/11/Lasswell.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).
8. Cohen S. Why Women Writers Still Take Men's Names / The Wall Street Journal, 2012. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324355904578159453918443978> (дата обращения: 22.01.2021).
9. Российский читатель-2020: штрихи к портрету [Электронный ресурс] // ВЦИОМ, 2019. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/300120_Knizhnyi_rynok_Rossii.pdf (дата обращения: 22.01.2021).
10. Как библиотеки переживают пандемию [Электронный ресурс] // МК.ру, 2020. URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/05/26/kak-biblioteki-perezhivayut-pandemiyu.html> (дата обращения: 22.01.2021).

«Облачная» этика: противоречивые последствия цифровизации

Вершинина Инна Альфредовна

к.с.н., доцент, доцент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: urbansociology@yandex.ru

Мартыненко Татьяна Сергеевна

к.с.н., старший преподаватель

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: ts.martynenko@gmail.com

В статье анализируется вопрос о том, какова этическая основа решений, принимаемых алгоритмами и оказывающих влияние на различные сферы функционирования общества. Особое внимание уделено работе британской исследовательницы Луизы Амур, посвященной социальным последствиям функционирования алгоритмических систем и формирующейся «облачной этике». Данная проблематика приобретает все большую актуальность, причем в современной науке распространение алгоритмов и их повсеместное использование часто оценивается с точки зрения потенциальных рисков (усиления социального неравенства, маргинализации индивидов и социальных групп, эксплуатации и возникновения «общества надзора»), поскольку этические аспекты использования алгоритмов зачастую оказываются вне сферы внимания тех, кто способствует их более широкому распространению. В работе обозначены основные характеристики алгоритмов и механизмы принятия ими решений, описаны основные компоненты так называемой «облачной этики» и рекомендации по ее разработке, которые предлагает Луиза Амур.

Ключевые слова: этика, информационное общество, цифровизация, датификация, алгоритмы, большие данные, «облачная этика», Луиза Амур, непрозрачность.

The article analyzes the question of what the ethical basis of decisions is made by algorithms and influencing various spheres of society. Particular attention is paid to the work of the British researcher Louise Amoore, devoted to the social consequences of the functioning of algorithmic systems and the emerging “cloud ethics”. This issue is becoming increasingly important in modern science, the spread of algorithms and their widespread use are often assessed in terms of potential risks (increased social inequality, marginalization of individuals and social groups, exploitation and the emergence of a “surveillance society”), since the ethical aspects of using algorithms are often out of the scope of attention of those who contribute to their wider dissemination. The paper outlines the main characteristics of algorithms and their decision-making mechanisms, describes the main components of the so-called “cloud ethics” and recommendations for its development, which are proposed by Louise Amoore.

Key words: ethics, information society, digitalization, datafication, algorithms, Big Data, “cloud ethics”, Louise Amoore, opacity.

В условиях пандемии COVID-19 цифровые технологии получили гораздо более широкое распространение, нежели прежде, позволяя в дистанционном формате осуществлять образовательную и трудовую деятельность, а также обеспечивая общение между людьми в период самоизоляции. На протяжении нескольких последних десятилетий проблема влияния новейших информационных технологий на общество обсуждается в научных кругах со все большей интенсивностью [2], что обусловлено противоречивым характером социальных последствий цифровизации. Наряду с распространением технологий и их внедрением в разные сферы общественной жизни, одной из причин возрастающего интереса к данной теме является повсеместное использование больших данных и алгоритмов, позволяющих справиться с огромными

массивами неструктурированной информации, которая стала частью повседневного опыта современного человека.

Сегодня, вопреки мечтам о реализации потенциала алгоритмических моделей (например, для предотвращения преступлений или прогнозирования распространения заболеваний), специалисты все чаще отмечают риски, которые за ними скрываются. По мнению австралийского исследователя Р. Хассана, в новейших цифровых технологиях, в том числе в работе алгоритмических систем и искусственном интеллекте, больше угроз для человечества, чем в экологическом кризисе [6].

Особого внимания в этом контексте заслуживает работа профессора политической географии Луизы Амур, в которой алгоритмы рассматриваются в этикополитическом измерении. Автор подчеркивает, что все алгоритмические системы не являются нейтральными с точки зрения тех решений, которые они принимают в ходе работы [4, р.74]. Вопрос о цифровой этике ставится в научной литературе не впервые. Уже в 2016 году коллектив британских исследователей определил предметное поле «этики алгоритмов» и обозначил проблему: этические решения требуют, чтобы агенты оценивали желательность различных вариантов действий, которые представляют конфликт между интересами вовлеченных сторон, что далеко не всегда возможно в случае автоматического принятия решений, ответственность за которые фактически возлагается на программистов [9]. Более того, между разработкой алгоритмов и их работой зачастую возникает разрыв, который может иметь серьезные последствия для отдельных лиц, групп и даже сфер общественной жизни. В частности, оценка потенциала людей и их жизненных шансов может происходить не на основе их фактического поведения, а на основании связей с другими людьми, идентифицированных алгоритмом. Более того, в качестве атрибутов, на основе которых алгоритмы функционируют, могут быть использованы характеристики индивидов, на которые последние не могут повлиять или которые не отражают их реальные достижения и социальные связи. Например, некоторые компании в

США при отборе претендентов на работу исключали соискателей с латиноамериканскими фамилиями (вне зависимости от их квалификации) [12].

Очевидно, что алгоритмы приобретают все более значимую роль в принятии решений самого разного уровня и практически во всех сферах общественной жизни, поэтому необходимо понимать, на каких этических принципах создаются алгоритмы, и какими могут быть последствия их использования. Алгоритмы как *non-human actors* формируют мир, в котором их применяют, поскольку им все чаще позволяют ограничивать и нормировать поведение человека.

Л. Амур предлагает распространить этические проблемы на алгоритмы, то есть на *non-human actors*, и предлагает назвать это «облачной этикой». «Облачная этика» – это все, что «связано с политическим формированием отношений с самим собой и с другими, которое все чаще происходит с помощью алгоритмов» [4, p.7]. С теоретико-методологической точки зрения автор во многом следует традиции акторно-сетевой теории (*Actor-Network Theory, ANT*). Провозглашенный еще в последней трети XX века «конец социального» [1] оформился в направление, одной из задач которого является пересмотр представления о социальных науках в целом, а также о понятии общества и субъектах социальных отношений. Радикальная критика современных социальных наук Б. Латуром [3] была неоднозначно встречена учеными, особенно в отношении понятия «актант», под которым автор понимает любой предмет или живое существо, участвующее в процессе взаимодействия. Тем не менее, спустя более чем 40 лет после выхода первой по данной тематике работы Б. Латура становится очевидно, что новейшие технологии все чаще участвуют в процессе социального взаимодействия. Изучая искусственный интеллект и алгоритмы, ученые сталкиваются со специфическими элементами общественной системы, которые, с одной стороны, являются результатом человеческой деятельности, определяются в своих базовых характеристиках человеком, а, с другой стороны, способны функционировать и изменять свое «поведение» в ходе взаимодействия с подобными элементами.

Свои тезисы автор иллюстрирует конкретными примерами, преимущественно из жизни американского общества, поскольку данная проблема периодически обостряется в американском обществе, в частности, в 2020 году, несмотря на пандемию, широкое распространение получило движение “Black lives matter”. Однако не только Л. Амур, но и другие авторы [12] полагают, что за подобными событиями могут стоять не очевидные на первый взгляд алгоритмы, которые могут управляться предубеждениями и влиять на все аспекты нашей жизни. Австралийский исследователь Д. Лаптон предлагает признать, что социальная реальность сегодня формируется не только в результате взаимодействий между людьми, ее важной составляющей уже стали цифровые технологии, влияние которых она оценивает намного более оптимистично, чем многие другие авторы. Она не принимает «концепцию страха», доминирующую сегодня не столько в научных исследованиях, сколько в СМИ, и предпочитает рассматривать те выгоды, которые можно извлечь из цифровизации [8, р. 3169]. Тем не менее, и Д. Лаптон прекрасно осознает, что информационное общество предполагает не только новые возможности, но также риски и ограничения, которые становятся следствием широкого распространения цифровых технологий. Очевидно, что общественное беспокойство и моральная паника, связанные с проблемой распространения алгоритмов, чаще всего обусловлены наличием автономии, предоставляемой машинам в принятии решений, поскольку эти механизмы не вполне прозрачны и понятны, тем более что некоторые алгоритмы способны к самообучению.

Функционирование алгоритмов часто связывают с вопросами тотального контроля и слежки. Об этой проблеме уже писали другие исследователи, указывавшие на существование «алгоритмов угнетения» [11] и превращение математики в «оружие математического поражения» [12]. Очевидно, что назрело обсуждение вопросов о том, насколько можно доверять алгоритмам в принятии решений. И Л. Амур в своей работе затрагивает один из важнейших аспектов данной проблемы – вопрос о новых этических вызовах, стоящих перед человечеством.

Алгоритмы рассматриваются Л. Амур с трех разных сторон. Во-первых, алгоритмы как предложения, то есть совокупность правил, шагов, последовательности решений. Это представление об алгоритмах как последовательности определенных действий, необходимых для получения конкретного результата, является наиболее распространенным и устоявшимся, а потому вряд ли требует подробного рассмотрения.

Во-вторых, алгоритмы анализируются как инструменты апертур, то есть то, что сужает и/или направляет наше внимание, например, реклама, основанная на наших поисковых запросах). В последние годы этот аспект функционирования алгоритмов рассматривается все чаще, поскольку выступает одним из главных раздражителей в информационном обществе. Алгоритмы сокращают разнообразие окружающего мира до определенного числа шаблонов, чтобы иметь возможность получать точные результаты. Тем самым происходит упорядочивание и упрощение окружающего мира, чтобы сделать его более понятным и облегчить процедуру принятия решений.

По мере совершенствования алгоритмических систем стало понятно, что за скоростью, с которой алгоритмы находят необходимую нам информацию или товары/услуги, скрывается не только сокращение возможных вариантов, но и замыкание внимания человека на уже известном, понятном и близком ему. Так, музыкальные сервисы, стриминговые компании и поисковые системы, анализирующие ваши интересы, будут выдавать вам лишь сходные с вашими продукты. Если рассматривать этот процесс в более широком контексте, то мы видим, как алгоритмы способствуют распространению «эффекта Матфея» – наиболее популярное в сети становится еще более популярным в связи с регулярным обращением пользователей к одним и тем же объектам. В настоящее время появляются попытки преодолеть проблему цифровой несправедливости в части поисковых сетей: некоторое время был создан метод поиска информации, который не учитывает популярность страниц, видео или другого контента при формировании ленты ответов на запрос пользователя [10]. Подобные технологии

фактически ведут борьбу с алгоритмами, тем не менее, механизмы их функционирования также скрыты в «черном ящике».

Третий аспект рассмотрения алгоритмов – алгоритмы как отчитывающиеся о себе. Речь идет о том, что алгоритмы ведут перманентную деятельность, связанную с регулированием собственного существования. В этом ключе они выступают как инструменты контроля за собственным функционированием [4, р. 10]. Особенностью алгоритмических систем, по мнению Л. Амур, является их функционирование в «облачных» хранилищах данных. Специфика облачных систем заключается в том, что они предполагают, с одной стороны, абстрактность и невесомость систем, с другой стороны – вполне конкретную привязку к реальности через систему материальных объектов, на которых осуществляется хранение данных.

Довольно спорным представляется вопрос о том, кто должен нести ответственность за ошибки алгоритмов, которые могут стать «безумными» [4, р. 108-129], и примеры этого уже есть. Результаты этого «безумия» могут быть весьма плачевными, например, смертельные аварии, спровоцированные автономными автомобилями. Это «безумие алгоритмов», по словам Л. Амур, может быть вполне рациональным, поскольку «в алгоритмических решениях преобладает своего рода ограниченная рациональность, при которой граница, отделяющая добро от зла, это граница, на которой разум противопоставляется неразумности, рациональности и иррациональности», а, следовательно, «рациональность алгоритмов построена на силе безрассудства» [4, р. 109]. Тем самым, Л. Амур утверждает, что кажущееся безумие алгоритмов на самом деле демонстрирует их рациональность. Алгоритмы нельзя контролировать через предельную точку на пороге безумия, потому что суть их логики состоит в том, чтобы генерировать этот порог, адаптировать и модулировать его с течением времени по мере получения новых данных» [4, р. 110].

Данные, которых собирается все больше, не должны быть основанием для стигматизации отдельных людей или социальных групп. Особенно актуальным стал этот вопрос в период пандемии COVID-19, которая способствовала

расширению сферы применения информационных технологий и обозначила проблему возможного формирования «общества надзора». Как следствие, различные международные организации и общественные деятели призвали к прозрачности принятия решений, что не всегда возможно в случае, если это делают алгоритмы. Например, в заявлении, опубликованном на сайте *Amnesty International* указано, что «любое использование технологий цифрового наблюдения в ответ на COVID-19, включая системы больших данных и искусственного интеллекта должны устранять риск того, что эти инструменты будут способствовать дискриминации и другим нарушениям прав в отношении расовых меньшинств, людей, живущих в бедности, и других маргинализированных групп населения, потребности и жизненные реалии которых могут быть скрыты или искажены» [7]. Тем самым подчеркиваются существующие опасения относительно оснований принятия жизненно важных решений, в мире, где алгоритмы получают все большее распространение.

Вопросы, касающиеся особенностей функционирования алгоритмов и социальных последствий их повсеместного распространения, становятся все более актуальными. При этом необходимо отметить, что в ближайшее время вряд ли можно ожидать появления однозначных вариантов решения существующих и потенциальных проблем, связанных с их распространением, поскольку ряд вопросов можно характеризовать как амбивалентные. Решение, которое предлагает Л. Амур, предполагает весьма радикальные шаги: облачная этика в ее понимании начинается с признания «необоснованности всех форм решений, всех политических требований» [4, р. 148], которые требуют своей проверки для устранения сомнений. Тем самым Л. Амур в чем-то следует за Ж. Деррида, который утверждал, что человеку часто приходится «действовать в ночи незнания и неподчинения» [5, р. 26], но «сомнения» в правомерности данного подхода пока не рассеяны, и дискуссия относительно того, что должна представлять собой этика цифрового мира находится еще далеко от своего завершения.

Источники и литература

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
2. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка Цифровой разрыв) // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158-164.
3. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. №3. С. 20-39.
4. Amoore L. Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others. Durham: Duke University Press, 2020.
5. Derrida J. Force of Law: The Mystical Foundations of Authority // Deconstruction and the Possibility of Justice, edited by D. Cornell, M. Rosenfeld, and D. G. Carlson, 26. London: Routledge, 1992.
6. Hassan R. The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: University of Westminster Press, 2020.
7. Joint statement: States use of digital surveillance technologies to fight pandemic must respect human rights. <https://www.amnesty.org/en/documents/pol30/2081/2020/en/>
8. Lupton D. Thinking with Care About Personal Data Profiling: A More-Than-Human Approach // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14. PP. 3165-3183.
9. Mittelstadt B D., Allo P., Taddeo M., Wachter S., Floridi L. The ethics of algorithms: Mapping the debate // Big Data & Society. 2016. Vol. 3. № 2. DOI:10.1177/2053951716679679.
10. Morik M. et al. Controlling Fairness and Bias in Dynamic Learning-to-Rank / Proceedings of the 43rd International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval, 2020. DOI: 10.1145/3397271.3401100.

11. Noble S. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. New York: NYU Press, 2018.
12. O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York: Crown Publishers, 2016.

Цифровизация как фактор трансформации новых форм социального взаимодействия и механизмов контроля

Гавриленко Ольга Владимировна

к.с.н., доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

В статье рассматривается цифровизация как фактор, радикально изменяющий характер социальных взаимодействий и способы работы механизмов социального контроля. При этом показывается глубокая амбивалентность этого доминирующего социального тренда, прогрессивно превращающего различные цифровые технологии в основную форму реализации социального, однако имеющего внутренние ограничения (например, «энтропию данных»), что делает цифровизацию «историей с открытым концом».

Ключевые слова: цифровизация, социальное взаимодействие, социальный контроль, цифровые платформы, Большие данные

The article considers digitalization as a factor radically changing the nature of social interactions and the work of social control. It shows profound ambivalence of this dominating trend, progressively turn different digital technologies into the main realization of social, which has however several in-built constraints (such as «entropy of data»). That makes digitalization open-ended story.

Key words: digitalization, social interaction, social control, digital platforms, Big Data.

Распространение цифровых сетей изменило экономическую, политическую, культурную сферы, мы видим и ощущаем «мир без границ», границы становятся все более проницаемы. Информационные и цифровые технологии рассматривались как инструмент аннигиляции пространства и

времени, как возможность территориально разобщенным массам людей почувствовать сплоченность, близость друг к другу, нивелировать отчужденность человека от человека. Но реально мы видим другую картину – картину большей разобщенности, замены живого общения на симулякры (рассылка мемов, безличных картинок, видеопоздравлений), нам всё сложнее демонстрировать реальное участие, прилагать усилия для помощи, поддержки, коммуникации.

Сегодня, в условиях развития цифровизации, трендов четвертой промышленной революции (ИИ и облачные технологии, машинное обучение, роботизация, Интернет-вещей, виртуальная и дополненная реальность и др.) человеку все сложнее быть Человеком, выполнять рутинные повседневные функции. За человека начинают работать машины: мы живем в умных домах, мы совершенствуемся за счет развития NBIC конвергенции (нано-, био-, информационных и когнитивных технологий), мы перепоручаем даже творческие функции искусственному интеллекту, нейросети используются в самых различных сферах (от образования и медицины до игры на бирже и в покер), заменяя нас, геолокация ориентирует нас на местности, контекстная реклама подстраивается под наши запросы, мы общаемся с голосовыми помощниками, подбирающими нам музыку и отвечающими на наши поисковые запросы.

Мы настолько привыкаем к тому, что нам «машины» подсказывают «лучшее и подходящее именно для нас предложение», что это уже экстраполируется на сферу личных и интимных отношений. Рост популярности платформ-знакомств, типа Tinder, Badoo, идет по нарастающей. Зачем рисковать и самостоятельно завязывать отношения, вступать в коммуникацию с незнакомым человеком? Приложения для знакомств построены на принципе индивидуального подбора, мэтчинга, программисты уже создали алгоритм, который способен «мэтчиться» за хозяина. Надо только познакомить робота со своими предпочтениями, и он будет не только подбирать подходящие анкеты, но и общаться, флиртовать, соблазнять. Институт знакомства вообще претерпел

значительные изменения за последние 10 лет, а новые нормы знакомства сейчас находятся в процессе конструирования. Катализаторами трансформации стали социальные сети и мобильные приложения. Основными проблемами нового института знакомств являются неограниченный выбор на платформе и отсутствие норм поведения для встречи в оффлайн. Сервисы для знакомств обесценили выбор и симпатию, а встроенная геймификация превратила поиск партнера в игру с промежуточными поощрениями, более приятными, чем достижение конечной цели. Продуманная архитектура выбора на платформе и полное ее отсутствие при выходе с платформы приводят к уменьшению конверсии знакомств на платформе в реальные встречи. Сетевое социальное взаимодействие с целью знакомства и флирта у представителей поколений Y и Z сегодня не конкурирует, а заменяет внесетевое, можно считать взаимодействие в dating-сервисах отражающим специфику социального взаимодействия в рамках института отношений.

По мере того, как нашу жизнь переустраивают «умные технологии», начиная за нас думать, принимать решения, возникает вопрос - какими становимся мы сами? Человек все быстрее ищет информацию (вернее, гуглит ее), обилие информации и легкость ее получения приводит к негативным последствиям для интеллекта самого человека: утрачивается навык критического мышления, снижается эмоциональный интеллект, мы не тренируем свой мозг, молодые люди все меньше способны к чтению длинных текстов, формируется «клиповость» мышления.

Цифровая реальность способствует производству данных в невероятных масштабах. Цифровые платформы давно преуспели в сборе пользовательских данных, которые пользователи предоставляют, не задумываясь и особо не опасаясь их передачи третьим лицам. Сегодня много говорят о перспективах и проблемах развития Больших данных (Big Data), но ключевыми проблемами остаются сохранение безопасности данных и этические проблемы нарушения границ частной жизни. Согласно последним данным ВЦИОМ, меньше всего беспокоятся о передаче данных молодые люди в возрасте

18-34 лет (около 40%), а больше всего озабочены данной проблемой люди в возрасте 35-49 лет (около 70%) [1].

В связи с развитием Больших данных возникает закономерный вопрос: чем сбор данных (особенно без ведома пользователя) отличается от нарушения границ частной жизни? Поисковые системы записывают каждый клик пользователя в Интернете, им известен его IP-адрес, геолокация, интересы, онлайн-покупки, личные данные, почтовые сообщения и прочее, что, к примеру, позволяет демонстрировать контекстную рекламу в соответствии с поведением пользователя в Интернете. При этом согласия на это не спрашивается, а возможности выбора, какие сведения о себе предоставлять, не дается (пользовательские соглашения мы, как правило, не читаем). То есть по умолчанию в Big Data собирается все, что затем будет храниться на серверах данных сайтов.

Экспансия цифровой индустрии осуществляется за счет расширения контроля над повседневностью, происходит тотальная, никем не ограниченная фиксация ежедневной рутины, неконтролируемое вмешательство в ежедневные пользовательские практики и действия. Расширение границ проникновения в частную жизнь людей уже в ближайшие годы будет сопряжено с нарастанием коммодификации не только пространства и времени, но человеческих качеств, таких как внимание, забота, любовь, дружба и др.

Интернет стал средой обитания современного человека, и пандемия коронавируса только усилила нашу зависимость от интернет-технологий. Как отмечал С. Маккуайр, новые информационные технологии способствовали формированию нового пространства – «пространства отношений»: [5] прежние социальные связи, организованные на основе пространственной близости, уступают место коммуникационным «дистанционным» связям (контакты происходят на расстоянии или мы преодолеваем расстояния для встречи). Новые связи становятся непродолжительны, дискретны, интенсивны, они не определяются нарративной последовательностью (повышенная волатильность связей) и при этом регулируются протоколами к определению и изменению

которых большинство из нас не допущены. Мы все меньше общаемся вживую, заменяя такое общение гаджетами – «утрачивается умение читать мимику других людей, чувствовать их интонации, находить общий язык без опоры на вербальные средства» [3, с. 12]. Доля ежедневных пользователей Интернета в России на начало 2021 года составила 72%, 90% пользователей используют Интернет именно для общения [2]. Согласно исследованиям ВЦИОМ за последний (пандемический) год россияне стали больше использовать Интернет не только для общения, но и для поиска новостей, осуществления банковских переводов (увеличение на 8 п.п. по сравнению в началом прошлого года), получения государственных услуг, приобретения товаров, для получения образования, для работы и развлечений [2].

Сегодня сеть становится чуть ли не основной формой реализации социального. Даже будучи приверженцем сетевого отшельничества, отказываясь от самопрезентации в социальных сетях, мы всё же не становимся «невидимками» в этом новом цифровом мире, мы оставляем множество цифровых следов. Но будучи активнее включенным в сетевую социальную реальность, мы вынуждены постоянно продуцировать сетевое взаимодействие или, хотя бы, реагировать на него. «Социальные медиа избавились от «людей-кураторов», работавших в «старых медиа», и взамен потребовали от нас постоянного вовлечения посредством кликов» [4, с. 31]. В сети боты взаимодействуют как друг с другом, так и с нами напрямую, предлагая нам «друзей», согласно своим, невидимым для пользователя, алгоритмам. Мы должны как-то реагировать на навязчивые коммуникации и запросы – лайкнуть/не лайкнуть, оставить коммент и др. Мы начинаем тратить огромное количество времени, соблюдая никем не прописанный «этикет» общения в сети с «друзьями», причем именно алгоритмы решили за нас вопрос выбора этих «друзей». Мы заполняем свои страницы фотографиями, размышлениями о жизни, пребывая в иллюзии, что это должно быть кому-то интересно, обижаясь на отсутствие лайков. Вместо страха перед наблюдением сегодня многие испытывают страх перед тем, что за ними не наблюдают. «Я существую, только

если на меня все время смотрят» (С. Жижек). Важно не получить цветы как акт любви, важно зафиксировать данный акт через фото/селфи и получить восторженные реакции «друзей».

Современные процессы оцифровывания нашей повседневности все острее ставят вопрос о новых формах социального контроля. Цифровые платформы опутывают нас сетью контроля, часто невидимого. Фактически мы живем в реалиях нового паноптикума. Основная цель паноптикума по М. Фуко – «привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [6, с. 294]. Такой идеальный механизм, основанный на дихотомии «видеть – быть видимым», позволяет власти, и не только власти как таковой, но и новым «хозяевам» платформенной экономики, осуществлять контроль, при этом оставаясь анонимной, невидимой. Паноптикум может использоваться не только для контроля осужденных, но также за любыми «объектами» – врачами, учителями, самими надзирателями и т.п. Именно цифровые платформы, владея неограниченным объемом информации о нас, становятся главной инстанцией социального контроля в цифровом мире, и даже власть вынуждена более гибко выстраивать отношения с цифровыми гигантами, будучи зависимой от них и созданной ими инфраструктурой.

Мы живем в «мире данных» — это стало трюизмом. Но сегодня эксперты активно говорят о приближении так называемого «пика данных», определенной точки, в которой извлечение данных достигнет предела. «Пик данных – это тот момент, когда гиганты интернет-индустрии уже знают о тебе всё, и какие-то дополнительные детали нарушат хрупкий баланс и приведут к коллапсу всего политэкономического режима, основанного на данных» [4, с. 15]. Цифровые платформы начинают приспосабливаться к такой ситуации, ограничивая пользование своими операционными сервисами, часто под видом проявления корпоративной социальной ответственности, «заботы о своем клиенте» (например, вовремя напомнить клиенту, что пора спать, погулять, размяться, или подгружая более полезную рекламу). Для цифровой платформы важнее не

просто собирать все больше и больше информации, что способствует энтропии и возникновению информационного мусора, более значимо – это извлекать из всего вала информации что-то ценное. «Энтропия – это главная угроза, которую приносит автоматизация. Система производит такое количество данных, что либо каждый будет под подозрением, либо никто. Производство информации, некогда определявшееся как создание осмысленных различий, достигло того состояния, когда оно делает кувырок и стремится к нулю – перегрузке системы» [4, с. 17].

Не оказывается ли тем самым цифровизация и ее прогрессивное нарастание и расширение историей с открытым концом? Не является ли коллапс социального мира, организуемый и поддерживаемый трендом на тотальную цифровизацию (с ее многочисленными алиби и стратегиями легитимации – эффективность, комфорт, безопасность, скорость, удобство), одним из возможных сценариев? Кто (это «кто» - по необходимости множественное) в рамках актуального социального порядка, имея для этого соответствующие ресурсы, определяет будущее, и будет ли у нас возможность — дарованная или завоеванная — участвовать в этом определении? У нас пока нет хороших ответов на эти вопросы.

Источники и литература

1. Аналитический обзор ВЦИОМ от 01.12.2020 «Персональные данные в Интернете: угроза утечки и как с ней бороться» <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 04.02.2021).
2. Аналитический отчет ВЦИОМ от 16.01.2021 «Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения» <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija> (дата обращения: 04.02.2021).
3. Козьмин В.С. Проблема интеллекта в современном техногенном обществе // Социально-гуманитарные знания, 2019, №9.

4. Ловинк Г. Критическая теория интернета. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 304 с.
5. Маккуайр С. Медийный город. М., 2014.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы/ М. Фуко. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.

Научные социальные сети как средство научной коммуникации³

Гримов Олег Александрович

к.с.н., доцент

*Юго-Западный государственный университет,
кафедра философии и социологии, Курск, Россия*

E-mail: grimoleg@yandex.ru

В статье рассматриваются основные характеристики и ресурсы научных социальных сетей как инструмента научной коммуникации. Автором предложена уровневая модель коммуникативных практик учёного в научной социальной сети. Анализируется влияние научных социальных сетей на практики академической мобильности; формулируются цели и гипотезы дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: научные социальные сети, научная коммуникация, учёные, академическая мобильность.

The article examines the main characteristics and resources of scientific social networks as a tool for scientific communication. The author proposes a level model of a scientist's communicative practices in a scientific social network. The influence of scientific social networks on the practice of academic mobility is analyzed; the goals and hypotheses of further research of the problem are formulated.

Key words: scientific social networks, scientific communication, scientists, academic mobility.

Современные условия технологического развития значительно изменяют ландшафт и профиль социальных институтов и практик [3, 7, 9]. Становление и широкое распространение средств Интернет-коммуникации стало заметным явлением, инкорпорированным в ткань повседневности, а также в сферу

³ Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ МК-5019.2021.2 «Научные социальные сети как ресурс академической мобильности»

профессиональной деятельности. Заметное влияние на жизнь современного человека оказывают социальные сети, которые в основном воспринимаются сквозь призму электронной Интернет-коммуникации и связанных с ней практик: самопрезентации, ведения блога, потребления и создания контента, деятельности сетевых сообществ. Однако всё большее значение приобретают нишевые социальные сети, специализирующиеся на конкретном виде коммуникации и/или целевой аудитории. Таким видом социальных сетей являются научные социальные сети (иногда также применяется термин «академические социальные сети»), которые представляют собой интерактивные веб-сервисы, которые предназначены для коммуникации учёных, обмена научной информацией, формирования научно-академических сообществ, презентации научных результатов и т.д. [см. напр., 1, 4, 6, 8, 10]. Классическим примером являются наиболее крупные и распространённые научные социальные сети: ResearchGate, Academia.edu. Отметим, что среди научных социальных сетей существует своя специализация по научной направленности (так, можно отметить научную социальную сеть Social Science Research Network, объединяющую исследователей в области социальных наук) и по своим функциональным особенностям (сервис для обработки библиографической информации Mendeley). К числу широких возможностей, предоставляемых научными социальными сетями, можно отнести: создание личного профиля учёного, публикацию и презентацию научных результатов (в том числе в «режиме реального времени» - презентация промежуточных результатов ещё незавершённого исследования или проекта), получение доступа к научным публикациям других учёных, поиск коллег и единомышленников. Ряд научных социальных сетей предоставляют сервисы рекомендаций, закладок; на основе числа прочтений и цитирований рассчитываются внутренние индексы и рейтинги. Ресурсы научных социальных сетей позволяют аккумулировать научный потенциал отдельного учёного, научной группы или целого сообщества благодаря широким возможностям сетевого взаимодействия участников в рамках Интернет-платформы. Таким образом, научные социальные сети уже

служат важным средством научной коммуникации миллионов представителей академического мира. Важным вспомогательным концептом, фиксирующим сетевой характер научной коммуникации, является понятие «интеллектуальной сети», активно развивавшееся Р. Коллинзом [5]. Данный термин отражает сетевой характер распространения научного знания в интеллектуальной среде разных эпох задолго до создания социальных Интернет-сетей, обеспечивших научную коммуникацию новыми ресурсами.

Проблема научной, в том числе международной коммуникации, методологически наследующая принципы диалогизма, особенно значима в настоящее время – в эпоху системных трансформаций института образования, развития гибких сетевых структур в системе академической жизни. Формирование экстрауниверситетских форм организации научного сообщества, практик развития и распространения научного знания отражается в росте значимости академической мобильности современного учёного. Академическая мобильность проявляется через ряд практик и активностей, важнейшими из которых (на уровне международной научной коммуникации) можно назвать следующие: участие в международных научных мероприятиях (конференциях), совместные научные публикации с зарубежными научными партнёрами, участие в международных научных проектах и иных коллаборациях, получение зарубежной учёной степени, учёба/работа/стажировка за рубежом.

В рамках настоящей статьи академическая мобильность учёных в системе научной социально-сетевой коммуникации представляется высшим уровнем и результатом коммуникативных практик. Исходным допущением, формирующим концептуальную рамку исследования, является представление о трёх уровнях анализа коммуникативной активности учёного в системе социально-сетевой коммуникации (теоретико-методологическое обоснование и эмпирическое подтверждение данной модели дано нами в рамках диссертационного исследования [2]:

1) уровень технологически обусловленных возможностей самой социальной сети. На данном уровне можно говорить о выстраивании личного

профиля (страницы, аккаунта) учёного, а также о возможных стратегиях его самопозиционирования и коммуникации. Данный уровень рассматривается нами как базовый, онтологически определяемый функциональными характеристиками научных социальных сетей, их свойствами и ресурсным потенциалом. Таким образом, коммуникативный формат конкретной научной социальной сети задаёт императивный для индивида коридор (аффорданс) возможных стратегий самопрезентации и коммуникации, которые он может выстраивать;

2) уровень непосредственных коммуникативных практик учёного, которые включают в себя: самопрезентацию, коммуникацию с другими пользователями, поиск и публикацию информации и в совокупности могут быть обозначены как нетворкинг – то есть деятельность по развитию своей научной сети, включающей как других учёных (пользователей сети), так и объекты знания;

3) уровень академической мобильности как результирующей активности учёного на основе его коммуникативной активности в научной социальной сети.

Таким образом, исследовательский вопрос может быть сведён к рассмотрению того, ведёт ли коммуникативная капитализация интеллектуальных (в виде интеллектуального уровня участников), знаниевых (в виде информации) и социальных (в виде социальных связей) ресурсов в ходе нетворкинга – к академической мобильности учёных. Независимо от уровня субъектности, на котором рассматривается академическая мобильность, важным фактором её в современном научном сообществе потенциально являются широкие коммуникативные возможности научных социальных сетей. (Отметим, что данные уровни могут простирались от личностного, группового/организационного до институционального – в зависимости от того, кого считать на данном уровне выгодоприобретателем мобильности; то есть эффекты академической мобильности находятся в диапазоне от роста научного и социального статуса отдельного учёного, развития локальных научных школ и роста их авторитета до международной научной интеграции и популяризации научной деятельности). Однако, несмотря на очевидный интерес современной

науки к проблеме сетевой коммуникации, её эффектам, а также, несмотря на значимость роста академической мобильности в современном академическом мире – представления о роли научных социальных сетей в процессах построения научной коммуникации и научных сообществ остаются во многом спекулятивными; значимые результаты эмпирических исследований практически не представлены. То есть допущения о значительном влиянии научных социальных сетей на практики академической мобильности, несмотря на правдоподобность, ещё не получили полноценного практического подтверждения. Остаётся неизученным вопрос не только влияния сетевой коммуникации, но и её актуального содержания, устойчивых паттернов и практик сетевого коммуникативного поведения в системе академического мира. Актуальность решаемой задачи связана с возможностью адекватной оценки роли наличных коммуникативных ресурсов (в том числе научных социальных сетей) в системе научной коммуникации и академической мобильности, а также с необходимостью выработки комплекса мер по оптимизации институциональных практик научной коммуникации с учётом актуальных информационно-коммуникативных технологий и потенциальных рисков их применения. Таким образом, актуальным является вопрос оценки роли научных социальных сетей как фактора академической мобильности современных учёных, и исходя из этого, разработки программы принципов развития форм и практик академической мобильности, которая рассматривается нами как важный результат научной коммуникации в аспекте личностного, группового, организационного и институционального интереса.

Таким образом, фундаментальной научной задачей является поиск путей оптимизации институциональных основ, содержания и эффектов научной коммуникации в современных социальных и технологических условиях. То есть речь идёт о выработке общих теоретических принципов и прикладных механизмов успешной, продуктивной, безопасной коммуникации на любом уровне своей экспликации, фундированном социально и технологически. При этом проблемная ситуация характеризуется тем, что наблюдается устойчивая

практика (в обыденном, публицистическом, научном дискурсе) декларативных утверждений о принципиально прорывном значении современных средств социальной коммуникации для различных сфер общественной жизни. Экстраполяция подобных идей может привести к утверждению о значительном влиянии научных социальных сетей не просто на содержание и практики научной коммуникации, но и на процессы академической мобильности. Однако прямых эмпирических подтверждений (в силу слабого уровня изученности самой проблемы) этим предположениям пока нет, что позволяет на данном этапе отнести подобного рода утверждения к научным мифологемам спекулятивного свойства. Действительная роль научных социальных сетей в практиках академической мобильности должна быть исследована эмпирически. Наша предварительная гипотеза: роль научных социальных сетей в структуре современной научной коммуникации является достаточно значимой, научные социальные сети служат важным коммуникативным инструментом в современном академическом мире, однако непосредственное влияние научных социальных сетей на практики академической мобильности учёных является достаточно ограниченным. Содержание академической мобильности базируется на ряде факторов, относимых к «реальному» (в отличие от «сетевого» или «виртуального») социальному и интеллектуальному капиталу учёных. Таким образом, мы предполагаем, что совпадения между виртуальными контактами и сообществами в научных социальных сетях, с одной стороны, и социальными контактами, коллаборациями в «реальном» мире являются статистически не значимыми. Эмпирическая проверка данной гипотезы является целью наших дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Гасилин А.В. Academia.edu: маркетинг социальных сетей как «новый органон» открытой науки // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 2018. – №1 (14). – С. 73-91.

2. Гримов О.А. Социокультурные практики личности в социальных сетях: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. – 25 с.
3. Гримов О.А. Ценностно-целевые аспекты практик самоконструирования в социальных сетях // Личность. Культура. Общество, 2013. Том XV. Вып. 3-4. – №79-80. – С. 168-174.
4. Душина С.А., Куприянов В.А. Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки, 2020. – №3. – С. 81-91.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1275 с.
6. Куприянов В.А., Хватова Т.Ю., Душина С.А. Научный капитализм в академических социальных сетях и анализ его влияния на ученых // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа, 2019. – Т.2. – №4. – С. 61-81.
7. Маякова А.В. Управление рисками социокультурной сферы. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2020. – 172 с.
8. Мельникова Н.И. Научные социальные сетевые сервисы как средство дифференциации и интеграции научного сообщества // Вестник СГТУ, 2013. – №1 (69). – С. 255-259.
9. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски: коллективная монография / Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Майнцер К., Маякова А.В., Москалёв И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В. / Отв. Ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – 243 с.
10. Фейгельман А.М., Шаталов-Давыдов Д.Ю. Непроизводительное сообщество и зоны обмена: возможность суверенной науки // Вестник Вятского государственного университета, 2019. – №3 (133). – С. 67-75.

Трансформация этоса науки в различных социально-политических системах

Доброхотов Леонид Николаевич

д.ф.н., профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: dobrokhotoza@yahoo.com

В статье в исторической перспективе и с позиций сегодняшнего дня на примере, прежде всего, США рассматривается проблема социальной ответственности ученых в различных социально-политических системах. Приводятся примеры такого ответственного отношения к своему долгу. Однако при этом делается вывод о том, что хотя результаты исследовательской работы часто затрагивают важнейшие вопросы жизни и самого существования человечества, далеко не все ученые по различным рассматриваемым в статье причинам над этим серьезно задумываются, будучи больше озабочены удовлетворением своего творческого эго, карьерных и материальных амбиций.

Ключевые слова: США, ученые, научная интеллигенция, интеллектуалы, социальная ответственность.

The article in historical perspective and hindsight, primarily for example of the United States considers the problem of scientists social responsibility in different socio-political systems. Examples of such a responsible attitude to one's duty are given. However, it is concluded that although the results of research work often touch on the most important issues of life and the very existence of humanity, not all scientists, for various reasons considered in the article, seriously think about this, being more concerned with satisfying their creative ego, career and material ambitions.

Keywords: USA, scientists, scientific intelligentsia, intellectuals, social responsibility.

Рассматривая современное понятие этоса как иерархию ценностей, можно говорить о важнейшем вопросе – ценностных представлениях в науке и в сознании ученых, об эволюции этих ценностей по мере ее развития – от Аристотеля до наших дней. Впрочем, наше эссе посвящено развитию этих представлений в прошлом и в первой четверти нынешнего века в США.

Мы исходим из того, что академическая интеллигенция, занимая ключевые позиции в научно-техническом прогрессе, оказывает огромное, преобразующее воздействие на жизнь общества. Растет влияние ученых и на процесс принятия конкретных политических и экономических решений. Они все чаще привлекаются в качестве консультантов правительства, включаются в состав самой администрации США, выступают экспертами в конгрессе, становятся советниками руководителей крупнейших, в том числе межнациональных корпораций.

Ассигнования на научные исследования растут быстрыми темпами, что отражает убеждения правительства и конгресса в том, что наука закладывает долговременные основы для достижения целей национального масштаба – мощной обороны, постоянного экономического роста и высокого уровня жизни.

Как и на протяжении всех послевоенных десятилетий в XX веке, и сегодня американская интеллигенция по-прежнему связана с величайшей проблемой – ядерной угрозой и применением иных форм массового уничтожения. Ученые с их социальным и моральным статусом, знаниями, возможностями завоевать внимание правящей элиты и миллионов рядовых граждан, играют здесь уникальную по своей значимости роль. Другое дело, с каким знаком – позитивным или убийственным для своей нации и для всего человечества.

Ведь именно ученые-естественники и ныне генерируют новые виды оружия, угрожающего самому существованию человеческого рода. А многие американские политологи все чаще в последние годы, ссылаясь на этих естественников, распространяют идею о возможности выживания части американцев и их союзников даже в условиях ядерной войны, что создает в их сознании потенциальную возможность первыми инициировать ядерный удар,

надеясь на выживание части своего населения (прежде всего, правящей элиты) и инфраструктуры в случае ответного удара.

Отвечая на известный афоризм знаменитого американского писателя Курта Воннегута: «Что бы не изобретали ученые, у них все равно получается оружие», лауреат Нобелевской премии по медицине профессор М. Уилкинс когда-то справедливо заметил, что потенциал науки направлен в две стороны: к добру и к злу (как и вся наша жизнь). Все мы знаем, что жизнь отдельной личности вполне может быть воплощением зла. И все же сама жизнь предрасположена к добру. Так и наука: предрасположенная к добру, она может принимать прямо противоположные формы. Это зависит от людей, оперирующих ее результатами. Их интересов, их мировоззрения и их социальной ответственности [3].

Уже в XVIII-XIX веках в положении и взглядах американской научной элиты начинают проявляться те факторы и противоречия, которые становятся характерными для нее на всех последующих этапах развития этого социума. Речь идет о проблемах взаимоотношений науки и власти, личности и системы, массового, в целом антиинтеллектуального сознания и научной общины. Мировоззрение американских ученых складывалось тогда, с одной стороны, в условиях революционных процессов в естествознании, а с другой – под прямым воздействием европейских гуманистических традиций, обогащенных новаторскими идеями Великой французской и американской революций.

Во всей своей противоречивости индивидуализм как философия и символ американской жизни в то время оказывал большое влияние на мировоззрение ученых, способствуя их личностной неповторимости, инновационного, новаторского характера мышления. По нашему мнению, в настоящее время, в условиях глубокого системного кризиса американского общества, засилья в нем неолиберальных теорий постмодернизма и глобализма, навязывающих гражданам унифицированные политические и морально-этические установки, эта неповторимость личности и способность к критическому анализу политики правящей элиты начинает активно размываться.

При этом надо иметь в виду, что началу XX века сложилась преимущественно либерально-демократическая ориентация академической общины США, ее в то время критическое отношение к крайним проявлениям империалистической идеологии и политики своей страны. И в то же время американская наука все чаще стала осознавать и признавать, что милитаризм стал являться ведущим экономическим двигателем ее развития, фактическим соавтором почти всех выдающихся открытий и изобретений XX века. В противоречии между гуманистическим характером и предназначением научного поиска и часто ее антигуманным результатом обнаружилась ее непрекращающаяся и на сегодня драма.

Переход к созданию крупных исследовательских коллективов поставил новую дилемму перед американскими учеными: стремление к научной свободе, независимому труду, освященному идеологией индивидуализма, пришло в противоречие с несравненно более высокой эффективностью деятельности в рамках крупных промышленных лабораторий, в которых исследователи обрекают себя на зависимость от правительства и корпораций. Постоянные метания в парадигме «независимость-деньги» становятся уделом ученых.

В то же время создание крупных исследовательских лабораторий оказало весьма противоречивое влияние на их социальные ориентации: одних действительно закабалило в орбите крупного бизнеса и соответствующей ему идеологии, а других обогатило своеобразным в условиях Америки коллективистским, демократическим сознанием. В среде научной, также как и творческой интеллигенции находят распространение социалистические идеи, в то время в значительной мере основанные не только на общих гуманистических установках, но и на противопоставлении коллективного труда и сознания, труду индивидуалистическому (отсюда и редкая в истории США смычка в 20-е – 30-е годы левой интеллигенции с рабочим движением в рамках, прежде всего, прогрессивного тогда СЮ (Конгресса производственных профсоюзов).

К реальным фактам относятся радикализирующее влияние на научную общину Америки Великой Октябрьской революции 1917 года и активная

кампания в ее левом крыле в защиту идей Октября. Речь шла и о весьма привлекательной для левых интеллектуалов того времени предлагаемой марксизмом методологии научного познания.

Жестокости революции и гражданской войны в России, приведшие, в том числе к массовому исходу интеллигенции из нашей страны, и особенно «холодная война» и нанесшая по американским интеллектуалам жесточайший удар охота на ведьм в годы маккартизма, развернувшаяся в американских СМИ в те годы яростная антисоветская кампания наносили по социалистическим и просоветским настроениям американской интеллигенции глубокие, болезненные удары.

И, тем не менее, интерес к марксизму и вообще к идеям социализма, как и симпатии к СССР там долго не затухали. Теоретик и вдохновитель «холодной войны» и политики сдерживания СССР Джордж Кеннан, посетивший с лекциями о «советской угрозе» научные ядерные центры в Калифорнии в конце 40-х гг. с ужасом доносил в Вашингтон, что его агитация мало трогала ученых-ядерщиков, с восхищением и признательностью говоривших о роли Красной армии в разгроме фашизма, освобождении узников гитлеровских лагерей, прежде всего еврейского происхождения, и необходимости совместных с СССР усилий по предотвращению ядерной войны [2].

Великий Альберт Эйнштейн в те же годы опубликовал в левом американском журнале статью «Почему социализм?» [6], в которой исходя из своего анализа политической и экономической ситуации в США и выводов естественных наук, настаивал именно на этом пути развития общества.

Тем не менее, следующим тяжелым испытанием и вместе с тем этапным событием для научной интеллигенции страны, на многие десятилетия вперед определившим параметры идейного размежевания среди ученых, стали «Манхэттенский проект» создания ядерного оружия и его результаты.

Во-первых, реализация проекта, особенно на первом этапе, продолжила и развила заложенные в предшествующий период традиции тесного сотрудничества правительства и научной общины страны; возникшая в связи с

этим проблема ограничения академических свобод вследствие свирепого режима секретности и зависимости науки от политических целей государства как бы снималась в сознании ученых благородными целями борьбы с нацизмом и защиты Родины (они знали, что к маю 1945 года гитлеровская Германия вплотную подошла к задаче овладения термоядерной энергией в военных целях).

Во-вторых, крайне болезненный, оскорбительный удар, нанесенный патриотическому, гражданскому чувству выдающихся ученых страны Трумэновской администрацией, по существу, обманувшей их предположения о предназначении атомного оружия (смертельный ядерный удар был нанесен по жителям двух городов Японии, к тому времени вследствие разгрома Квантунской армии советскими войсками уже стоявшей на грани капитуляции).

В-третьих, реакция значительной части ученых на бомбардировку Хиросимы и Нагасаки стала, по существу, первым примером коллективного, сознательного восстания научной интеллигенции против использования их труда в античеловеческих целях против уже поверженного противника и прежде всего для запугивания тогда еще военно-политического союзника в лице СССР.

В-четвертых, и это самое главное, осознание изобретения термоядерной реакции для человеческой цивилизации А. Эйнштейном и его соратниками привело к фундаментальной революции в политическом мышлении, смысл которого лишь позднее начал осознаваться человечеством и становиться философским основанием практической политики.

Тут надо сказать, что история создания ядерного оружия в СССР, ставшая вынужденным ответом на потенциальную угрозу его применения сначала со стороны нацистской Германии, а затем США, также породила глубокие этические рассуждения среди привлеченных к атомному проекту СССР советских ученых, озабоченных тем, что внимание, финансовые и лучшие интеллектуальные ресурсы государства сосредоточены прежде всего в областях науки, связанных с решением оборонных задач. Это подтверждается более поздними мемуарами этих ученых и даже соответствующими диалогами в знаменитом фильме о них режиссера Михаила Ромма «Девять дней одного года».

Однако все свидетельствует о том, что осознавая страшную угрозу ядерного конфликта для судьбы человечества, эти ученые понимали, что в сложившихся условиях только создание равного противовеса с нашей стороны могло ограничить эту угрозу, что и произошло в действительности.

Кстати, это понимали и некоторые участники самого «Манхэттенского проекта», добровольно и безвозмездно передававшие советской разведке результаты своих разработок сразу же за их появлением, что резко ускорило появление такого оружия в СССР и сорвало реализацию многочисленных планов ядерной войны США против нашей страны (проект «Дропшот» и другие).

Таким образом, именно ученые-естественники, совершив переворот в познании природы и в то же время – на базе этих познаний – пользуясь аппаратом научного мышления и опираясь на свои гуманистические убеждения, первыми вышли в те годы на революционные философские и политические обобщения.

Практическим результатом стало тогда создание Федерации американских ученых, Пагуошского движения, других национальных и международных организаций антивоенной направленности с участием видных американских и других западных деятелей науки, многие из которых (вроде Джона Бернала или Чарльза Перси Сноу) активно сотрудничали с выдающимися советскими учеными-естественниками (академиками С. Королевым, И. Курчатовым и другими) во Всемирном движении сторонников мира [1],[5].

Осмысление на основе эйнштейновского видения глобальных, общемировых и национальных проблем США дало академической интеллигенции качественно новое понимание роли и социальной ответственности ученого. На новом понимании соотношения ответственности и свободы стал формироваться новый тип гражданского мышления ученых. Анализ их настроений в 50-е годы прошлого века показал, что эпидемия антиинтеллектуализма, охватившая Штаты в это время, не сломила, а даже укрепила их гуманистическую, антимилитаристскую ориентацию.

И в то же время для немалого числа ученых все эти внутренние и мировые события имели противоположный результат. Часть исследователей,

подавленных всем происходящим, ушла во внутреннюю эмиграцию, запершись в рамках изучаемых дисциплин. Другие откровенно сняли с себя всякую социальную ответственность за результаты своей работы, приняв за норму не связанный никакими ограничениями дух научного поиска и предпринимательства, высоких доходов и комфортных условий труда. Часть (феномен видного физика, будущего инициатора рейгановской СОИ – «стратегической оборонной инициативы» Эдварда Теллера) приравняла свое перо к штыку воинствующих «защитников свободного мира против тоталитаризма» любыми средствами и любой ценой.

Последующий период истории в основном расставил точки над *i* в бурном споре между приверженцами технократического сознания и их непримиримыми противниками. Практика давно опровергла взгляды Герберта Кана на интеллигенцию как «особую категорию замкнутого сообщества», дистанцированную от политических и социальных проблем, и наоборот, подтвердила его тезис о том, что «взрывные» периоды в истории естествознания, когда ученые не в состоянии найти ответы лишь в данных своей науки (так и было с открытием термоядерной реакции), приводят к взаимообогащению естествознания и философии [7].

Чарльз Райт Миллс справедливо говорил о том, что ни одна социальная группа в принципе не свободна так, как интеллектуалы, свободно принимающие решения в рамках исследуемой проблемы» [8]. Казалось бы, подобная способность свободного, незащеренного устоявшимися догмами мышления должна распространяться у ученых, по определению Т. Веблена вообще наделенных скептическим подходом к общепризнанному, и на политику. В свое время об этом писал В.И. Ленин, полагавший, что ученые придут к социализму прежде всего через данные своей науки. Собственно, так и произошло в случае А. Эйнштейна и многих других западных исследователей (кстати говоря, занятых, прежде всего, фундаментальными естественнонаучными исследованиями).

Но далеко не всех. Большинство из них, даже инновационно смотрящих на проблемы физики или математики, в своих политических воззрениях не прорывают корсета основополагающих ценностей существующего строя. Их критическая ориентация значительно более либеральна, чем радикальна. Это рельефно проявилось в ходе происходящих в США в настоящее время бурных событий, в принципе взрывающих как раз эти основополагающие ценности. Однако как показывает современный анализ, в абсолютном своем большинстве американские ученые, в т. ч. преподаватели вузов сделали все, чтобы оказаться в стороне от этих событий. Они остались сторонниками демократической партии, и даже сохранив или приобретая симпатии к ставшей в XXI веке опять популярной в этой среде идее социализма, понимают его не в марксистском, а в леволиберальном понимании т.н. демократического социализма США.

А в целом, дуализм и амбивалентность характеризуют ныне их настроения.

Все это происходит на фоне все возрастающей ответственности ученых перед своими народами и человечеством в целом за выживание в условиях очевидного для всех кризиса современной цивилизации. В реалиях новой холодной войны, политики конфронтации под видом сдерживания России и Китая со стороны США и блока НАТО, и возобновления разговора в высших эшелонах Пентагона о возможности ядерной войны с нашей страной [9].

Часы Судного дня впервые появились в 1947 году на обложке издаваемого в Бостоне "Бюллетеня ученых-атомщиков», уже тогда озабоченных опасностью ядерного апокалипсиса. С тех пор время, оставшееся до полуночи, символизирует на них напряженность международной обстановки, полночь означает момент ядерного катаклизма. В последние годы стрелки переводят только вперед.

Еще в 2020 году, до того, как к власти в США пришла администрация Джо Байдена, тут же объявившая Россию главным противником США, ученые перевели стрелки на этих часах еще вперед на 20 секунд. "Сейчас 100 секунд до полуночи. Мы выражаем то, насколько мир близок к катастрофе, в секундах —

не часах или даже минутах. Это самое близкое к Судному дню время за всю историю "Часов Судного дня", — заявила глава "Бюллетеня» Рейчел Бронсон [4].

Из этих исторических и новых реалий вытекает общий смысл выводов, выстроенных американским исследователем Л. Исааксом на трагических судьбах вымышленного героя XIX века Виктора Франкенштейна и реального героя века XX Роберта Оппенгеймера:

- природа обладает секретами, которые могут быть раскрыты благодаря ученым;
- области науки, в которых совершаются революционные сдвиги, притягивают к себе лучшие умы;
- это приводит к высвобождению сверхъестественных сил, ибо человечество внезапно приобщается к использованию такого колоссального потенциала, который ранее был ему недоступен;
- творец (ученый) при этом не может или не хочет взять на себя ответственность за дальнейшее развитие своего дела или его применение;
- творение приобретает свою собственную судьбу и логику;
- противиться этой судьбе в одиночку невозможно;
- сверхъестественная мощь творения является потенцией добра и зла;
- сложная система политических, экономических, социальных отношений в обществе определяет ту цель, для которых предназначено творение.

Итак, использование науки во зло или во благо своей собственной стране и человечеству — результат не самих по себе исследований, а общественной системы. Вот почему социальные ориентации ученых, их влияние — и в рамках своей дисциплины, и в общественной деятельности — на окружающий мир приобретает сегодня и тем более в обозримой перспективе все более решающее значение.

Источники и литература

1. Бернал Д. Наука в истории общества. М., 1958.

2. Доброхотов Л.Н. Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи. М.: ИСПИ РАН, 2014, стр. 98
3. Московские новости, 3.08.1986
4. На часах Судного дня оставили сто секунд до "ядерной полуночи". РИА Новости, 24 января 2021 года.
5. Сноу, Чарлз Перси. Две культуры и научная революция. Воспроизведено по изданию «Ч.П. Сноу. Портреты и размышления». М., изд. Прогресс, 1985 г.
6. Einstein Albert. Why Socialism? Monthly Review, May, 1949.
7. Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970, pp. 176-207.
8. Mills Wr. Power, Politics and People. In: Collected Essays of Wright Mills. N.Y., 1970, p.p. 231-233.
9. Forging 21st Century Strategic Deterrence by Admiral Charles A. Richard, U.S. Navy Magazine February 2021.

Одиночество в коммуникативных системах: культурный модуль и капитал

Коркия Эка Демуриевна

к.с.н., доцент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: ekakorkiya@mail.ru

Анализ различных исследований по вопросу одиночества в коммуникативных системах и процессах демонстрирует то, что данное явление непосредственно связано с развитием личности. Оно может негативно отразиться на социализации и индивидуализации личности, а также вызывать социальный дискомфорт. В представленной статье выделены виды культурного одиночества, условия и основные факторы, влияющие на возникновения данного феномена. Также обозначено определение термина, отражающего специфику данного феномена: культурное одиночество – это переживание, связанное с дифференциацией ценностей, идеалов, представлений индивида с другими индивидами в культурной среде, модуле, в которых он проживает.

Ключевые слова: культурное одиночество, ценности, коммуникативные системы и процессы, творчество, девиация, идентификация, жизненный модуль.

Analysis of various studies on the issue of loneliness in communication systems and processes demonstrates that this phenomenon is directly related to personality development. It can negatively affect the socialization and individualization of the individual, as well as cause social discomfort. In the presented article, the types of cultural loneliness, conditions and main factors influencing the occurrence of this phenomenon are highlighted. The definition of the term reflecting the specificity of this phenomenon is also indicated: cultural loneliness is an experience associated with the differentiation of values, ideals, ideas of the individual with other individuals in the cultural environment, the module in which he lives.

Keywords: cultural loneliness, values, communication systems and processes, creativity, deviation, identification, life module.

Одиночество в коммуникативных системах достаточно многогранное и имеет множество различных трактовок. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с различными условиями, влияющими на возникновение данного чувства и различными видами его проявления. Одним из его видов является культурное одиночество, достаточно распространенное в условиях реальной действительности [2; 8]. Понимание причин возникновения культурного одиночества у индивида в условиях мегаполиса, дает возможность разработать способы его предупреждения.

Интерес к проблеме одиночества в науке существовал всегда. Вопрос одиночества в социологии изучался еще в 30-е г. XX в. на Западе, а в России в 90-е гг. XX в. Несмотря на то, что проблему одиночества изучали ни одно столетие, она до сих пор злободневна. С социальными изменениями меняется и само чувство одиночества, принимая все новые формы, так феномен культурного одиночества, являющийся одним из видов одиночества недостаточно изучен и требует детального рассмотрения. Научное определение в социологии термина «культурное одиночества» достаточно сложное и не однозначное [6]. Это связано с недостаточным рассмотрением данного феномена в рамках социологической науки. А в рамках социологических теорий данный феномен рассматривается недостаточно подробно, основной интерес представляет одиночество как явление.

Индивиду, испытывающему культурное одиночество, следует, в первую очередь, обратиться к помощи специалистов, например психологов, так как сам человек не всегда может определить истинные причины возникновения чувства одиночества. От причин, способствующих возникновению одиночества, зависит к какому типу оно относится. Так, определив его тип, индивид может предпринять необходимые меры по преодолению данной проблемы как с помощью различных специалистов, так и самостоятельно. Но также важно определить степень и длительность испытываемого чувства. Если индивид

испытывает данную проблему длительное время, то, скорее всего, ему необходима помощь специалиста и только с его помощью возможно преодоления данного чувства.

Что касается преодоления культурного одиночества без помощи специалистов, немаловажным является внутренний настрой человека. Индивиду следует обратить особое внимание на собственное поведение в процессе коммуникации с другими людьми, стараться не фокусировать свое внимание на негативном, развивать творческие способности, участвовать в различных общественных мероприятиях, начать изучать новую ранее неизвестную культуру и ее традиции, развивать коммуникативные навыки, возможно участвовать в различных обучающих тренингах, которые направлены на повышение качества коммуникации между индивидами [4, с.38].

В условиях современного мегаполиса, где несмотря на то, что индивид находится в постоянном взаимодействии с другими людьми, культурное одиночество становится одной из главных проблем. Постоянный доступ к общению благодаря сети интернет не решает проблему одиночества, наоборот способствуют «минимизации» [9] социальных контактов и практически лишает реального общения, но не только недостаток реального общения влияет на возникновение чувства одиночества.

Так при неполном совпадении личности с системой, коллективом и осознания возможности создания частного мира, у индивида возникает чувство одиночества, которое в дальнейшем может привести к социальной девиации [3].

При достаточно большом разнообразии существующих определений понятия одиночества, среди которых есть и противоречащие друг другу, невозможно опираться в своих исследованиях только на одно определение [1, с.123]. Поэтому необходимо выделить общую основу рассмотренных понятий одиночества:

- Состояние, при котором нарушены социально-коммуникативные связи, по причине отчуждения индивида, разрыва или отсутствия устойчивых межличностных контактов.

- Обстоятельства, определяющие поведение и установки человека в социуме, которые вынуждают его жить по определенному образцу, который деструктивно сказывается на его психоэмоциональном состоянии.
- Психологическая проблема, влияющая на внутреннее ощущение человека и как следствие на внешнее благополучие;
- Социально-философская, психологическая, культурологическая и социологическая проблема в контексте анализа качеств личности и ситуаций их проявлений, как социальное явление в рамках гендерных и половозрастных особенностей.
- Уровень такого самопознания, при котором индивид испытывает постоянную тревогу и отчаяние, а внутренний устойчивый образ «Я» бездействует.
- Отличный от общепринятых способ восприятия окружающего мира, некая свобода индивида от социальных взаимодействий.
- Результат искаженного понимания социальной действительности и ошибочная оценка взаимодействия между индивидами.
- Признак состояния общества, который вынуждает человека пребывать вне желаемого социального окружения, по причине нехватки или переизбытка социальных контактов, деструктивно сказывается на восприятии окружающего мира индивидом, его отношении к себе, нарушает эмоциональную связь с окружающими, препятствует установлению доверительных и близких отношений.

Согласно работам представителя марксистского варианта неофрейдизма Э. Фромма, одиночество представляет собой угрозу личности, как физическую, так и моральную. Э. Фромм утверждал, что человек нуждается не столько в физическом присутствии людей, сколько в причастности к духовной общности, к общим ценностям, идеям. Так индивид, несмотря на физическое присутствие людей, может испытывать чувство полной изолированности, приводящее впоследствии к усиленной тревоге и неуверенности в себе, если он не ощущает

себя «своим» в обществе, не связан общими символами, религиозными убеждениями, традициями [7]. Исследователь утверждает, что даже абсолютное удовлетворение базовых физиологических потребностей не может гарантировать индивиду продуктивное саморазвитие, потому как в подобном случае происходит разворачивание процесса изоляции от окружающего человека социума.

Приведенное описание одиночества в работах Э. Фромма находит свое подтверждение в современном обществе, где индивид, находясь в огромном городе с высоким уровнем населения, не чувствует себя частью этого «механизма», общества. Он вынужденно самоизолируется, что впоследствии отражается на его эмоциональном и даже физическом состоянии.

В научных исследованиях А. Маслоу, напротив, одиночество рассматривается как потребность в уединении, независимости, является характеристикой самоактуализирующейся личности [5]. По мнению А. Маслоу, такой индивид нуждается в неприкосновенности жизни, стремится к независимости от взаимоотношений с другими людьми. Самоактуализирующаяся личность отстранена от многих событий своей жизни, общение ограничено узким кругом людей, характерна относительная независимость, которая помогает индивиду переносить «угрозы» извне и быть свободным от мнения и давления окружающих, что также способствует его самосовершенствованию и реализации его внутреннего потенциала.

Сторонники мнения А. Маслоу отрицают негативное влияние одиночества на индивида. Так человек «независящий» от определенной группы, находится в некой безопасности от различных социальных «угроз» [5]. Одиночество рассматривается как некий «дар» или возможность, индивида для саморазвития и ориентации на внутренние мотивы.

Для рассмотрения вопроса об одиночестве недостаточно определить его влияния на индивида, также необходимо выделить его виды, что поможет глубже понять истинные причины появления данного феномена.

Согласно феноменологическому подходу, одиночество не разрушает устойчивую систему жизненного мира индивида, но вносит изменение, которые влияют на его функционирование и характер субъективных переживаний [9]. Так, в феноменологии выделяют четыре вида одиночества: космическое, социальное, межличностное, культурное.

- Космическое одиночество представляет собой переживания, вызванные невозможностью связи или ее потерей с Богом, с природой, с различными оккультными верованиями.
- Социальное одиночество представляет собой частичную изоляцию, непринятие определенной социальной группой из-за экономических, политически или других причин.
- Межличностное одиночество обусловлено отсутствием или ограничением тесных эмоциональных связей.
- Культурное одиночество определяется невозможностью быть причастным к традиционным ценностям и нормативам, дефицитом культурной идентичности.

Последний вид одиночества влияет на важнейшую структуру чистого сознания и жизненного мира индивида, на его культурную идентификацию, приводит к переживаниям, связанным с культурной комфортностью.

Таким образом, рассматривая вопрос одиночества в коммуникативных системах, можно подчеркнуть, что весь процесс социокультурной жизнедеятельности индивида, проходит в рамках «жизненного модуля» [4, с.39-41], который представляет собой события, явления, влияющие на восприятие человеком себя и общества.

Источники и литература

1. Вейс Р.С. Вопросы изучения одиночества. М., 1999.
2. Винникотт Дональд Вудс Игра и реальность. М., 2012.
3. Гизатуллина А.Г. Одиночество – дефицит открытости в ситуации изменений // Вестник Томского государственного университета, 2013.

4. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. М., № 12, 2020.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
6. Уледова И.А. Социальное одиночество как духовное состояние социальных субъектов. М., 2015.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.
8. Швалб Ю.М., Данчева О.В. Одиночество: социально-психологические проблемы. К., 2011.
9. Янг Дж. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и её применение // Лабиринты одиночества. М., 2017.

Коммуникативная компетентность в цифровом образовательном пространстве высшей школы

Липатова М.Е.

младший научный сотрудник

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: lipatova-me@mail.ru

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию коммуникативной компетентности, основные структурные компоненты и её роль в подготовке современных специалистов. Анализируется влияние процесса цифровизации высшего образования на процесс обучения и развитие коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: компетентность, высшее образование, коммуникативная компетентность, коммуникация, цифровизация образования.

The article discusses the main approaches to understanding communicative competence, the main structural components and its role in the training of modern specialists. The influence of the digitalization process of higher education on the learning process and the development of communicative competence is analyzed.

Key words: competence, higher education, communicative competence, communication, education digitalization

Начиная с середины XX века развитие технологий последовательно изменяли социальную реальность и человека, трансформируя все основные сферы его деятельности и предлагая новые направления для его развития. Одними из значимых ценностей современного общества, характеризуемого как постиндустриальное, информационное, цифровое и общество, основанное на знаниях, становятся информация и знания. Доступ к информации и знаниям, умение работать с ними, использовать, получать новые знания становятся

ведущими навыками, определяющими социальное положение человека в обществе и его благосостояние.

Среди приоритетных задач для России сегодня названа задача по переходу к цифровой экономике и развитию цифровой грамотности населения. Знания и информация всё чаще выступают в качестве товара и занимают всё большее место в стоимости производимых товаров и услуг практически в подавляющем большинстве отраслей экономики. В свете данных направлений развития экономики для высшей школы при подготовке специалистов приходится больше внимания уделять, в том числе, развитию коммуникативных навыков. Что особенно важно с развитием обучения с использованием дистанционных образовательных технологий, распространением центров дистанционного образования и расширением деятельности университетов онлайн, а также активными процессами цифровизации профессиональной деятельности и повседневной жизни людей как таковой.

Формирующаяся новая коммуникативная и образовательная среда, возникающие технологические и антропогенного характера риски, медиатизация общества и отношений и их воздействие на социальные институты накладывают свой отпечаток на действующие системы образования и рынок труда [19]. Изменения на рынке труда, появление новых профессий и требований к компетентности работников выражаются не только в специфических запросах к овладению человеком определённых профессиональных знаний, умений и навыков, но и к способностям индивида выстраивать эффективную коммуникацию, налаживать контакты и взаимодействовать с разными людьми, готовность демонстрировать высокую коммуникативную культуру поведения.

Для языкового общения и коммуникации, как отмечал в своих исследованиях Делл Хаймс (Dell Hymes) ещё в 60-е гг. XX в., недостаточно знать грамматические правила [20, с. 15]. Одной из важнейших составляющих социальной жизни человека, его способности достигать своих целей является коммуникативная компетентность, влияющая как на личные, так и на профессиональные отношения. Коммуникативная компетентность – сложная

категория, имеющая свою внутреннюю и внешнюю структуру, и отражающая эффективность и целесообразность процесса коммуникации в условиях реального социального взаимодействия.

Ю. Хабермас, разрабатывая теорию коммуникации, понимает коммуникацию как коммуникативное действие, фундаментальный тип социального действия, предполагающее взаимодействие «как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий» [18, с. 11]. Достижение взаимопонимания возможно при наличии коммуникативной компетентности, как способности определённым образом выстраивать языковую коммуникацию, диалогическое взаимодействие [6, с. 85].

Для Делла Хаймса (Dell Hymes) при создании своей концепции коммуникативной компетентности важной было решить не только теоретические вопросы, но и постараться решить существующие практические проблемы во взаимодействии индивидов. Согласно теории Д. Хаймса коммуникативная компетентность состоит из двух взаимосвязанных составляющих – наблюдаемой части (производительности) и собственно компетентности (предполагаемой способности обеспечивать наблюдаемую производительность в будущем), на которые могут влиять особые когнитивные и социальные факторы [20, с. 17-18]. Джон М. Виманн (John Wiemann), в рамках своей теории коммуникативной компетентности, особое внимание уделял управлению взаимодействием, коммуникативному поведению в конкретных ситуациях. Особое значение здесь имеют личные и социальные цели, стратегии, мотивация для достижения этих целей, методы планирования, эмоции, когнитивные способности. При построении модели исследователь опирался на анализ самопрезентации Э. Гоффмана и теорию Т-групп (К. Аржириса (C. Argyris), С. Бочнера (S. Bochner) и К. Келли (C.W. Kelly)). Дж. М. Виманном

были выделены пять измерений модели коммуникативной компетентности: (1) причастность/поддержка (affiliation/support), (2) социальное смягчение (social relaxation), (3) эмпатия (empathy), (4) поведенческая гибкость (behavioral flexibility) и (5) навыки управления взаимодействием (interaction management skills) [20, с. 18-19]. В результате апробации своей модели, Дж.М. Виманном была установлена тесная связь между управлением взаимодействия индивидов и коммуникативной компетенцией, которая заключается в ориентации человека на других при сохранении способности достигать своих собственных межличностных целей.

Понятие «коммуникативная компетентность» в отечественном социогуманитарном знании не имеет единого подхода к определению и определяется неоднозначно. Как отмечает Д.П. Гавра [4, с. 205], без понимания, что есть компетентность как таковая, нельзя в полной мере подходить к определению коммуникативной компетентности. Общее понимание компетентности представляет собой понимание её как «обладание знаниями, позволяющими судить о чём-либо» [15, с. 307; 17, с. 466] или «высказывать веское авторитетное мнение» [4, с. 206], а также «профессиональные навыки человека, обладание компетенцией» [15, с. 307], «способность субъекта реализовывать свою компетенцию в той или иной сфере деятельности» [4, с. 206].

В большинстве определений коммуникативная компетентность трактуется как ориентированность в различных ситуациях общения [10, с. 34], знание процедуры общения [12], умение или способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми [8], владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдения приличий, воспитанность; ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету, освоение ролевого репертуара в рамках данной профессии [13]. В рамках

социологического подхода, на основе анализа работ Конецкой В.П., Дридзе Т.М. и др. [11; 7], в коммуникативной компетентности подчёркивается важная роль социальности как личностного свойства, которое «обеспечивает построение человеком системы связей и отношений с другими людьми, определяющих его равновесное состояние в социуме». Исходя из рассмотренных подходов к пониманию компетентности и коммуникативной компетентности, можно предложить описательное определение коммуникативной компетентности как «способность личности нормально функционировать в качестве коммуникативного актора» [4, с. 207], устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми с использованием внутренних ресурсов в виде знаний, умений и навыков [3], обеспечивающих равновесное состояние индивида в социуме.

Среди структурных компонентов различные исследователи предлагают разные наборы элементов, позволяющие охарактеризовать и оценить коммуникативную компетентность индивида. На основе анализа ряда работ современных исследователей Балина Т.Н. выделяет несколько подходов в психологии к выделению структурных компонентов коммуникативной компетентности [1, с. 75]. Среди основных подходов выделены с доминированием когнитивной составляющей в коммуникативной компетентности (наличие необходимых для общения знаний и способностей); акцент на коммуникативных умениях; выделение в качестве ключевых элементов коммуникативные знания, способности и умения; ряд исследователей отмечают не меньшее значение, наряду с знаниями, умениями и навыками, учёт личностных особенностей человека. В модель, предложенной Пономаревым И.Б. и Трубочкиным В.П., как раз включён блок коммуникативных личностных качеств, наряду с блоками, связанными с овладением техникой общения и методикой и тактикой общения.

В рамках теории коммуникации Гавра Д.П. [4, с. 207] предложил свою структуру коммуникативной компетентности личности, которая зависит от принятых в социуме норм и человек может быть компетентным в одном обществе и не признаваться таковым в другом. Выделяет два подхода к

коммуникативной компетентности – широкий (комплексная структурная модель, предполагающая наличие абилитационной, когнитивной и операциональной компетентности) и узкий (или операциональный) подход [4, с. 209-211]. Вторым подход, по мнению Гавра Д.М., надстроен над остальными уровнями. К блоку навыков и умений, формирующих коммуникативную компетентность, относятся владение навыками выбора соответствующих ситуации коммуникативных средств, системами вербальной и невербальной коммуникации, умением осуществлять кодирование и декодирование, выстраивать в зависимости от культурного контекста дискурс. Не меньшее значение имеют умения выбирать средства в соответствии с целями и варьировать их в зависимости от коммуникативной ситуации, оценивать коммуникативные практики, уровень компетентности других людей, осуществлять коммуникативную интроспекцию и рефлекссию, а также умение преодолевать коммуникативные шумы и барьеры [4, с. 212]. Среди других важных компонентов коммуникативной компетенции исследователи также выделяют социальные характеристики, статус личности, культурный фонд личности, языковую компетенцию и психофизические особенности человека [5].

В современном информационном обществе, в котором возрастает роль знаний, особую значимость приобретает развитость таких навыков и качеств человека, как когнитивные, мотивационные, моральные, операционно-технологические, поведенческие и социальные качества и навыки индивида. Такой спектр навыков обуславливается усложнением коммуникативного взаимодействия в современном обществе. Произошла трансформация восприятия пространственно-временных границ, которые теперь носят зачастую условный характер. Социализации подрастающих поколений, а также процесс обучения всё чаще осуществляется с привлечением цифровых технологий и виртуальной реальности. В условиях пандемии 2020 г., в силу сложившихся обстоятельств, процесс обучения и, соответственно, взаимодействия в образовательном пространстве в основном осуществлялись посредством цифровых технологий, что потребовало реализации на новом уровне

определённых коммуникативных умений, способствовало формированию нового эмоционального опыта взаимодействия между учащимися и преподавателями. От субъектов взаимодействия в данных условиях требовалось владение навыками и умениями, отвечающими не просто социально признанным нормам, но и учитывающие специфику взаимодействия в цифровом поле.

Современные молодые люди, погружённые в новую цифровую, в том числе, образовательную среду являются представителями, так называемого, поколения Z. Среди наиболее характерных черт нового поколения, как отмечают в своей работе Богачева Н.В. и Сивак Е.В. [2], можно выделить следующие типологические характеристики, которые встречаются у ряда отечественных и зарубежных исследователей: когнитивная сфера (многозадачность, трудности с удержанием внимания, снижение критичности мышления), личностная сфера (инфантильность, прагматичность, преобладание индивидуалистов среди молодёжи, гедонисты), в ценностной и эмоциональной сферах – доминирует ориентация на успех и преобладают депрессивные, тревожные настроения. Среди навыков лидирующее положение занимает владение в совершенстве современными информационными технологиями. Однако, данные позиции требуют своей дальнейшей проверки и уточнения, т.к. не существует точных и однозначных результатов исследований. В социальной сфере авторы отмечают трансформацию социальных связей, что вызвано использованием новых средств коммуникации [2, с. 34-35].

В соответствии с тенденциями последних лет в системе высшего образования активно начинают применять цифровые технологии, что отражено как в законе «Об образовании в Российской Федерации, так и в последних версиях федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования 3+++. Отдельные практики по внедрению новых форм и организации учебного процесса с использованием новейших технологий осуществлялись и ранее. События 2020 г. в силу введённых повсеместно ограничений на социальные контакты привели к массовому переходу высших учебных

заведений на дистанционный формат обучения с последующим частичным его сохранением после смягчения ограничений.

Среди инструментов и предоставляемых цифровыми технологиями новых возможностей для обеспечения процесса обучения есть и плюсы организации коммуникации учащихся и преподавателей, позволяющих развивать и формировать коммуникативную компетентность, отвечающую потребностям дня сегодняшнего. Свободный доступ к информации (учебным планам, рабочим программам дисциплин, электронным библиотекам), сетевое взаимодействие между преподавателями и студентами (осуществление методической помощи, проведение консультаций) посредством различных форм (электронные письма, социальные сети, блоги, облачные сервисы, форумы) [9, с.73]. Использование цифровых средств и Интернета позволяет, наряду с этим, более гибко выстраивать процесс обучения, привлекать специалистов из других регионов России или других стран, эффективнее использовать аудиторное время, происходит экономия времени на дорогу и оплату обучения [14; 16]. При этом сам процесс обучения может быть более индивидуализированным. Подача материала может насыщаться интерактивными, мультимедийными элементами, тем самым облегчая восприятие и способствуя его усвоению.

Отмечаемые многими участниками образовательного процесса негативные стороны дистанционного обучения касались таких аспектов взаимодействия, как отсутствие непосредственного эмоционального контакта между субъектами взаимодействия и обезличенность, виртуализация процесса учёбы (практической деятельности), снижение качества работ (в т.ч. письменных) по причине роста числа заимствования и недобросовестного отношения к авторским правам (списывание или использование чужих материалов, подмена результатов своего труда) [9, с.74]. Недостаточное присутствие эмоционального компонента во взаимодействии с другими студентами и преподавателями затрудняет формирование реакции на изменения в состоянии партнёра по коммуникации, способствует появлению чувства дискомфорта во время общения. Активное использование цифровых технологий

и перевод привычных форматов обучения в онлайн, когда меняется не только канал распространения образования, но и подача информации, усвоение знаний человеком (геймификация, распространение симуляторов, реальности ранение симуляторов, реальности 3D и т.д.) предполагает корректировку ряда навыков, связанных с системами вербальной и невербальной коммуникации. Здесь важно осуществлять правильное кодирование и декодирование получаемой информации, уметь преодолевать коммуникативные шумы и барьеры, а также осуществлять, как отмечал Гавра Д.П., коммуникативную интроспекцию и рефлексию.

Общемировая тенденция на цифровизацию экономики меняет номенклатуру востребованных профессий и компетенций выпускников вузов. Это ставит перед сферой образования задачу по подготовке молодых специалистов, отвечающих современным социальным требованиям и потребностям общества. Несмотря на трудности, возникающие в высшей школе в формирующемся цифровом пространстве, изменения в подходе к обучению становятся повседневной реальностью. Что требует не просто пересмотра форм, моделей и методов обучения, но и существенной работы по формированию коммуникативных компетенций и установок на учёбу с использованием новейших цифровых технологий. Целенаправленное развитие коммуникативной компетентности в вузе будет способствовать формированию обладающего высоким уровнем культуры и разностороннего специалиста, способного действовать в динамично изменяющемся обществе.

Источники и литература

1. Балина Т.Н. Развитие коммуникативной компетентности студентов-гуманитариев // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1(23). С. 74-79.
2. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z». М., 2019.
3. Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1995.
4. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011.

5. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988.
6. Джакупова С. К реконструкции понятия коммуникации в социологии Ю.Хабермаса: метатеоретические основания // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 84-91.
7. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145-152.
8. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2004.
9. Жукова Т.В. Некоторые аспекты цифровизации высшего образования // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 6. С. 72-75.
10. Коммуникативная компетентность. Коллектив. Личность. Общение. Словарь социально-психологических понятий. Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семёнова. Л.: Лениздат, 1987.
11. Концеккая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
12. Корнилов А.П. Саморегуляция человека в условиях социального перелома // Вопросы психологии. 1995. № 5. С. 73-79.
13. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001.
14. Липатова М.Е. Цифровой формат обучения в условиях пандемии: преимущества и недостатки / COVID 19 как фактор отражения социального неравенства. Международная научная конференция. Сборник материалов / Под общей редакцией Н. Г. Осиповой. М.: МАКС Пресс, 2020. – 115 с.
15. Менеджмент: Словарь-справочник. М.: «Анкил», 2005. С. 307; Словарь иностранных слов / Автор Комлев Н.Г. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
16. Орусова О.В. Как коронавирус изменил систему высшего образования: анализ перехода вузов на дистанционное обучение // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и Право. 2020. № 3. С. 184-195.
17. Словарь иностранных слов / Автор Комлев Н.Г. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

18. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырёх социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3-24.

19. Чудновская И.Н., Липатова М.Е. Агенты социально-коммуникативного воздействия на формирование образовательных стратегий нового поколения молодёжи России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11. С. 50-58.

20. Rickheit, G., Strohner, H. & Vorweg, C. The concept of communicative competence / Handbook of Communication Competence / Ed. by Gert Rickheit, Hans Strohner. Mouton de Gruyter. Berlin. New York, 2008.

Информационное общество как фактор роста коммуникативного капитала современной организации

Максимов Арсений Андреевич

к.с.н., старший преподаватель

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: arsenii.maksimov@mail.ru

Информационное общество как динамично развивающаяся институциональная среда не только требует от современной организации гибкости и способности быстро внедрять новые коммуникационные технологии в сферу производства и взаимодействия с внешней средой, но и заставляет по-новому взглянуть на давно знакомые явления, придаёт им новое значение. Новое «расширенное» понимание категории коммуникативный капитал представляет собой важный шаг пути роста эффективности организационной деятельности.

Ключевые слова: информационное общество, постиндустриальное, коммуникация, коммуникативный капитал, организация, Интернет-пространство.

The information society as a dynamically developing institutional environment not only requires flexibility and the ability of a modern organization to quickly introduce new communication technologies in the sphere of production and interaction with the external environment, but also forces a new look at long-familiar phenomena, gives them a new meaning. The new "expanded" understanding of the category of communication capital represents an important step towards increasing the effectiveness of organizational activities.

Keywords: information society, post-industrial, communication, communication capital, organization, Internet space.

В эпоху информационной экономики для организации, действующей в условиях рыночной конкуренции, коммуникация представляет собой

формирующий системный базис производственных отношений и один из ключевых нематериальных факторов конкурентной борьбы. Современную организацию как частное явление порождённое и обусловленное внешней для неё средой нельзя рассматривать вне социально-культурного, социально-экономического, социально-политического и технологического контекста.

Бурное развитие информационных технологий привело практически к единовременному появлению и динамичному развитию большого разнообразия коммуникационных платформ, включающих социальные сети и платформы в Интернет-пространстве, наподобие Facebook YouTube, Twitter, Instagram и пр., инновационные инструменты синхронной и асинхронной передачи данных, деловые, образовательные и развлекательные Интернет-ресурсы, что позволило без сомнений говорить о наступлении постиндустриального общества⁴ с присущей ему, особой формой капитализма. Индустрия коммуникаций в постиндустриальном обществе не только организует производство в новом масштабе и создает новую структуру, адекватную глобальному пространству, но также делает имманентным его обоснование. Внешние (как, впрочем, и внутренние) факторы организационной среды постоянно вынуждают организацию к освоению и внедрению новых методик коммуникативного действия и адаптации к сложившейся конъюнктуре, всё сильнее втягивая её в онлайн пространство и вынуждая активно внедрять новые каналы и инструменты коммуникации.

На фоне ускорения процессов информатизации общественной жизни и развития коммуникационных технологий, организация все стремительнее теряет возможность выбора альтернативных инструментов коммуникации и выстраивает бизнес-процессы в соответствии с навязчиво предлагаемой информационным обществом моделью. Интеграция в общий поток требует от неё проявления мудрого сочетания актуальных компетенций и оперативного

⁴ Д. Белл выделял следующие основные черты постиндустриального общества: главенство знания (а не собственности); наличие интеллектуальных технологий; переход от производства товаров к оказанию услуг; рост численности носителей знания.

реагирования на динамично изменяющуюся внешнюю среду при сохранении самобытности (корпоративной культуры).

Коммуникация предстаёт не только инфраструктурным элементом капитализма, но и нематериальным товаром, а акт коммуникации приравнивается к аматериальному труду, производящего такие блага, как услуга, продукт культуры или знание. Как отмечает Р. Райх, такой труд создаёт максимально высокую долю добавленной стоимости и поэтому имеет определяющее значение для конкуренции в условиях новой мировой экономики [17, с. 273]. М. Хардт и А. Негри выделяют три типа аматериального труда, которые возводят сферу услуг на вершину информационной экономики. Первый связан с промышленным производством, которое приобрело информационный характер и включило в себя коммуникационные технологии, что привело к изменению самого производства. Производство рассматривается как услуга, и материальный труд по выпуску товаров длительного пользования соединяется с аматериальным трудом и тяготеет к нему по своему характеру. Второй тип аматериального труда связан с решением аналитически-символических задач, которые распадаются на творческую и интеллектуальную деятельность, с одной стороны, и рутинные операции над символами — с другой. Наконец, третий тип аматериального труда включает порождение аффектов и манипулирование ими, он предполагает взаимодействие (реальное или виртуальное) между людьми, а также телесный труд [17, с. 274]. М. Хардт и А. Негри отмечают, что аффективный труд поддается лучшему пониманию, если исходить из того, что в феминистском анализе «женской работы» называется «телесным трудом». Труд, связанный с уходом за больными, относится, без сомнения, к сфере материального, соматического, но создаваемые им аффекты тем не менее аматериальны. Аффективный труд создает социальные связи, формы сообщества, биовласть.

Исследователи М. Хардт и А. Негри противопоставляют понятия дисциплинарного общества и общество контроля, которому имманентно присуще понятие биовласть. Биовласть является такой формой власти, которая

регулирует общественную жизнь изнутри, следуя ей, интерпретируя, поглощая и заново артикулируя ее. Власть может достичь действительного контроля над всей жизнью общества только тогда, когда она становится неотъемлемой, жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию [17, с.36].

Если в индустриальном обществе главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня «новыми людьми» являются учёные, математики, экономисты и другие представители интеллектуальных технологий. Разделение труда в рамках аматериального производства происходит на основе выделения категорий собственно креативного и рутинного видов деятельности, которые в свою очередь не требуют высокой квалификации и не создают большой доли добавленной стоимости. Д. Бэлл, например, предлагал говорить о разделении общества будущего на три социальных класса: «творческую элиту учёных и высшую профессиональную администрацию», «средний класс» (инженеры, научные сотрудники) и «пролетариат умственного труда» (техники, ассистенты, младшие сотрудники).

Информационное общество как институциональная среда не только диктует новые формы взаимодействия отдельным индивидам и организациям, погружая нас в новую социальную реальность, но и, что характерно, ведёт к пересмотру уже давно известных научных категорий, придаёт им новое значение. Одной из таких категорий является понятие «коммуникация».

Как отмечает В.П. Конецкая коммуникация как явление, будучи объектом изучения многих, как гуманитарных, так и технических наук, может рассматриваться с разных точек зрения. Даже в рамках отдельно взятых дисциплин мы можем обнаружить несколько аспектов для её определения (См. Таблицу 1). Характерной особенностью эпохи информационной экономики является не только возрастающее значение коммуникации, но и ещё один, относительно новый смысл, который сегодня придаётся этому понятию., В противовес более привычному пониманию коммуникации как акта,

обладающего содержанием и направленного на получение или обмен информацией, М. Лазаратто [22] предложил говорить о ней как о нематериальном труде. Дж. Дин же радикально пересмотрела значение коммуникации, переместив ее в новые информационные сети и представив как событие, лишенное содержания. Она стала понимать под этим не только безответный коммуникативный акт, но и любое действие в сети: переход на сайт, просмотр рекламы или чтение утренних новостей, расширив тем самым представление об этом феномене.

Содержание определения категории «коммуникация»	Автор
Процесс обмена информацией, её смысловым значением между двумя или более людьми и организациями.	Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. [12]
Процесс, посредством которого некоторая идея передаётся от источника к получателю с целью изменить поведение получателя.	Агарвала-Роджерс Р. Роджерс Э., [14]
Процесс передачи эмоционального или интеллектуального содержания.	Карлоф Б. [5, с. 55]
Процесс, в результате которого должно достигаться однозначное восприятие коммуникативного сообщения субъектами, его посылающими и получающими.	Голубкова Е.Н. [3, с. 6]
Процесс общения сторон, имеющий следующие аспекты: информационный обмен, оценка сторонами друг друга, взаимодействие сторон. Совокупность возникающих связей и отношений между субъектами рынка в процессе их деятельности.	Котлер Ф. [7, 8]
Акт оправления информации от мозга одного человека к мозгу другого человека. Передача идеи от мозга отправителя к мозгу получателя. Межличностная деятельность, которая зависит от социальной среды, людей, отправляющих информацию, которые могут это сделать при помощи различных способов, используемых иногда одновременно. Избирательный акт, в котором важно не только то, что передаётся, но и то, что в передачу не включается. Определенное человеческое умение, и, как таковое, оно зависит от состояния людей, которые в нем участвуют: того, кто передает сообщение, и того, кто его принимает.	Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. [16, с 12,35,36,39]

<i>Творческая форма дифференциации рынка всегда конкурентная, всегда стремящаяся убедить потребителей, акционеров и служащих, что рыночное предложение данного бизнеса является наилучшим для них вариантом и поэтому они всегда должны делать выбор в их пользу.</i> <i>Это универсальная и одна из самых активных характеристик как человеческого общения, так и деятельности любых организаций.</i>	
Процесс передачи информации о товаре целевой аудитории. При этом целевая аудитория представляет собой группу людей, которые получают маркетинговые обращения и имеют возможность реагировать на них.	Бернет Дж., Мариарти С. [2, с. 29]
Процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальную в вербальную сферы. Принуждение другого к выполнению того или иного действия.	Почепцов Г.Г. [13, с. 14.]
<i>Под маркетинговой коммуникацией понимается процесс взаимодействия между субъектами маркетинговой системы, отображающийся в совокупности сигналов, направляемых в адрес различных аудиторий, в том числе потребителей, партнеров, посредников, акционеров, конкурентов, органов управления, а также собственного персонала.</i>	Ламбен Ж. Ж. [10]
Процесс взаимодействия между субъектами маркетинговой системы, отображающийся в совокупности сигналов, направляемых в адрес различных аудиторий.	Багнев Г.Л. [1]
<i>Связь между людьми, в ходе которой возникает психологический контакт, проявляющийся в обмене информацией, взаимовлиянии, взаимопереживании, взаимопонимании, имеющий познавательный (когнитивный), эмоциональный (аффективный), поведенческий аспекты.</i>	[19, с. 109]
Передача информации от одной системы к другой посредством специальных материальных носителей, сигналов.	[18]
Способы общения, позволяющие передавать и принимать разнообразную информацию	Конецкая В.П. [6]

Таблица 1. Некоторые определение категории «коммуникация»

Другим термином, получившим новую интерпретацию и существенно вышедшем за пределы первоначальной трактовки в контексте постиндустриального общества стал «капитал». Капитал в понимании теории марксизма – самовозрастающая стоимость, которая в результате эксплуатации наёмных рабочих приносит прибавочную стоимость. Это движение авансированной стоимости и её возвращения с избытком К. Маркс описал с помощью всеобщей формулы капитала $D - T - D'$. Для того, чтобы капитал не переставал функционировать как капитал этот кругооборот должен постоянно возобновляться. Капитализм – общественно-экономическая формация, основывающаяся на частной собственности класса буржуазии на средства производства и эксплуатации капиталом наёмных рабочих, лишённых средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу.

Как отмечает Е.И. Кривокопа, интенсивная «эксплуатация» термина «капитал» характеризует системную эволюцию его как экономического явления, предопределённую в постиндустриальном периоде значительными структурными сдвигами в общественном производстве, существенным возрастанием роли нематериального производства в сравнении с традиционным материальным производством.

Особая роль коммуникаций в информационной экономике позволила ввести в научный оборот понятие «коммуникативного капитала» – экономическую интерпретацию сложнейшего комплекса факторов, представлений и концепций, которые агрегируются в понятии «коммуникация». Как пишет Н.И. Мелентьева, коммуникативный капитал должен рассматриваться не как совокупность связей системы экономических взаимодействий, но и как экономически ценный ресурс, способный создавать дифференцированную дополнительную стоимость для товаров и услуг, выводимых предприятием на рынок. Именно этот критерий позволяет рассматривать коммуникацию в роли капитала [11, с.59].

Коммуникативный капитал организации может быть определён, как часть рыночной стоимости организации, вносящая значительный вклад в

процессе ее капитализации и включающая эффективное управление внутренними и внешними коммуникациями, расширение и использование полезных деловых связей. Е.И. Кривокора выделяет четыре признака коммуникативного капитала, являющихся общими для всех организаций: он неотделим от самой организационной системы, не принадлежит ей на правах собственности, возникает только при формировании избыточной прибыли и не ограничен в пределах роста [9, с. 32].

Коммуникативный капитал организации состоит из внутренней и внешней компоненты, дополняющих друг друга. Так, внешняя компонента включает деловые формальные и неформальные связи с внешним окружением организации (контрагенты, клиенты, конкуренты, органы власти и т.д.) и может оцениваться с точки зрения их интенсивности, плотности, полезности, выгоды. Внутренняя компонента коммуникационного капитала важна для организации не меньше, чем внешняя, в особенности в условиях стремительно развивающихся технологий, когда новые рыночные условия вынуждают оперативно производить перестройки в структуре нематериальных активов бизнес-системы. Она состоит в структурировании, технологичном обеспечении и постоянном совершенствовании всех внутренних коммуникаций организации. Так, коммуникационные технологии способствуют тому, что расстояния становятся менее значимыми, а производство детерриториализованным. Формируется, так называемое, новое индустриальное пространство, характеризующееся возможностью разделять производственный процесс по отдельным предприятиям, размещенным в различных местах, при этом обеспечивая единство производственного процесса через современные коммуникационные возможности. Рабочие, вовлеченные в общий производственный процесс, могут легко связываться и взаимодействовать друг с другом, находясь в разных местах и не думая о расстояниях, например, оставаясь дома и просто подключаясь к сети.

Обе компоненты коммуникативного капитала организации несут ей определённые преимущества, которые Е.И. Кривокора предлагает разделять на

два вида: рутинно-коммуникационные и инновационно-коммуникационные. Первый вид способствует ускорению основных бизнес-процессов организации, оборачиваемости всех ресурсов, сказывается на увеличении объёма продаж, уровня доходов и прибыли. Второй помогает диверсифицировать деятельность, выйти на новые рынки, расширить портфель предложений, использовать новые технологические и информационные средства.

В своей концепции Дж. Дин использует понятие коммуникативного капитализма, определяя его, с одной стороны, как форму позднего капитализма, в которой главные демократические ценности, такие как доступность, инклюзивность, обсуждение и участие приобретают материальное воплощение в сетевых коммуникационных технологиях. С другой же стороны, она характеризует его как экономическо-политическую формацию, слияние демократии и капитализма с новыми сетевыми технологиями, в которой пользователи зафиксированы в разветвленной сети производства, наслаждения и наблюдения [15, с. 238]. По мнению М. Хардт и А. Негри, новизна информационной инфраструктуры заключается в том, что она является составной частью новых производственных процессов и полностью имманентна. Исследователи характеризуют организацию всемирной информационной инфраструктуры как сочетание демократического и олигополистического механизмов, которые функционируют в соответствии с разными моделями сетевых систем.

Демократическая модель представляет собой горизонтально выстроенную и детерриториализованную модель. Ж. Делёз и Ф. Гваттари сравнивают её с ризомой, неиерархической и децентрализованной сетевой структурой [17, с. 280] (Интернет). Так как у нее нет центра, отдельные её части могут функционировать как автономное целое, и даже в случае её частичного уничтожения, сеть сможет продолжать работать. Такая структура прекрасно справляется с задачей выживания, но при этом контролировать её сложно.

Напротив, олигополистический механизм предполагает наличие одного стационарный передающего центра и потенциально бесконечного числа точек

приема сигнала. Основные её характеристики – это централизованное производство продукции и массовое распространение и односторонняя связь.

Для современной организации содержание коммуникативного капитала расширяется вместе с появлением новых возможностей присутствия и презентации себя в сфере глобального Интернет-пространства. В.В. Декалов, опираясь на концепцию Дж. Дин предлагает говорить о коммуникативном капитале (в Интернет-пространстве), как о внимании (рабочей силе), которую удалось удержать на участке (подписчики контента, количество просмотров). Наше внимание в сетевой среде, пишет он, можно назвать коммуникативной рабочей силой, а её применение для совершения тех или иных действий на участке сети — коммуникативным трудом. Результат коммуникативного труда — это и цифровой след, оставленный самим фактом нашего присутствия на площадке, и время, проведенное там, и созданный в результате контент [4, с. 81].

В свою очередь, меновая стоимость продуктов коммуникативного труда становится объектом отчуждения владельцами площадок и сетевых брендов. Коммуникация в данном контексте, превращается в своеобразное сырье для новых отношений эксплуатации. «Цифровые следы» (комментарии, лайки и иные форму реакции на информационный контент) складываются в большие потоки информации, которые интересны для реализации коммерческих стратегий как самих владельцев брендов и площадок, так и для продажи рекламы [21]. С экономической точки зрения, интерес капиталистов заключается в монетизации привлеченного внимания. Но есть иные направления конвертации активности пользователей, например: в социальный, культурный и символический капитал.

Таким образом, информационное общество не породило коммуникативный капитал как явление, но значительно расширило его понимание и увеличило его значимость за счёт появления новых средств капитализации и институционализации экономического поведения в Интернет-пространстве, а также стремительного развития коммуникационных технологий. Сегодня мы можем констатировать, что сбывается предсказание Б. Гейтса о

будущем информационных сетей, которые, как он пишет, «смогут полностью преодолеть все преграды, стоящие на пути обращения товаров, а «информационная супермагистраль расширит электронное рыночное пространство и сделает его главным посредником, всеобщим маклером» [20, с. 158].

Источники и литература

1. Багнев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг: Учебник для вузов / Под общ. ред. Г.Л. Багиева. СПб.: Питер, 2005.
2. Бернет Дж., Мариарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / Пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. – СПб.: Питер, 2001.
3. Голубкова Е.Н. Маркетинговые коммуникации. – М.: Изд-во «Финпресс», 2000.
4. Декалов В.В. Коммуникативный капитализм: удержание внимания в «цифровую эпоху» // Сборник научных работ. Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых учёных. 2017.
5. Карлоф Б. Деловая стратегия / Пер. с англ.; науч и авт. послесл. В.А. Приписнов. – М.: Экономика, 1991.
6. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: МУБиУ, 1997.
7. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент – СПб.: Питер Ком, 1998.
8. Котлер Ф, Основы маркетинга / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. сл. Е.М. Пеньковой. – М.: Прогресс, 1990.
9. Кривокора Е.И. Коммуникационный капитал организации как антикризисный инструмент развития // Экономика и управление, № 10 (48), 2009.
10. Ламбен Ж. Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива / Пер с фр. – СПб.: Наука, 1996.
11. Мелентьева Н.И. Коммуникативный капитал и маркетинг взаимодействия в современной экономике // Известия СПбГУ, 2007, №1.
12. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. – М.: Дело, 1992.

13. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» – 2001.
14. Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникация в организациях / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1980.
15. Сафронов Э. Е. Концепция коммуникативного капитализма Джоди Дин // Знание. Понимание. Умение. 2020. №1.
16. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга: Учеб. Пособие / Пер. с англ. под ред. проф. Л.Ф. Никулина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
17. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 427 с.
18. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: издательская группа «НормаИнфра» – М., 1998. –672 с.
19. Общая психология / Под ред. В.В. Богословского и др. – М.: Просвещение, 1981.
20. Gates B. The Road Ahead. New York: Viking, 1995.
21. Fuchs C., Seignani S. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? / triple C. 2013. № 11 (2).
22. Lazzarato M. Immaterial Labor. Radical Thought in Italy. Minneapolis, University of Minnesota Press. 1996. 280 p.

Проблемы информационной безопасности в Беларуси: к вопросу об оптимальной модели управления и преодоления угроз

Новицкая Татьяна Евгеньевна

научный сотрудник

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,

Минск, Беларусь

E-mail: eregister.philosophy@gmail.com

В статье обосновывается, что эффективные меры по разработке оптимальной модели управления национальным информационным пространством и преодолению информационных угроз могут быть дополнены и расширены возможностями использования социальных и гуманитарных технологий, а также широким внедрением медиаобразования, развития медиакомпетентности, просвещением в области социогуманитарных аспектов информационной безопасности, развитием критического мышления и нулевой толерантности к проявлениям языка вражды, деструктивным информационным воздействиям.

Ключевые слова: Интернет, информационная безопасность, социальные медиа, глубокая медиатизация, деструктивное информационное воздействие, дезинформация, информационные угрозы, национальная безопасность.

The article substantiates that effective actions to develop an optimal model for managing the national information space and overcoming information threats can be supplemented and expanded by the possibilities of use of social and humanitarian technologies, as well as the widespread implementation of media education, the development of media competence, education in the field of socio-humanitarian aspects of information security, the development of critical thinking and zero tolerance to manifestations of hate speech, destructive informational influences.

Keywords: Internet, information security, social media, deep mediatization, destructive information impact, disinformation, information threats, national security.

Информационная безопасность предполагает защиту информации и информационных систем от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, нарушения, модификации или уничтожения для обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности [1]. Она направлена на сохранение конфиденциальности, целостности и доступности данных, не причиняя ущерба производительности организации. Основным способом регулирования данной сферы – это управление рисками, нацеленное на идентификацию ключевых источников угроз и уязвимостей, определения вариантов влияния и воздействия на них. С гуманитарной точки зрения в современном обществе, где достаточно свободно циркулируют информационные потоки, к управлению которыми наряду с институционализированными акторами (государственная власть, корпорации, профессиональные журналисты и т.п.) становятся причастными и сами интернет-пользователи, возникает не только проблема защиты данных, но и защиты человека и общества от деструктивных информационных воздействий.

В 2020 г. проблемы информационной безопасности как никогда остро встали перед государством и обществом в Беларуси. В современном обществе любые кризисные явления политического, экономического, социального характера находят свое отражение в медиа. На сегодняшний день большинство областей социальной реальности имеют свое медиатизированное измерение.

Медиатизация – процесс, в ходе которого возрастает степень подчинения общества медиа и их логике. Амбивалентность данного процесса выражена в том, что, с одной стороны, медиа интегрированы в деятельность иных социальных институтов, а с другой – сами становятся одним из важнейших социальных институтов. На сегодняшний день социальное взаимодействие, опосредованное медиа, нормализовано как внутри социальных институтов, так и между ними, а также в обществе в целом [2]. В результате медиатизации

возрастает зависимость других институтов от ресурсов, контролирующихся медиа. И чтобы получить доступ к данным ресурсам, социальные институты вынуждены разделять правила, по которым работают медиа.

Важный аспект для понимания феномена медиатизации – это хронология ее развития, и, в частности, соотношение традиционных и новых медиа на современном этапе. «Старые» СМИ продолжают функционировать, сохраняя свои сущностные характеристики, несмотря на переход в цифровой регистр функционирования (например, радио и телевидение), и дополняясь некоторыми эффектами интерактивного формата. Периодически на главную арену выходят различные инновационные виды медиа, оказывая трансформирующее воздействие на большинство сфер общественной жизни. В данной связи немецкий ученый А. Хепп маркирует современный этап медиатизации как «глубокую медиатизацию», связывая его со скачком в распространении новых медиа, функционирующих на платформе Web 2.0. Основным фактором углубления медиатизации сегодня, с его точки зрения, выступает диджитализация. Глубокая медиатизация – это стадия медиатизации, на которой анализ алгоритмов, данных и искусственного интеллекта становятся решающими для нашего понимания социального мира [3, р. 7]. Хепп выделяет три основные волны медиатизации, они основываются соответственно на механизации, электрификации и цифровизации [3, р. 5]. На современной, продвинутой, стадии медиатизации все элементы социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и их базовой инфраструктурой [4, р. 7, 34]. Медиатизация не линейна, ее развитие протекает в виде различных волн, фундаментальных изменений в медиасреде. Существуют периоды, когда указанные волны налагаются друг на друга, пересекаются. Говоря о современности, прежде всего это касается влияния на общественное сознание таких видов медиа как телевидение и Интернет с его гипер- и интерактивными сервисами и сетевой структурой. То есть существует аудитория, для которой информация по-прежнему передается по «традиционным» однонаправленным каналам. С устоявшейся спецификой восприятия телевидения, радио и прессы

связан ряд рисков – пассивности и некритичности зрителя, высокого уровня его доверия авторитету СМИ и пр. Использование социальных медиа также сопряжено с определенными угрозами – формированием «информационного кокона», сложностями с ориентацией во множестве информационных потоков, низким уровнем медиакомпетентности и, как следствие, подверженности влиянию политики постправды и т.д.

Информационная безопасность является одной составляющих национальной безопасности. И до 2019 г. в Беларуси она регулировалась Концепцией национальной безопасности. В марте 2019 г. была принята Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, которая служит основанием для формирования государственной политики, выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, конструктивного взаимодействия, консолидации усилий и повышения эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере. Согласно Концепции, основополагающим национальным интересом Республики Беларусь в информационной сфере с точки зрения гуманитарного аспекта является реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, а также права на тайну личной жизни. В концепции обговорены вопросы обеспечения национальной безопасности, в том числе защищенность информационного пространства, информационной инфраструктуры, информационных систем и ресурсов, а также пути ее достижения и поддержания. Концепция закрепляет приоритетные направления предотвращения угроз информационной безопасности, минимизации их деструктивного воздействия и локализации последствий, очерчивает основные направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности в данной сфере.

Чем может быть полезен социально-философский инструментарий для решения проблем информационной безопасности в ситуации, когда уже сформулирована такого рода концепция? Он едва ли может претендовать на

использование для поддержания безопасности в ее научно-техническом и технологическом, организационном, правовом и правоохранительном, экономическом аспектах, а также для мер тактического характера. В то же время он может быть применим для формирования стратегии предупреждения и нейтрализации информационных рисков, вызовов и угроз. Его актуальность возрастает в ситуации, когда общество сталкивается с медиатизацией конфликтов, с их репрезентацией в медиа, когда они начинают разворачиваться не только в реально-политической плоскости, но и в современной информационной сфере – сетевой, тесно коррелирующей с глобальным контекстом и достаточно слабо поддающейся контролю. Если исходить из положений социально-конструктивистского подхода, знание, выступающее одной из ключевых точек опоры в противостоянии информационным рискам, является продуктом культурного и социального конструирования. Его гуманитарный потенциал состоит не столько в противодействии им (когда человек и общество уже сталкиваются с ними), сколько в их предотвращении. Медийная сфера – пожалуй, одна из наиболее рискогенных с точки зрения информационного воздействия. И если она сама слабо поддается контролю в виду ее сущности, то индивид в информационно-коммуникационной сети – напротив. В данной связи представляется перспективной разработка и имплементация новых и использование уже существующих социальных и гуманитарных технологий, включение их в систему управления рисками и преодоления угроз.

Ставя перед собой задачу поиска оптимальной модели управления и преодоления угроз информационной безопасности в Беларуси с учетом текущей ситуации, рассмотрим наиболее существенные с гуманитарной точки зрения параметры ее функционирования. Одним из них является поддержание баланса между информационными потребностями граждан, цифровыми правами человека, соответствием глобальным стандартам в отношении прав потребителей и обеспечением национальной безопасности в информационной сфере. Концепцией декларируется ориентация на высокий уровень доступа

населения к массовой информации и на мировые тренды информатизации в целом, а также на реализацию конституционного право граждан свободно искать, получать, передавать, производить, хранить и распространять информацию любым законным способом, право на тайну личной жизни и иную охраняемую законом тайну, защиту персональных данных и авторских прав. В то же время в то же время существует ряд ограничений, связанных с обеспечением национальной безопасности. Прежде всего, они сопряжены с возможностями деструктивных информационных воздействий как внутреннего, так и внешнего характера. Речь идет о негативном целенаправленном влиянии посредством информационных каналов на социальные, экономические политические процессы, деятельность органов государственного управления, попыток ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, ухудшения внешнеполитической ситуации, провоцирования социально-политической напряженности, ослабления духовно-нравственных ценностей и т. п. Существуют механизмы, призванные «купировать» деструктивное информационное воздействие, работающие на государственном уровне в рамках борьбы с экстремизмом, терроризмом и т. п. (блокировка доменных имен, запрет информационных ресурсов и пр.). Однако в современном глобальном мире эти меры не являются достаточно продуктивными, интернет-ресурсы начинают функционировать по другим адресам, широко используются технологии прокси-серверов и VPN, социальные медиа развиваются, и, как следствие, сайты, и даже социальные сети уступают пальму первенства другим каналам коммуникации, более индивидуализированным, например кроссплатформенным мессенджерам (приложениям и программам для обмена сообщениями). Последние практически вооружаются функциями СМИ, de jure не являясь ими. С 2011 г. многие социальные исследователи обращались к проблеме роли социальных сетей в ходе «арабской весны», в 2020 г. говорят о возможностях децентрализованной Telegram-революции. Преодоление информационных рисков должно быть связано не просто с купированием вредного информационного воздействия, но

и – принципиально – с учетом особенностей транслирующего медиа, того, как оно организует действия, ставшие, как было сказано ранее, коннективными. Постоянное развитие медиатехнологий, новые локальные и глобальные тенденции в их использовании требуют изучения и того, чтобы результаты таких исследований учитывались при управлении рисками информационного влияния.

Президент и соучредитель Psiphon М. Холл рассказал, что к их приложению в августе 2020 г. прибегало 2,5 млн. пользователей из Беларуси, т.е. около трети всего взрослого населения. В дальнейшем показатели его использования стали ниже (Интернет отключен только в воскресные дни в определенное время), например, 6 декабря во время протестных маршей, белорусские пользователи подключались к Psiphon 1,234 млн. раз. Холл заявляет, что несмотря на то, что в государстве используются практически все имеющиеся на данный момент методики блокировки, их удаётся обходить [5]. Медиа постоянно развиваются, существуют приложения, ориентирующиеся на максимальное сохранение конфиденциальности. Наблюдается рост их популярности, в качестве примера можно привести Telegram.

Еще один ключевой параметр, который должен быть учтен в оптимальной модели преодоления информационных угроз – гармоничное соотношение информационного нейтралитета и информационного суверенитета. Он является принципиально важным для проведения самостоятельной политики и нейтрализации внешних информационных угроз. Белорусское информационное пространство открыто для иностранных медиа, существенное влияние имеют русскоязычные медиа регионального уровня. Государство располагает правом пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами для осуществления независимой информационной политики, формирования национальной информационной инфраструктуры, обеспечения информационной безопасности, оно определяет правила в данной сфере. В то же время очевидно, что сайты Байнета конкурируют с иностранным контентом, и для сохранения информационного суверенитета один должны выдерживать эту конкуренцию достойно. Также необходимо расширять присутствие

высококачественного национального информационного контента на международном уровне. В данной связи встают вопросы его продвижения, очень важная проблема доверия пользователей и потребителей к нему, а также его соответствия их информационным потребностям. И в сетевом информационно-коммуникационном пространстве они не могут быть решены директивно, здесь решающими критериями выступают его качество, адекватность «информационному спросу», репутация и конкурентоспособность. Подчеркнем, что для национальной безопасности особенно важным остается также развитие белорусскоязычного интернет-контента, поддержание интереса к нему, его престижа.

Тем не менее, следует помнить, что согласно принципу сетевого нейтралитета ко всему интернет-трафику следует относиться одинаково. При этом здраво оценивать угрозы в информационной сфере. Особенно значимо, чтобы сами пользователи могли адекватно подходить к информации, в условиях ее поточности, эмоциональной окрашенности, идеологичности роль данной способности возрастает. Сознание пользователя может буквально «бомбардироваться» медийным контентом, и непосредственно он сам должен быть вооружен инструментом для противостояния этим процессам. В контексте информационных угроз возрастает необходимость формирования в обществе критического отношения к проявлениям неуважения национальных устоев, традиций и нарушениям норм морали и права в информационной сфере. В предыдущих работах [6] [7] [8] была обоснована необходимость повышения уровня медиакультуры в нашей стране, развития критического мышления у интернет-пользователей, способности идентифицировать фейковые новости, проявления политики постправды в медиасреде, выражения языка вражды и прочих проявлениях онлайн-агрессии, выработки нулевой толерантности к дезинформации, информационным манипуляциям, деструктивной пропаганде, имплицитным информационно-психологическим воздействиям. Кроме того, высокий уровень медиакультуры в обществе способствует соблюдению морально-этических норм ответственного поведения в медиасфере.

Итак, в связи с усилением роли информационно-коммуникационного, медийного фактора во внутригосударственных и международных конфликтах, медиатизацией политических конфликтов, а также с возрастанием масштабов неявных деструктивных воздействий, направленных на причинение вреда человеку, обществу и государству, остро встает проблема оптимизации модели управления рисками и преодоления угроз в области информационной безопасности. Потенциал информационных воздействий связан с трансформациями социальных связей, способов общения, идентичностей, а также управлением массовым сознанием, когнитивными изменениями. В то же время фактором предотвращения распространения дезинформации, агрессивной пропаганды, деструктивной и запрещенной информации в социально-опасных целях может выступить просвещение и развитие медиакомпетентности граждан, медиаобразование, развивающее критическое мышление и воспитывающее ответственное и уважительное поведение в медиасреде и соблюдение правил коммуникации в информационном пространстве, а также общественный контроль за распространением в нем незаконной и недостоверной информации.

Источники и литература

1. Новицкая, Т.Е. Проблема интолерантности и сетевой агрессии в социальных медиа / Т.Е. Новицкая // Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности: Мат-лы III Междунар. науч.-теорет. конф. (16–17 февраля 2018 г., Астана, Казахстан) в 2-х тт. – Т. 2. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. – С. 200–204.
2. Ильюшенко Н.С., Новицкая Т.Е. Возможности противодействия языку вражды в медиа: правовой и коммуникативный аспекты // Н.С. Ильюшенко, Т.Е. Новицкая // Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций [Электронный ресурс]. – Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – С. 731–737.

3. Новицкая, Т.Е. Медиакультура в России, Украине и Беларуси // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ГУАП, 2019. – 2019. – С. 52-53.
4. Навіцкая Т.Я., Новицкая Т.Е. Критическое мышление в контексте негативных эффектов медиатизации // Трансформация коммуникации в цифровую эпоху / Материалы научной онлайн-конференции с международным участием, посвященной всемирному дню почты. Ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М.: Издательство ООО «МАКС Пресс» (Москва). С. 97-103.
5. NIST Interagency or Internal Report 7298 : Glossary of Key Information Security Terms: [англ.] / Richard L. Kissel, editor, Computer Security Division, Information Technology Laboratory. Revision 2. Gaithersburg, MD, USA: National Institute of Standards and Technology, 2013.
6. Hjarvard S. The Mediatization of Society A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review, № 29. (2008) 2. Pp. 105 - 134.
7. Hepp A. Deep Mediatization. Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, 2020.
8. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Polity Press, Cambridge. 2017.
9. Psiphon дал статистику по Беларуси // Хабр [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/t/532588/> – Дата доступа: 20.12.2020 г.

Коммуникации в экономике совместного потребления

Писарева Лариса Юрьевна

к.с.н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова, Финансово-экономический институт, Якутск, Россия

E-mail: pisareva@inbox.ru

Ким Аэлита Алексеевна

магистрант

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова, Финансово-экономический институт, Якутск, Россия

E-mail: aelitakim@yahoo.com

В статье представлены некоторые концептуальные результаты магистерской работы на тему «Перспективы развития экономики совместного потребления в России». Совместное потребление является одним из вариантов выхода из кризиса «сверхпотребления», охватившего человечество в конце 20 века. При этом, ключевым фактором развития данной модели экономики станет уровень доверия между агентами взаимодействия. В условиях прямой Интернет-коммуникации, возникающей в обменных операциях совместного потребления, эта проблема решается более эффективно, чем в традиционной экономике.

Ключевые слова: коммуникации, Интернет, совместное потребление, сверхпотребление, доверие, экономика совместного потребления.

The article presents some of the conceptual results of the master's work on the topic "Prospects for the development of the sharing economy in Russia." Joint consumption is one of the options for overcoming the crisis of "overconsumption" that gripped humanity at the end of the 20th century. At the same time, the level of trust between the agents of interaction will become a key factor in the development of this economic model. In the context of direct Internet communication in exchange

operations of shared consumption, this problem is solved more efficiently than in the traditional economy.

Key words: communication, Internet, shared consumption, overconsumption, trust, sharing economy.

Совместное потребление превратилось в мировой экономический тренд благодаря влиянию ряда факторов, включая, прежде всего, развитие Интернет и социальных сетей, позволивших пользователям общаться напрямую. Цифровое коммуникативное пространство открыло целый поток возможностей для развития нового типа экономики, основанной на совместном использовании товаров и услуг вместо их приобретения. Экономика совместного потребления построена на принципах аренды неиспользуемых активов. Если цена определенного актива, например, жилого помещения или автомобиля, велика, и оно не используется постоянно одним потребителем, то сдавая его в аренду, владелец превращает актив в своего рода товар. Физические объекты переходят из категории товара в разряд услуги. Владение товаром замещается возможным доступом к его использованию. Потребители, имеющие определенный ресурс в избытке, делятся этим ресурсом с теми, у кого он отсутствует. Проблема недоступности дорогостоящих вещей разрешилась с развитием экономики совместного потребления, основанной на прямых коммуникациях между участниками обмена ресурсами. Традиционно, для осуществления обмена товарами и услугами был необходим посредник, организующий продажи. Сегодня посредник замещается Интернет, а значит потребитель и продавец общаются напрямую. Прямые коммуникации стали настоящим драйвером для создания идей обмена различными ресурсами. Они также позволили существенно сократить издержки, ранее связываемые с организацией информационного взаимодействия.

Возможность делиться имеющимися в избытке ресурсами с теми, кто находится в этот период в их поиске, становится осуществимой только при условии эффективного или «молниеносного» обмена информацией между

участниками данного процесса. С этой ролью прекрасно справился цифровой формат. Цифровизация позволила использовать сетевую удаленную коммуникацию, предложенную Интернетом, в качестве средства молниеносной одновременной связи практически неограниченного числа лиц для осуществления взаимодействия. Оцифрованный контент, включая текстовые, видео, фото, аудио визуальные продукты, загружаемый в специально разработанные программы для обмена информацией, стал источником идей для развития нового типа экономики, которая позволяет обществу перейти от модели «сверхпотребления» к модели «совместного потребления».

Очевидно, что вероятность столкновения человечества с глобальными финансовыми, экологическими и социальными кризисами требует более тщательного контроля за расходами ресурсов. Важность снижения потребления все больше осознается сегодня обществом. Стабильный рост, который показывает экономика совместного потребления, является свидетельством перехода человечества к новой экономической модели осознанного потребления. Пользователи Интернет могут создавать каналы прямого взаимодействия, чтобы арендовать, дарить, одалживать и делиться товарами, услугами, навыками и информацией, подтверждая формирование новой ценности – осознанного отношения людей к своим потребностям.

Сегодня большое количество социальных движений призывают население своих стран задуматься о глобальных проблемах потребления, обращая внимание потенциальных покупателей на значение сохранения природных ресурсов и их более эффективного использования. Чем меньше люди потребляют блага, тем меньше вреда наносится природе при изготовлении товаров, и тем самым меньше отходов производства и меньше утилизация использованных вещей [3].

Анализ сервисов совместного потребления показывает, что они вносят значительный вклад в сокращение объема вещей, выбрасываемых на свалки. Благодаря совместному использованию вещей и жилья снижается ущерб природе [1].

Согласно зарубежным исследованиям, каждый автомобиль, который используется совместно заменяет до 15 личных автомобилей [9], по другим исследованиям – от 4 до 13, в зависимости от страны [10].

Сами сервисы проводят исследования снижения экоследа и публикуют результаты на своих сайтах.

Развитие осознанного потребления зависит от наличия доверительного отношения между участниками данного процесса. Отсутствие доверия между сторонами обмена товарами или услугами неизбежно тормозит или даже останавливает его реализацию, что наносит, в конечном итоге, ущерб экономическому росту в целом. Доверие является ключевой характеристикой развитого человеческого общества, в котором от уровня доверия напрямую зависит его прогресс [4].

Интересно, что данная проблема, которая затрагивает практически все страны, институции, компании, решается в рамках нового типа экономики также достаточно успешно за счет прямого взаимодействия между людьми, которые способны верить друг другу [5].

Сегодня общество испытывает кризис вертикального доверия и рост горизонтального доверия [2]. Доверие граждан правительствам и официальным СМИ замещается доверием информации, получаемой из ближайшего окружения и социальных сетей. Ключевыми источниками информации в России для всех возрастных групп населения являются сегодня Интернет-источники (в среднем 80%), для молодого поколения в возрасте от 16 до 24 лет – социальные сети и блоги (57%) (рис.1).

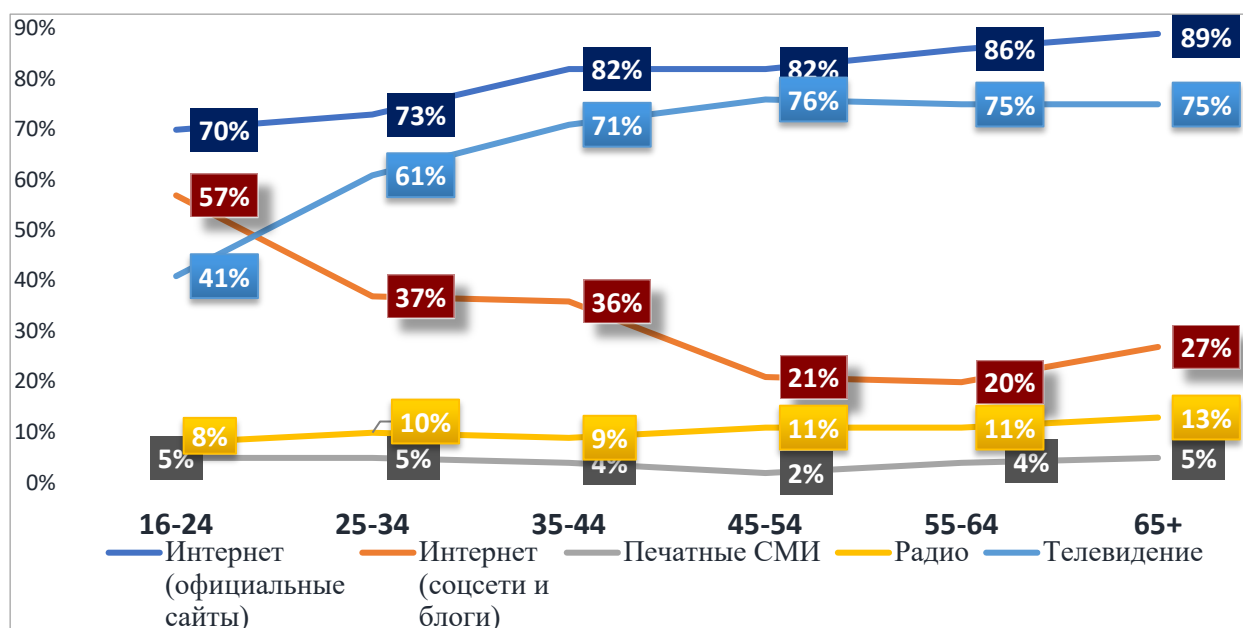

Рисунок 1. Ключевые источники информации в России [2]

По данным опроса, проведенного американской компанией Nielsen [8], 92% потребителей больше доверяют рекомендациям друзей и так называемому «сарафанному радио», чем рекламе, 69% обратятся к шеринг-компаниям только по совету друзей, которым они доверяют. 64% опрошенных считают саморегулирование внутри обменных он-лайн сервисов более действенным, чем любое государственное регулирование экономики. 59% респондентов заявили, что не будут доверять предприятиям экономики совместного потребления, пока они не будут должным образом регулироваться [7].

Критическое значение в формировании доверия играет репутация. Если в обменном сервисе пользователю будет выдана информация, плохо связанная с направленным им запросом, это может привести к потере репутации, которая, в свою очередь, является специфическим активом, обеспечивающим доверие к сервису. Некачественная обработка имеющихся в распоряжении сервиса данных о пользователе влияет на его деловую репутацию и снижает доверие. Ухудшение репутации приведет к сокращению доходов. Репутация в экономике совместного потребления является не только источником дохода, но и важным параметром саморегулирования, причем последнее выступает более значимым фактором, чем государственное регулирование [2].

С другой стороны, неопределенность государственного регулирования данной сферы создает возможности для отказа владельцев сервисов от приобретения соответствующих разрешительных документов, выдаваемых федеральными, государственными или местными властями, чтобы не оплачивать связанные с этим расходы. Это позволяет им устанавливать более низкие цены на предлагаемые услуги. Другая проблема заключается в том, что отсутствие государственного надзора ведет к серьезным злоупотреблениям как со стороны продавцов, так и покупателей в экономике совместного потребления. В частности, известны случаи размещения скрытых камер в арендуемом жилье или машине, несправедливого отношения к водителям в сервисе попутных поездок. Увеличение объема информации, передаваемой на онлайн-платформе для обслуживания сервисов совместного пользования, может вызывать гендерные и расовые предубеждения среди пользователей, в связи с тем, что пользователям разрешено выбирать, с кем они будут делиться своим домом или транспортным средством.

По мере того, как появляется все больше данных и развивается интерес к совместному использованию ресурсов, компании в этой экономике взяли на себя обязательство бороться с предвзятостью как среди своих пользователей, так и в алгоритмах предоставляемого сервиса, часто сознательно ограничивая доступность той или иной информации для покупателей и для продавцов [6].

Таким образом, в экономике совместного потребления проблема с доверием должна быть решена путем развития новых форм саморегулирования, а также за счет совершенствования нормативно-правовой базы по изменению действующих стандартов и правил и распространения юридических знаний и налоговых обязательств среди пользователей.

Экономичность, удобство, экологическая направленность — это основные характеристики современной модели экономики, но, в конечном итоге, ее развитие будет связано с увеличением фактора «доверия» в обществе, способного задействовать механизмы эффективной коммуникации для совершения покупки.

Источники и литература

1. Адактилос, А.Д., Чаус, М.С., Молдован, А.А. Шеринговая экономика // Economics, (4 (36)), 2018. - С.95-100.
2. Земскова, Е.С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент», (3), 2019. – С.17-27.
3. Кузьмина, Т. В. Социокультурный футурологический феномен совместного потребления: причины возникновения, признаки, эффекты. Манускрипт, (9 (83)), 2017. – С. 121-124.
4. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер с англ. М.: АСТ. 2004.
5. Botsman, R. Who can you trust? How technology brought us together-and why it could drive us apart. Penguin UK. 2017.
6. Gordon, S. Sharing Economy. 2020// Дата обращения 15.11.2020 <https://www.investopedia.com/terms/s/sharing-economy.asp>
7. PricewaterhouseCoopers. Consumer Intelligence Series «The Sharing Economy». 2015// Дата обращения 15.11.2020 https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf
8. PricewaterhouseCoopers. Sharing or paring? Growth of the sharing economy.2015 // Дата обращения 29.09.2020 <https://www.pwc.com/hu/en/kiadvanyok/assets/pdf/sharing-economy-en.pdf>
9. Seeing the back of the car. // The Economist – 22 September 2012. // Дата обращения 30.03.2021 <https://www.economist.com/briefing/2012/09/22/seeing-the-back-of-the-car>
10. Shaheen, S., Cohen, A. Carsharing and Personal Vehicle Services: Worldwide Market Developments and Emerging Trends// International Journal of Sustainable Transportation – 7 (1) June 2012// Дата обращения 30.03.2021 – <https://doi.org/10.1080/15568318.2012.660103>

Цифровая трансформация социокультурной среды: особенности онлайн-поведения и риторика социальной ответственности

Середа Юлия Петровна

научный сотрудник

*Институт философии Национальной
академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

E-mail: sereda.yulya@gmail.com

В статье анализируются трансформации, связанные с развитием медиа, которые, преломляясь в зеркале человеческого, актуализируют феномены субъективно-социального, этического, ценностного порядка. Автором эксплицируется проблемный характер социальной ответственности в контексте продвижения идей и методов противодействия риторике вражды и её последствиям. Внимание акцентируется на возможности сохранения баланса между реализацией свободы в цифровом мире и ответственным отношением к онлайн-взаимодействию.

Ключевые слова: цифровизация, социальная ответственность, онлайн-агрессия, риторика вражды, медиаграмотность, цифровая безопасность.

The transformations associated with the development of media, which, being refracted in the mirror of human existence, actualize the phenomena of subjective-social, ethical, value dimension are analyzed in the article. The author explicates the problematic nature of social responsibility in the context of promoting the ideas and methods of reaction to hate speech and its consequences. The attention is focused on the possibility of maintaining the balance between the realization of digital freedom and the responsible attitude to online interaction.

Key words: digitalization, social responsibility, online aggression, hate speech, media literacy, digital security.

Многоуровневое и масштабное развитие медиамира, его сопутствующие изменения в совокупности нюансируют процессы конвергенции различных сфер общества и открывают новые факторы их неопределенности и формы альтернативности. Соответственно, индивид в условиях тотальной цифровизации оказывается, с одной стороны, в ситуации следования за трансформациями уже *post factum*, а с другой – активно вовлечен в ситуацию перманентного поиска наиболее подходящих стратегий взаимодействия с цифровой реальностью и ее производными.

Учитывая усложнение трансформационных процессов, необходимо обратить внимание на индивидуально-субъективный уровень актуализации цифрового мира. Безусловно, социокультурная среда оказывается непосредственно включенной в формирование новых поведенческих паттернов и стереотипов, новых форм реконфигурации приватного и публичного, а также стигматизации, самоидентификации и саморепрезентации индивида как медиапользователя. В целом сегодня медиааналитики подчеркивают факт разноуровневого включения в цифровое пространство уже не только поколения нулевых, но и так называемых «эмигрантов цифрового мира», включая пожилых людей [2]. Следует отметить, что роль своеобразного катализатора в данной ситуации сыграла в том числе и пандемия Covid-19, которая вынудила условно «добровольно отстранённые» от онлайн-активности социальные группы активно включиться в мир соцсетей, мессенджеров и zoom-встреч. Каждая демографическая группа по-своему адаптируется к новым цифровым реальностям и по-разному воспринимает возможности и риски нового мира электронных технологий и гаджетов. Так, можно сказать, что «усредненный» коллективный портрет интернет-пользователя необходимо представлять в более широком контексте, поскольку цифровой разрыв сокращается наряду с глобальными коммуникационно-технологическими изменениями повседневной жизни людей.

Важно иметь в виду, что онлайн-активность в каждом конкретном случае специфична и может быть рассмотрена как ситуационно-динамический процесс

взаимодействия определенных поведенческих алгоритмов медиапользователей. Тем не менее, в рамках данной работы можно условно выделить два формата цифрового поведения. Один формат – это активная включенность индивида в цифровое пространство и использование практически всего функционала онлайн-пребывания, связанного с непосредственным производством медиаконтента, профессиональная онлайн-деятельность, например, блоггинг, smm-менеджмент, онлайн-коучинг и т.д. Другой формат – это преимущественно пассивно-ситуационное пребывание в цифровом мире, когда индивид, например, регистрируется в социальных сетях/мессенджерах, но не производит сам контент, а лишь потребляет его. Однако он вполне может выражать свое мнение/отношение посредством лайков, перепостов медиаконтента, включая участие в цифровой агрессии и поддерживая канселлинг. Последнее стремительно набирает обороты как исключительно нетолерантная практика медиапреследования и публичного осуждения, которая может быть рассмотрена как цифровой аналог стихийного коллективного самосуда. Растущие случаи так называемой цифровой «отмены» какой-либо персоны, сообщества или бренда демонстрируют смещение базовых принципов функционирования цифровой реальности как мира скорее свободного, толерантного, поддерживающего репрезентацию различий в сторону практик цензурирования, деанонимизации, нормированности, изоляции. Актуализация культуры отмены («cancel culture») представляет собой дискриминирующую деятельность, которая ставит под вопрос право на альтернативное/другое мнение, право на ошибку, на возможность в принципе исправить какую-либо спорную ситуацию. В этом контексте особенности цифровой трансформации социокультурной среды по-новому актуализируют практики дегуманизации и социальной стигматизации. Так, будучи включенным в различные интернет-сообщества, индивид стремится стать их частью, стремится соответствовать предъявляемым ожиданиям, но при этом он подвержен в том числе и коллективному давлению этих сообществ, включая вопросы нравственно-этического самоопределения и морального выбора. Один из примеров – стремительное и одномоментное распространение

в каком-либо интернет-сообществе или группе фейковых новостей, на основании которых начинается целенаправленная персональная онлайн-агрессия.

Анализируя особенности онлайн-поведения, также следует акцентировать внимание на проблеме «цифровой узнаваемости» личности во временной перспективе. Речь идет о ситуациях, когда фактически нет возможности скрыть свои «цифровые следы» из поисковых систем и многочисленных баз персональных данных, которые несмотря на декларативные заявления о сохранении конфиденциальности и анонимности, активно собирают информацию о пользователях, хранят ее фактически безвременно; более того, периодически какая-то информация оказывается доступной для других.

В целом, воспользоваться правом на забвение – это не всегда гарантия того, что, например, все поисковые системы деиндексировали или удалили ту или иную конфиденциальную, личную, более неактуальную/негативную информацию. Согласно мнению специального докладчика ООН по вопросам свободы слова Дэвида Кайе, право быть анонимным в медиапространстве необходимо, а его соблюдение – это реальная возможность для субъекта сделать свое пребывание в Интернете более комфортным и безопасным. Эксперт подчеркивает, что анонимность – это «состояние избегания идентификации. Анонимность, будучи обычным человеческим желанием защитить свою личность от толпы, способна дать возможность пользователю исследовать и распространять свои идеи и мнения в большем объеме, чем если бы он делал это под своей реальной личностью. Физические лица в онлайн-среде могут использовать псевдонимы (или, к примеру, выдуманные e-mail или аккаунты в социальных сетях) для того, чтобы скрыть свою личность, лицо, голос, местонахождения и т.д., однако конфиденциальность, предоставляемая с помощью таких псевдонимов, является поверхностной и легко нарушается правительствами или другими лицами, обладающими необходимым опытом» [4].

В данном контексте можно говорить, что проблема соотношения частной жизни с ее цифровым форматом как проблема (де)синхронизации индивида с

цифровой реальностью представляется *punctum saliens* – ключевым феноменом медиареальности сегодня. Общее аналитическое рассмотрение основных трендов цифровой трансформации позволяет эксплицировать закономерные изменения в нормативной парадигме взаимодействия новой цифровой среды и человека. В этой связи следует обратить внимание на поиск возможностей рационального использования информационно-коммуникативных ресурсов. На наш взгляд, свою особую роль в разработке стратегий минимизации негативного интернет-контента играет формирование социально-ответственного отношения у интернет-пользователей, интерпретируемого как обязанность и готовность индивида/социальной группы согласовывать свои поступки и их последствия с интересами других людей и общества в целом. В ситуации проявления нетерпимости, ксенофобии в цифровом мире проблема поиска адекватного соотношения свободы самовыражения и необходимости минимизации дискриминирующей информации представляется фундаментальной. Свободное выражение своих убеждений зафиксировано в Всеобщей декларации прав человека (статья 19): «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [3]. Но каким образом обозначить объективные границы этого права? Более того, на данный момент нет комплексной исчерпывающей формулировки, конкретно определяющей, что именно представляет собой риторика ненависти. В своей интерпретации она, как правило, охватывает достаточно широкий спектр высказываний ненавистнического порядка: от оскорбительных и уничижительных комментариев и сообщений, транслирующих стереотипы стигматизации, до открытых угроз и прямого подстрекательства к насилию.

Социальная ответственность, практики её распространения и риторика её активизации в своей совокупности могут быть представлены как прямое выражение гражданской зрелости. Эффективная реализация социально-ориентированного и ответственного действия невозможна без определенных

структурных трансформаций, которые связаны с формированием базовых этических принципов, способствующих рефлексивному медиаповедению. Важное значение в данном контексте обретает вопрос экспликации системных трансформаций в ценностно-нормативной парадигме взаимодействия новой цифровой среды и человека, а также определения факторов, отвечающих за формирование безопасной медиасреды. В этой связи актуализируется потребность в разработке и продвижении цифровой этики, позволяющей ориентироваться в сложных и неоднозначных этических вопросах информационного пространства и применять этические концепции и их руководящие принципы не только в профессиональной деятельности, но и в повседневности. Согласимся, что новый медиаландшафт навсегда изменил способы производства и распространения медиаконтента. Выбор того, как собирать, оценивать и публиковать информацию, становится все более сложным. Это стирание границ между общедоступными ценностями и ценностями медиапрофессионалов сделало цифровую этику важной проблемой и также демонстрирует, что она должна быть неотъемлемой частью более широкого общественного обсуждения [1]. Особое значение в том числе могут получить так называемые «таргетированные» образовательные интернет-проекты, направленные на формирование и продвижение «культуры подключения», а также консультирование граждан по вопросам соблюдения цифровых прав, защиты персональных данных и возможностей реализации цифровой безопасности.

Таким образом, на сегодняшний день актуализируется задача не только критического осмысления установки о «нейтральности» медиатехнологий, но и развития осознанного медиапотребления. Наряду с этим проблематизируется вопрос о возможностях продвижения риторики социальной ответственности как личной, так и коллективной. В целом, социально-ответственное цифровое поведение представляется одним из значимых регулятивов общественных процессов, потенциал которого может быть применен для реализации идеи безопасного и рационального использования медиа-коммуникативных ресурсов.

Проблема синхронизации индивида с цифровой реальностью, успевание за ней, адекватное (рефлексивно-критическое) ее восприятие, равно как и безопасное пребывание в ней – все эти вопросы остаются все еще нерешенными. В данном контексте, практики социальной ответственности среди медиапользователей представляются востребованными и ориентированными не только на предотвращение крайне негативных процессов не толерантного и агрессивного поведения личности в Интернете, но и в социальной реальности вне онлайн-пространства.

Источники и литература

1. Kaye D. Report of the Special Rapporteur to the Human Rights Council on the use of encryption and anonymity to exercise the rights to freedom of opinion and expression in the digital age. www.ohchr.org/EN/Issues/FreedomOpinion/Pages/CallForSubmission.aspx. – A/HRC/29/32, 2015. (Date of access: 15.01.2021).
2. Patterson Ph., Wilkins L., Painter Ch. Media Ethics: Issues and Cases. Rowman & Littlefield Publishers; Ninth edition. 2018.
3. Thomas M. Deconstructing Digital Natives: Young People, Technology, and the New Literacies. Routledge. 2011.
4. Всеобщая декларация прав человека. – Электронный ресурс – URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (Дата обращения: 15.01.2021).

Коммуникативная компетентность как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве

Чудновская Ирина Николаевна

к.филол.н., доцент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: soccomsys@mail.ru

В статье раскрывается проблематика функционирования личности в современном информационно-коммуникационном пространстве. На основе категоризации понятий «коммуникативная личность» и «коммуникативная компетентность» исследованы необходимые конкретные показатели коммуникативной компетентности, осознанно выбранные в качестве приоритетов современными молодыми людьми. Приведены результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: личность, коммуникативная личность, коммуникативная компетентность, социальный капитал, манипулирование, цифровое информационно-коммуникационное пространство

The article reveals the problems of personality functioning in the modern information and communication space. On the basis of the categorization of the concepts of "communicative personality" and "communicative competence", the necessary specific indicators of communicative competence, deliberately chosen as priorities by modern young people, have been investigated. The results of empirical research are presented.

Key words: personality, communicative personality, communicative competence, social capital, manipulation, digital information and communication space.

Личность в современном научном дискурсе выступает междисциплинарным объектом, где определенное научное направление акцентирует определенный ракурс этой комплексной системы. Социология при исследовании личности фокусирует свое внимание на совокупности социальных отношений. Личность воспринимается как «продукт общественного развития и его включения в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения» [7, с. 146]. Следовательно, развитие личности сопряжено с ее полем социального взаимодействия, которое, в свою очередь, формирует социальный капитал. П. Бурдьё, вводя понятие социального капитала в систему своих взглядов, определяет его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [2, с.66]. Реальное социальное взаимодействие осуществляется главным образом через коммуникацию, что позволяет наряду с социальным капиталом выделять и понятие коммуникативного капитала, а наряду с понятием «личность» выделять понятие «коммуникативная личность».

Концепт «коммуникативная личность» активно используется в настоящее время, однако интерпретируется неоднозначно [9]. Для иллюстрации этого достаточно указать разночтения в соотношениях понятий «коммуникативная личность» vs «языковая личность», «коммуникативная личность» vs «личность». Из обозначенной выше логики следует, что социальное развитие личности во многом коррелирует с ее готовностью выступать в роли коммуникативной личности. Данная роль предполагает знания, умения и навыки вхождения в коммуникативные процессы, обусловленные социологическими доминантами коммуникации [5; 6]. При этом необходимо иметь в виду, что навыки «многомерны, динамичны и интерактивны» [3, с.136]. Независимо от выделяемых исследователями параметров коммуникативной личности ее базовой характеристикой остается коммуникативная компетентность.

Понятие «коммуникативная компетентность» актуализировалось на рубеже веков, что, вероятно, может быть объяснено глобализационными процессами, особенно в сфере образования, переходом общества на новый этап развития – информационное общество, цифровизацией коммуникации, медиатизацией ведущих социальных институтов. Стремительное развитие данных факторов потребовало детального научного осмысления понятия «коммуникативная компетентность». На наш взгляд, наиболее системно, аргументированно и объемно оно представлено в трудах Д.П. Гавры, который предлагает дефиницию коммуникативной компетентности следующим образом: «способность личности нормально (то есть в пределах диапазона, заданного соответствующими социальными нормами) функционировать в качестве коммуникативного актора» [4, 207].

Такое определение влечет за собой вывод, что коммуникативная компетентность не абсолютна, а относительна и определяется рядом факторов, в частности ситуационной группой социологических доминант коммуникации. Новые условия осуществления социальной коммуникации могут выдвигать новые требования к коммуникативной компетентности, чтобы человек был в состоянии нормально функционировать как коммуникативная личность в новой коммуникативной среде. С.Б. Цымбаленко вводит даже новое понятие: «человек есть <...> сложная и непрерывно развивающаяся информационная система, <...> которую можно определить как *«информационная личность»*» [8, с. 76]. Предполагается также, что коммуникативная компетентность пересекается с социальной компетентностью как таковой. В частности, развитие коммуникативных навыков личности позволяет ей противостоять манипуляционным информационным потокам [1], что повышает уровень ее свободы и, следовательно, обуславливает личностное развитие. В данном контексте возникают вопросы: какие умения необходимы человеку на современном этапе цифровой эпохи, насколько они осознанны человеком и прагматически значимы для сохранения и продвижения себя в условиях цифрового информационно-коммуникационного пространства.

Для получения ответов на поставленные вопросы нами было проведено эмпирическое исследование. Опрос проводился осенью 2020 года, когда фактор пандемийной самоизоляции особенно обострил поставленные вопросы. В исследовании в режиме онлайн приняли участие 107 респондентов – студентов старших курсов московских вузов. Ограничения эмпирической базы обусловлены тем, что одним из значимых факторов предполагаются установившиеся показатели академической успешности респондента в образовательной сфере. Респондентам предлагалось ответить на комплекс вопросов, однако в рамках данной статьи мы выделим лишь частный блок, связанный с осознанными приоритетами в индикаторах коммуникативной компетентности в цифровом информационно-коммуникационном пространстве.

В результате исследования были отобраны и обобщены те умения, которые респонденты считают наиболее ценными для нормального функционирования в современном цифровом пространстве коммуникации. На первой ступени исследования респондентам было предложено выделить и прокомментировать десять таких умений, на второй ступени определить три умения, которые они считают приоритетными. Отметим, что ответы на второй ступени не всегда коррелировали с ответами на первой ступени, что, вероятно, можно объяснить большей степенью осознанности и погружения в проблему по мере ответа на вопросы. Ниже приведены сводные обобщенные данные по выявленным приоритетным умениям. Очередность их представления ранжирована, т.е. соответствует частоте их встречаемости в ответах.

1. Критическое, аналитическое мышление.

Варианты формулировок и комментариев. Умение объективно смотреть на вещи, умение планировать, умение систематизировать. Анализирование информации, а не простое ее принятие. Самостоятельный анализ информации. Критический подход к получаемой информации: важен для формирования собственного мнения/позиции по отношению к тем или иным сведениям. Умение отделять ценную информацию от информационного шума. Критическое мышление - умение анализировать полученную информацию и не

верить всему, что говорят, пишут. Необходимо критично относиться к любой выложенной в сеть информации, чтобы не попасть под чужое влияние, пропаганду и т.д. Дальновидность. Скептичность (недоверие ко всей информации, представленной в цифровом пространстве). Умение развивать аналитические способности. Умение развивать критическое мышление, поскольку в условиях Web 2.0 у пользователей расширились возможности создавать контент самостоятельно, однако не все из них добропорядочные люди, что часто приводит к появлению недостоверной информации на просторах Сети. Логическое мышление (для противостояния и проверки fake news). Умение выстраивать собственное отношение на основе большого количества разной информации. Умение критически оценивать сказанное другими; конструктивная критика.

2. Умение выстраивать взаимоотношения с людьми. Тактичность и вежливость. Эмпатия.

Варианты формулировок и комментариев. Умение соблюдать чужие границы (в цифровом пространстве стираются рамки и границы, люди забывают, что в этом пространстве действуют такие же живые люди, а не бездушные существа). Умение принимать людей отличных от тебя. Умение принять чужую точку зрения (в дополнение, не заниматься травлей других людей, т.е. кибербуллингом). Эмпатия включает также и толерантность, признание права на другое мнение, отличное от мнения большинства. Способность к эмпатии – позволяет лучше понять собеседника и достичь понимания в процессе обмена информацией. Соблюдение этикета, чтобы не допустить возможности создания помех в коммуникации или вообще нарушить ее. Открытость, поскольку без искреннего отношения к аудитории хорошая коммуникация не состоится. Уметь общаться (располагать к себе и вызывать доверие), быть на равных с другими участниками. Тактичность и вежливость – понимание того, что общение с человеком в Интернете должно быть таким же вежливым, как и при личном общении. Несмотря на то, что «в Интернете всегда кто-то неправ», нужно уметь воспринимать и уважать противоположное мнение других людей. Умение

соблюдать сетевой этикет, правила поведения в Интернете. Соблюдение культурных норм сетевых сообществ.

Соблюдение принципов конфиденциальности. Умение корректно заводить новые знакомства (не начинать со слов «Мне нужно от тебя ...»). Умение изъясняться в личных сообщениях и комментировать посты в сообществах таким образом, чтобы не нарушать закон (не оскорблять собеседников). Умение упрощать сложное, поскольку коммуникация всегда должна быть понятна всем. Понимание визуального контента, который используется как средство общения другими пользователями Интернета (эмодзи, мемы, гифки). Умение сменять регистр (не использовать смайлики, эмодзи при общении с преподавателями).

3. Забота об информационной безопасности. Знание основ кибер-безопасности.

Варианты формулировок и комментариев. Умение следить за сохранностью персональных данных (в связи с интернет-мошенничеством и торговлей данными). Всегда помнить о конфиденциальности и уметь защищать свои персональные данные. Бдительность, т.к. сферу цифровых коммуникаций сложно контролировать, поэтому важно умение выявлять обман.

4. Цифровая грамотность как опыт пользования технологиями.

Варианты формулировок и комментариев. Цифровая грамотность – это базовое умение, которое определяет уверенность пользователя, его осведомленность о возможностях коммуникации в интернете. Навыки использования базовых компьютерных программ. Умение пользоваться мессенджерами. Навык использования современных технических средств (смартфоны, ПК). Высокий уровень обладания ИТ (технологиями). Умение создавать мультимедийный контент для размещения в Интернете (здесь предполагается наличие знаний о правильном форматировании текста, готовность сопровождать текстовую речь визуальным рядом).

Цифровая образованность – чтобы понимать, как устроено цифровое пространство и как в нем можно и нужно взаимодействовать с людьми.

5. Умение работать с информацией (собирать, структурировать, хранить).

Варианты формулировок и комментариев. Способность отбирать и фильтровать информацию различного объема и содержания. Навыки общения и поиска информации в Интернете. Отбор аналитической информации для постановки и реализации целей.

6. Умение четко излагать свои мысли. Способность создавать правильные адекватные сообщения, подстраивая их под конкретную целевую аудиторию.

Варианты формулировок и комментариев. Умение писать грамотно, в соответствии с правилами письменной речи, но адаптируя своё письмо под правила также и сетевого цифрового пространства (краткость, лаконичность и др.).

Способность четко донести информацию – в цифровом пространстве появляется возможность взаимодействовать с большим количеством людей, соответственно, каждый из них имеет своё мнение и представление о мире, для чего необходимо четко доносить информацию во избежание двойной трактовки. Умение доносить сложную информацию «простым языком», который будет понятен большинству.

7.1. Адаптивность. Умение быстро перестраиваться между различными каналами коммуникации.

Варианты формулировок и комментариев. Быстрая адаптация к изменению социальной реальности, среды. Необходимость умения быстро адаптироваться к новым условиям, например к условиям цифрового образования. Адаптироваться к постоянно изменяющимся технологиям (как обучающимся, так и преподавателям). Умение переключаться, переключать внимание между каналами информации. Быстрая обучаемость.

7.2. Гибкость мышления и поведения.

Варианты формулировок и комментариев. Это умение связано с первым качеством. Умение переключаться на разные цифровые сферы, обладать гибким

мышлением, чтобы уметь быстро учиться новому, идти в ногу со временем). Гибкость в использовании различных ресурсов / приспособлений для поиска информации и удовлетворения потребностей.

8. Концентрация внимания.

Варианты формулировок и комментариев. Умение фокусироваться на информационном потоке (чат, почта и т.п.). Умение абстрагироваться (от информационных потоков, чужих эмоций, действий). Концентрация внимания (в противоположность клиповому мышлению). Способности к передаче информации - является важным навыком, так как существенно упрощает процесс коммуникации. Информационно-плотные сообщения не дают потеряться собеседнику/оппоненту в тезисах, позволяют быстро ориентироваться, а также избежать потери концентрации.

9. Информационная гигиена.

Варианты формулировок и комментариев. Стрессоустойчивость. Уметь стабилизировать своё эмоциональное состояние в «информационном шуме». Психическая уравновешенность. Психическая устойчивость. Умение контролировать собственные эмоции. Фильтрация информации в целях психологического и физического здоровья. Умение правильно реагировать на новости и ситуации и т.д.

10. Умение быть самим собой.

Варианты формулировок и комментариев. Умение не потерять себя за созданным аватаром в сети. Добровольность, так как каждый вправе сам решать, стоит ли общаться с тем или иным человеком или нет и т.д. Постоянная реализация себя.

Важно отметить, что в большом количестве ответов респонденты указывают на увеличение скорости и быстроты различного рода процессов, связанных с цифровизацией коммуникации. При этом обращает на себя внимание тот факт, что два первых пункта предложенного выше ранжированного списка (критическое, аналитическое мышление и умение

выстраивать взаимоотношения с людьми) по частоте упоминаемости значительно опережают все последующие пункты.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что человек непрерывно развивается как информационная система, однако и в новых обстоятельствах коммуникации, обусловленных цифровыми изменениями, личностные социальные показатели осознаются как приоритетные.

Источники и литература

1. Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы [монография] [Электронный ресурс] / Т.З. Адамьянц; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2017. – 69 с. // Официальный портал ИС РАН [веб-сайт]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020>.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Том 3, №5. С. 60-74.
3. Всемирный банк. 2018 год. Доклад о мировом развитии 2018: «Обучение для реализации образовательных перспектив». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. doi:10.1596/978-1-4648-1379-5.
4. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
5. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе; Отв. ред. И.Т. Левыкин. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
6. Конецкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр. (Братя Карич), 1997. – 302 с.
7. Маркина Е.П. Сущность и специфика исследования понятия «личность» в социологии // Международный научно-исследовательский журнал. №04 (58). Часть 2. Апрель. С. 145-147.
8. Цымбаленко С.Б. Путешествие в мир информации, или «Как информационно-коммуникативные процессы меняют мир, общество, человека».

Монография / С.Б. Цымбаленко; науч. ред. А.В. Гагарин. – М.: РУДН, 2015. – 118 с.

9. Chudnovskaya I.N. Communicative Person as a Category of Modern Sociological Knowledge // European Society or European Societies: View from Russia. Moscow-Lisbon: Maska, 2009. P. 348-349.

Katrina vanden Heuvel

Editorial Director & Publisher, The Nation

New York, USA

INTRODUCTION

I AM HONORED TO BE HERE WITH YOU.

I HAVE VISITED MOSCOW FOR MORE THAN FORTY YEARS. JUST TWO YEARS AGO, I VISITED AND SPOKE AT MOSCOW STATE UNIVERSITY —WITH MY LATE HUSBAND STEPHEN COHEN. OUR GREAT FRIEND LEONID DOBROKHOTOV ARRANGED THAT TALK, AS HE DID THIS ONE. I AM PLEASED TO SPEAK AT YOUR ESTEEMED UNIVERSITY. AND I AM GRATEFUL TO LEONID FOR HIS HUMANE, SCHOLARLY WORK, AND FOR HIS DEDICATION TO TEACHING A YOUNGER GENERATION OF STUDENTS AND SCHOLARS.

I WISH TO DEDICATE THIS TALK TO STEVE - A SIGNIFICANT SCHOLAR, AUTHOR OF THE BIOGRAPHY OF NIKOLAI BUKHARIN, AND OF OTHER WORKS INCLUDING "RETHINKING THE SOVIET EXPERIENCE" AND "SOVIET FATES AND LOST ALTERNATIVES." HIS WORK HAD AN IMPORTANT IMPACT ON CHANGING THE PARADIGM OF POLITICAL AND HISTORICAL THOUGHT — LARGELY ABOUT THE SOVIET UNION, RUSSIA, BUT NOT ONLY —AS THE SCORES OF REMEMBRANCES, CONDOLENCE LETTERS AND ESSAYS ABOUT HIS WORK ATTEST TO.

IN 2017, AT THE PEAK OF WHAT HAS BECOME KNOWN AS “RUSSIAGATE,” HE WAS CALLED BY THE CHRONICLE OF HIGHER EDUCATION, “THE MOST CONTROVERSIAL RUSSIA EXPERT IN AMERICA.” WHY? I WOULD SAY BECAUSE STEVE THOUGHT DIFFERENTLY ABOUT US – RUSSIA RELATIONS — HE UNDERSTOOD HOW DANGEROUS THE NEW COLD WAR WAS—ONE BETWEEN THE WORLD’S LEADING NUCLEAR POWERS, AND HE WAS RIGHTLY CRITICAL OF THE ALMOST COMPLETE ABSENCE OF PUBLIC DEBATE OR DIALOGUE IN OUR MAINSTREAM POLITICS AND MEDIA ABOUT THE POSSIBILITY OF COOPERATION ON MATTERS OF MUTUAL NATIONAL INTEREST.

THAT IS WHY I HAVE REVIVED THE ORGANIZATION STEVE FOUNDED IN 2015, THE AMERICAN COMMITTEE FOR EAST WEST ACCORD, NOW RENAMED THE AMERICAN COMMITTEE FOR US-RUSSIA ACCORD — ACURA FOR SHORT. (PLEASE GO TO THE WEBSITE USRUSSIAACCORD.COM TO LEARN MORE.) IT IS DEDICATED TO THE IDEA OF COOPERATION, OF DIALOGUE, OF CONTACTS AND EXCHANGES IN

ORDER TO REDUCE TENSIONS BETWEEN OUR COUNTRIES---AND TO ADVANCE MUTUAL UNDERSTANDING.

ACURA'S MEMBERS ARE CONCERNED CITIZENS FROM DIFFERENT PROFESSIONS—BUSINESS, ACADEMIA, LAW, JOURNALISM, GOVERNMENT SERVICE. FORMER AMBASSADOR JACK MATLOCK, SENATOR BILL BRADLEY, THE FORMER CEO OF PROCTER AND GAMBLE IN RUSSIA JOHN PEPPER, CITIZEN TO CITIZEN EXCHANGE LEADER SHARON TENNISON.

LET ME ALSO INTRODUCE MYSELF—I HAVE BEEN EDITOR AND PUBLISHER OF THE NATION MAGAZINE FOR MORE THAN 25 YEARS, AMERICA'S OLDEST WEEKLY OF POLITICS AND CULTURE, FOUNDED IN 1865—NOW ALSO DIGITAL AT THENATION.COM. THE NATION IS COMMITTED TO ADVANCING ECONOMIC JUSTICE, RACIAL EQUALITY, ENDING ENDLESS WAR, AND FOR DECADES, SINCE OUR FOUNDING IN 1865, WE'VE HELD THE VIEW THAT MISADVENTURES ABROAD UNDERMINE TRUE DEMOCRACY AT HOME.

LET ME ADDRESS THIS MOMENT. I WELCOME THE EXTENSION OF THE NEW START NUCLEAR AGREEMENT. BUT IS JUST THAT, A START, WE MUST WORK TOWARD FURTHER REDUCTIONS IN BOTH COUNTRIES' NUCLEAR ARSENALS.

On 'Russiagate' and The New Cold War Narrative

This article examines the causes and essence of the current anti-Russian hysteria in the United States, as well as the concept of a New Cold War being waged in the United States against Russia.

Expressing the hope that with the departure of Donald Trump from the post of US president, constructive diplomacy in relations between the two countries will be revived again, the author examines the question of why the US media, having given rise to the Russiagate campaign, played and still play such a negative role in these relations, focusing on the myth that it was Russia that allegedly contributed to the appearance of Trump at the head of the United States and then manipulated him in their interests. Part of this campaign is the allegation of Russian interference in the internal

affairs of the United States through cyber attacks and propaganda in the media and social networks.

According to the author, by improperly linking the main problems of the United States with Russian interference, the American elites are trying to avoid an honest approach to these problems and avoid responsibility for them. The author refutes in detail and argumentatively all the main theses of Russiagate, and argues that a repeat in the United States of the Cold War hysteria against Russia – cutting off debate in the country, slandering skeptics of domestic and foreign policy and undermining the prospects for finding any agreement with Russia - would only have negative consequences for the American state and people.

Key words: USA, Russia, Russiagate, New Cold War, anti-Russian hysteria in the US.

I BELIEVE there are many reasons to celebrate Donald Trump's exit from the White House. A key reason is that constructive diplomacy between the US and Russia is now possible – unlikely, but still possible. A major reason in my view is that with Trump out of the picture, the Russiagate narrative, which fueled a new and I would argue a more dangerous Cold War, WILL NO longer engulf US politics and MEDIA as it did throughout Trump's presidency.

Throughout his presidency, we were confronted with what I call “media malpractice.” THE MEDIA story that WAS CONSTANTLY AMPLIFIED TO Western audiences — UP UNTIL the 2020 vote—was that Russia had installed Trump in the White House in 2016, and since then had gotten the compromised, treasonous president to do its bidding.

This Russiagate narrative had two main components: one, a "sweeping and systematic" Russian interference campaign, mainly via cyberhacking and social media posts; and two, conspiracy theories that Trump and his associates have somehow been in cahoots with the Kremlin – either as direct conspirators, or co-opted blackmail/"kompromat" assets.

The fact that Trump almost managed to kill New START after four years of his being portrayed as a Russian dupe illustrates the Russiagate narrative's dangers. Accusing Trump of colluding with Putin effectively CRIMINALIZED DIPLOMACY between the world's two nuclear powers. And at the same time, because the narrative was so widely adopted in the US media and political establishment, it discouraged honest, sober coverage both of the facts surrounding Russiagate – not least Trump's actual, reckless policies toward Moscow.

To pull this off, the US was subjected to the most SERIOUS case of Media Malpractice since the lead-up to the Iraq war. And to be clear, that would be true even if we accept all of the claims about Russian meddling at face value. The reality of Russian election meddling in the 2016 election and beyond, **whatever it actually was**, can in no way match the existential, seismic threat that the US media portrayed it as.

For the media, presenting this narrative required engaging in propaganda and misinformation: whether it was about Russian interference or potential Trump-Russia collusion. Major media outlets SUCH AS CABLE CHANNELS CNN AND MSNBC OR LEADING NEWSPAPERS THE NEW YORK TIMES AND THE WASHINGTON POST consistently took anonymous intelligence leaks on faith, failed to apply proper skepticism, and omitted or downplayed any countervailing evidence.

Every leak or claim about Russian interference or potential Trump-Russia collusion was treated as a "bombshell," garnering front-page headlines and wall-to-wall cable news coverage. When so many of these stories proved to be false or overblown, that did nothing to stop the next SENSATIONALISTIC story from dominating the next news cycle.

In this climate, from the halls of Congress to cable news studios, it was normal to liken Russian email hacking and social media posts to Pearl Harbor and 9/11. Russian memes and hackers were imbued with magical powers, able to brainwash malleable Americans into, voting for Trump; not voting for Hillary Clinton, or not voting at all.

After four years of Russiagate, it is now difficult to find a domestic U.S. issue or problem that has not been traced to the Kremlin's doorstep: white supremacy in Charlottesville; environmental protests; the NFL anthem dispute; Black Lives Matter protests, gun violence, and many more.

Even the mob attack that Trump incited on the US Capitol has found its way to Moscow. On Hillary Clinton's podcast last month, HOUSE MAJORITY LEADER Nancy Pelosi joined her to speculate that Putin and Trump may have spoken on the phone right before the mob stormed the US Congress.

The absurdity of these ALLEGED links is bad enough; far worse is that in tying countless American problems to Russia, news outlets and opinion-makers gave Americans a prolonged REASON for not dealing honestly with uniquely American dysfunctions.

One of those dysfunctions is, of course, the election of Trump itself. And in the aftermath of his shocking victory in 2016, the hyperfocus on Russia was a convenient way for US elites to avoid responsibility for the failed system that gave rise to his improbable victory.

Trump did not just ascend to the presidency on his reality TV stardom, nor on his racism and xenophobia. He also took advantage of the failures of the US neoliberal economic system by falsely portraying himself as a working class champion who would END CORRUPTION. And with his anti-interventionist rhetoric about Iraq and Libya, Trump also gave people the false hope that he would end the endless wars abroad.

Trump also took advantage of massive attention from the US media, which gave him billions of dollars in free air time. As Leslie Moonves, the (now ousted) CBS chairman, said in February 2016: "It may not be good for America, but it's damn good for CBS. The money's rolling in and this is fun... It's a terrible thing to say. But, bring it on, Donald. Keep going."

With Russiagate, major US media outlets found an escape route. By presenting Russia as the culprit, the media found a way to deflect from their role in Trump's victory, and of the failures of the corporate system in which they are firmly entrenched.

Even better, they also found a way to reap a massive profit: what could be better for viewers and readers than a daily spy thriller in which the loathed president is a potential Russian asset, one indictment away from permanent exile, and possibly prison?

The corporate media interests behind Russiagate also dovetailed with other powerful members of the establishment. For neoliberal Democrats, it was much easier to blame Russia than it was to look honestly at the neoliberal and interventionist policies that Clinton and Barack Obama came to represent. For the national security state, it was convenient to stigmatize Trump's rants against failed interventions, and his personal fondness for Putin, by ascribing it all to a secret, treasonous conspiracy with the Kremlin.

Via Russiagate, Cold Warriors were able to ADVANCE long-standing militaristic ambitions vis-à-vis Russia under the guise of patriotic outrage and fears of a Manchurian Candidate in the White House.

It was much more convenient to blame Russian troll farm employees and hackers for Trump's victory and other societal ills than to reflect honestly on the political and economic system'S DEEP PROBLEMS.

As a result, the Russiagate narrative did not just overshadow Trump's dangerous policies toward Russia. It also sidelined many other serious, even existential, issues – and the Trump policies that have made them even worse: a radical upward transfer of wealth via the Republican tax bill; the attempted dismantling of Obamacare; withdrawing the U.S. from two of the world's most important international agreements, the Paris Climate Accord and the Iran nuclear deal. Blaming Russia also means sidelining factors that likely determined far more votes than any stolen e-mails or Russian Facebook ads: gerrymandering, voter suppression, declining unionization, exhaustive Trump media coverage, and the unregulated, worsening "dark-money" takeover of political campaigns.

In this climate, Russiagate also set in motion what has been described as a "21st century McCarthyism," that has tainted—and, in some cases, silenced—dissenting voices with the specter of Russian influence. It is no coincidence that progressive, anti-

establishment politicians like Bernie Sanders and Tulsi Gabbard were the focus of several articles linking them to Russian influence.

Remarkably, the narrative is so strong that even the collapse of its core issue – the allegation of Trump-Russia collusion – has done little to shake its hold over vast swaths of the US public. The Mueller investigation, as we now know, found no evidence of a Trump-Russia conspiracy. A Department of Justice investigation in December 2019, found major abuses and lapses by the FBI in carrying out the Trump-Russia probe.

There has been no reckoning for this media failure, because when it comes to Russiagate, it truly has been too big to fail. On the plus side, with Trump now in WHAT I HOPE IS permanent retirement, the narrative no longer serves the political and economic interests that it did while he lived in the White House. That now leaves at least some room for constructive diplomacy, as we saw with Biden's renewal of New START.

But Russiagate has also left behind a dangerous legacy: of increased Cold War militarism; of media credulity toward national security state claims; of increased censorship, partly in the name of policing so-called "Russian disinformation"; and of increased disillusionment with a political and media system that FIXATES ON all-consuming political dramas, rather than people's basic HUMAN needs.

For a just and secure future, these trends will have to be reckoned with. As I have long argued, Cold Wars are bad for progressives. They empower the military-industrial complex and the war parties and worst forces on both sides. Nationalist fervor rises, diplomacy is sidelined, and the space for dissent closes. Having worked with courageous Russian dissidents, journalists, and feminist NGOs for three decades, I have seen how Cold War tensions have been used to suppress independent voices in Russia and the US. Indeed, the space for dissent on Russia policy has never been narrower than it is today, and those who stray from the dominant narrative are often the target of toxic smears.

In the targeting of Trump, too many liberals joined in fanning a neo-McCarthyite furor, working to discredit those who seek to deescalate U.S.-Russian tensions, and

dismissing anyone expressing doubts about the charges of hacking or collusion as a Putin apologist. HOW MANY TIMES WAS STEVE CALLED NAMES, SLURRED, DEFAMED? Too many. BUT HE WORRIED MORE ABOUT A YOUNGER GENERATION losing career and job opportunities if it spoke out against the prevailing orthodoxies.

What we don't need is a replay of Cold War hysteria that cuts off debate, slanders skeptics and undermines any effort to explore areas of agreement with Russia that are in everyone's best interest.

Russiagate made this much more difficult. But with Trump now gone, the US establishment AND MEDIA no longer HAVE an excuse to avoid the very real tensions between the world's top nuclear powers. That certainly does not guarantee a new era of cooperation and MUTUAL ENGAGEMENT between the US and Russia, but – unlike the last four years – it certainly is a start.

END — COPYRIGHT, KATRINA VANDEN HEUVEL @

.....

Катрина ванден Хейвел

Редакционный директор и издатель журнала

«The Nation», Нью-Йорк, США

(Перевод Доброхотова Л.Н.)

Предисловие

Для меня большая честь быть здесь вместе с вами.

Посещаю Москву уже более 40 лет. Всего два года назад побывала в Московском государственном университете и выступила там вместе с моим покойным мужем Стивеном Коэном. То выступление, как и это, организовал наш дорогой друг Леонид Доброхотов. Я рада вновь выступить в вашем уважаемом университете. И благодарна Леониду за его гуманную научную работу и его самоотверженность в обучении молодого поколения студентов и ученых.

Хотела бы посвятить это выступление Стиву – выдающемуся ученому, автору биографии Николая Бухарина и других работ, включая книги «Переосмысливая советский опыт» и «Советские судьбы и утраченные альтернативы». Его работа имела большое влияние на изменение парадигмы политической и исторической мысли – в основном, касающейся Советского Союза и России, но не только – о чем свидетельствуют десятки воспоминаний, писем соболезнования и эссе, посвященных его работе.

В 2017 году, на пике того, что стало известным как «Рашагейт», он был назван журналом “Хроника высшего образования” «наиболее противоречивым экспертом по России в Америке». Почему так? Думаю, потому что Стив по-другому думал о российско-американских отношениях – он понимал, насколько опасной является новая «холодная война» между ведущими ядерными державами, и он справедливо критиковал почти полное отсутствие публичных дебатов или диалога в нашей мейнстримной политике и СМИ относительно возможности сотрудничества по вопросам взаимных национальных интересов.

Вот почему я возродила организацию, которую Стив основал в 2015 году – «Американский комитет за согласие между Востоком и Западом» - сокращенно АКУРА (пожалуйста, чтобы узнать об этом больше, зайдите на сайт usrussiaaccord.com). Он посвящен идее сотрудничества, диалога, контактов и обменов в целях уменьшения напряженности между нашими странами и продвижения взаимопонимания.

Члены АКУРЫ – неравнодушные граждане самых различных профессий – бизнеса, науки, юриспруденции, государственной службы: бывший посол Джэк Мэтлок, сенатор Билл Брэдли, бывший управляющий компании Procter and Gamble по России Джон Пеппер, лидер организации по обменов между гражданами Шарон Теннисон.

Позвольте мне представиться и самой – я уже более 25 лет являюсь редактором и издателем «Нейшн мэгазин» – старейшего американского издания, основанного в 1865 году и посвященного вопросам политики и культуры (теперь это еще и электронное издание TheNation.Com). «Нейшн» привержен

продвижению идей экономической справедливости, расового равенства, прекращению бесконечных войн, и в течение десятилетий со времен нашего основания в 1865 году, мы придерживаемся мнения, что наши злоключения за рубежом подрывают демократию внутри страны.

Позвольте мне обратиться именно к этому вопросу. Я приветствую продление действия соглашения по ограничению ядерных вооружений СНВ-3. Но это только начало. Мы должны работать над дальнейшим сокращением ядерных арсеналов обеих наших стран.

О «Рашагейте» и концепции новой «Холодной Войны»

В статье, посвященной выдающемуся американскому исследователю истории СССР и российско-американских отношений Стивену Коэну, редактор и издатель нью-йоркского журнала «Нейшн» Катрина ванден Хейвел рассматривает причины и суть нынешней антироссийской истерии в США, а также концепцию ведущейся ныне в США против России новой «холодной войны».

Выражая надежду на то, что с уходом Дональда Трампа с поста президента вновь возродится конструктивная дипломатия в отношениях двух стран, автор статьи изучает вопрос о том, почему СМИ США, породив кампанию «рашагейта», играли и играют сегодня столь негативную роль в этих отношениях с упором на миф о том, что именно Россия якобы способствовала появлению Трампа во главе США и затем манипулировала им в своих интересах. Частью этой кампании является утверждение о российском вмешательстве во внутренние дела США посредством кибератак и пропаганды в СМИ и социальных сетях.

По словам автора, неправомерно связывая главные проблемы США с вмешательством со стороны России, американские элиты пытаются таким образом избежать честного подхода к этим проблемам и уйти от ответственности

за них. В своей статье Катрина ванден Хейвел подробно и аргументированно опровергает все основные тезисы «Рашагейта». Она утверждает: повторение в США истории «холодной войны» в отношении России – пресекающей дебаты в стране, клеветущей на скептиков внутренней и внешней политики и подрывающей перспективы поиска любого согласия с Россией, имело бы только негативные последствия для американского государства и народа.

Ключевые слова: США, Россия, Рашагейт, новая холодная война, антироссийская истерия в США

Я считаю, что есть масса причин праздновать исход Дональда Трампа из Белого дома. Важнейшая причина состоит в том, что теперь стала возможной конструктивная дипломатия между США и Россией – она маловероятна, но все же возможна. По моему мнению, важнейшая причина состоит в том, что с уходом Трампа из виду, концепция «Рашагейта» которая питала новую, и как я могу утверждать, более опасную «холодную войну», больше не будет захлестывать политику и СМИ США, как это было на протяжении трамповского президентства.

На протяжении этого президентства мы сталкивались с тем, что я называю «злоупотреблением доверием» со стороны СМИ. Ее повестка, которая настойчиво внедрялась в западные аудитории – вплоть до президентского голосования 2020 года – состояла в том, что это Россия десантировала Трампа в Белый дом в 2016 году, и с тех пор заставляла скомпрометированного президента-предателя выполнять ее требования.

Замысел «Рашагейта» состоял из двух компонентов: один - это «всеохватывающая и систематическая» кампания по российскому вмешательству, в основном посредством кибератак и постов в социальных сетях, а второй – теория заговора, согласно которой Трамп и его сотрудники каким-то образом находились в сговоре с Кремлем – или в качестве прямых заговорщиков, или приобщенных инструментов шантажа/компромата.

Тот факт, что Трампу почти удалось расправиться с новым СНВ после почти четырех лет его изображения в качестве внедренного русскими дурака, иллюстрирует всю опасность замысла «Рашагейта». Обвинение Трампа в сговоре с Путиным фактически КРИМИНАЛИЗИРОВАЛО ДИПЛОМАТИЮ между двумя ядерными державами. И в то же время, из-за того, что этот замысел был столь широко адаптирован СМИ и политическим истеблишментом США, он препятствовал честному, трезвому освещению фактов вокруг «Рашагейта», и в не меньшей степени - реальной безрассудной политики Трампа в отношении Москвы.

Для осуществления этого, США подверглись серьезнейшим злоупотреблениям со стороны СМИ со времен подготовки к войне в Ираке. И честно говоря, это будет правдой, даже если мы примем все утверждения о российском вмешательстве за чистую монету. Реальность о вмешательстве русских в выборы 2016 года и за их пределами, «чем бы это ни было на самом деле», ни в каком виде не может соответствовать представлению об экзистенциальной, систематической угрозе, которую изображали СМИ США.

Для СМИ представление этого нарратива потребовало участия в пропаганде и дезинформации: будь то русское вмешательство или потенциальный сговор Трампа с Россией. Крупнейшие средства массовой информации, ТАКИЕ КАК КАБЕЛЬНЫЕ КАНАЛЫ CNN и MSNBC ИЛИ ВЕДУЩИЕ ГАЗЕТЫ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» И «ВАШИНГТОН ПОСТ» постоянно принимали анонимные утечки разведданных на веру, оказались не склонны к должному скептицизму, опуская или принижая любые доказательства противоположного.

Любая утечка или утверждение о русском вмешательстве или потенциальном сговоре Трампа с Россией расценивались как «бомба», собиравшая заголовки на первых полосах газет и вызывавшая доскональное освещение кабельными новостями. Когда же многие из этих новостей оказывались ложными или раздутыми, ничего не предпринималось, чтобы

остановить очередную СЕНСАЦИОННУЮ историю как доминанту следующего цикла новостей.

При таком климате, от залов Конгресса до студий кабельных новостных каналов, стало нормой приравнивать взлом русскими электронной почты и посты в социальных сетях к Перл Харбору или к 9/11 (имеются в виду нападение Японии на США в декабре 1941 года и атака террористов на здания Всемирного торгового центра и Пентагона 11 сентября 2001 года – пер). Русские мемы и хакеры были наделены магической силой, способной промывать мозги податливым американцам, в результате голосующим за Трампа, не голосующим за Хиллари Клинтон или не голосующим вообще.

После четырех лет «Рашагейта», теперь стало затруднительным найти хотя бы один вопрос или проблему внутренней политики США, которая не была бы прослежена до ворот Кремля: белые супрематисты (сторонники превосходства белых – пер.) в Шарлоттсвилле; протесты защитников окружающей среды; спор о гимне NFL (Национальной футбольной лиги – пер.); протесты движения «Черные жизни имеют значение»; насилие с применением оружия, и многое другое.

Даже нападение толпы на американский Капитолий, которое спровоцировал Трамп, и то нашло свой путь в Москву. В прошлом месяце на подкасте Хиллари Клинтон, ЛИДЕР ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО БОЛЬШИНСТВА В КОНГРЕССЕ Нэнси Пелози присоединилась к ней в спекуляциях о том, что Путин и Трамп, возможно, говорили по телефону перед тем, как эта толпа начала штурмовать Конгресс США.

Абсурд этих предполагаемых связей плох сам по себе; однако значительно хуже то, что, связывая бесконечные американские проблемы с Россией, новостные агентства и лица, формирующие общественное мнение, предоставили американцам длительную ПРИЧИНУ избегать честного подхода к уникальным американским дисфункциям.

Одной из таких дисфункций стало, разумеется, избрание самого Трампа. И после его шокирующей победы в 2016 году, гиперфокус на Россию стал для

американских элит удобным способом уйти от ответственности за провал системы, открывшей путь к его невероятной победе.

Трамп взошел на президентский пост не просто благодаря своей звездности на реалити-шоу, или его расизму и ксенофобии. Он также использовал провалы неолиберальной экономической системы США, фальшиво представляя себя в качестве чемпиона в борьбе за дело рабочего класса, который покончит с КОРРУПЦИЕЙ. И с его анти-интервенционистской риторикой об Ираке и Ливии, Трамп также подал народу фальшивую надежду, что он покончит с нескончаемыми войнами за рубежом.

Трамп также воспользовался массивным вниманием СМИ США, которые предоставили ему бесплатное (для него - пер.) эфирное время, на самом деле стоящее миллиарды долларов. Как сказал Лесли Мунвес, ныне ушедший в отставку председатель правления телекомпании Си-би-эс: «Возможно, это не было хорошо для Америки, но чертовски хорошо для Си-би-эс. Деньги катятся, и это весело... Тяжело об этом говорить, но давай же, Дональд. Продолжай».

Воспользовавшись «Рашагейтом», крупнейшие СМИ США нашли себе путь к отступлению. Представляя Россию как виновника, СМИ нашли способ отвлечь внимание от их роли в победе Трампа и провала корпоративной системы, в которой они так прочно укоренены. Более того: они обнаружили для себя путь к получению огромной прибыли: что может быть лучше для зрителей и читателей, чем ежедневный шпионский триллер, в котором ненавистный президент – это потенциальное орудие русских - находится на расстоянии одного обвинительного акта от длительной ссылки и возможно, тюрьмы?

Интересы корпоративных медиа, стоявших за Рашагейтом, совпадали также с интересами влиятельных членов истеблишмента. Для неолиберальных демократов было намного легче обвинять Россию, чем честно взглянуть на неолиберальную и интервенционистскую политику, которую представляли Клинтон и Барак Обама. Для государства национальной безопасности было намного удобнее клеймить разглагольствования Трампа против провалившихся

интервенций за рубежом и его личную привязанность к Путину, приписывая все тайному, предательскому сговору с Кремлем.

Посредством Рашагейта, воители холодной войны были способны продвигать долгосрочные милитаристские амбиции по отношению к России под прикрытием патриотического негодования и страхов перед маньчжурским кандидатом в Белом доме (образ из американского фильма 1962 года, символизирующий приписываемый Советам контроль над сознанием военнослужащих США – пер.).

Было намного удобнее обвинять в победе Трампа и в других социальных бедах, состоящих из служащих и хакеров русских с фабрики троллей, чем честно размышлять о ГЛУБОКИХ ПРОБЛЕМАХ политической и экономической системы США.

В результате, нарратив Рашагейта не только затемнил опасную политику Трампа в отношении России. Он также отодвинул на второй план многие другие серьезные, даже экзистенциальные проблемы – и саму политику Трампа, которая их только углубила: радикальный трансфер богатства посредством республиканского законопроекта о налогах; попытку демонтажа Obamacare (принятого при Обаме закона о здравоохранении – пер.); выход США из двух наиболее важных международных соглашений – Парижского договора о климате и иранской ядерной сделки. Обвинять Россию также означает отодвигать на второй план факторы, которые скорее всего повлияли на гораздо большее число голосов (за Трампа на президентских выборах- пер.), чем любые украденные электронные письма или русская (политическая) реклама в Фейсбуке: это мошенничество, давление на избирателей, снижение членства в профсоюзах, превышающее всякие пределы освещение Трампа в СМИ и нерегулируемое, все более ухудшающееся поглощение политических кампаний «грязными деньгами».

При подобном климате, Рашагейт также привел в движение то, что рассматривается как «маккартизм 21 века», который запятнал - и в целом ряде случаев - вынудил замолчать несогласных призраком русского влияния.

Неслучайно прогрессивные политики вроде Берни Сандерса или Тулси Габбард оказались под прицелом в нескольких статьях, связавших их с российским влиянием.

Примечательно, этот нарратив настолько силен, что даже крах центрального для него обвинения – в сговоре Трампа с Россией – не смог поколебать его влияния на обширные слои американского общества. Расследование (специального прокурора) Мюллера, как мы теперь знаем, не обнаружило никаких доказательств заговора Трампа и России. А изучение этого дела Министерством юстиции в декабре 2019 года выявило огромные злоупотребления и упущения со стороны ФБР при проведении расследования «Трамп-Россия».

За этот медийный провал никто так и не ответил, потому что как только доходит до России, это дело само по себе оказывается слишком серьезным, чтобы провалиться. Но, с другой стороны, когда Трамп теперь, КАК Я НАДЕЮСЬ, оказался в постоянной отставке, этот нарратив не стал больше так служить политическим и экономическим интересам, как это было, когда он находился в Белом доме. Это оставляет некоторый простор для конструктивной дипломатии, как мы в этом убедились при возобновлении Байденом договора по СНВ.

Но Рашагейт также оставил после себя опасное наследие: возросший милитаризм «холодной войны»; доверчивость СМИ к утверждениям государства об (угрозах) национальной безопасности; усилившаяся цензура, частично во имя контроля над так называемой «российской дезинформацией»; и возросшее разочарование в отношении политической и медийной системы, которая скорее ФИКСИРУЕТСЯ на всепоглощающих политических драмах, чем на базовых ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ потребностях.

Во имя справедливого и безопасного будущего с этими тенденциями придется считаться. Как я давно утверждала, «холодные войны» вредны для прогрессистов. Они усиливают военно-промышленные комплексы, военные партии и вообще наихудшие силы с обеих сторон. Националистический раж

растет, дипломатия отодвинута в сторону, и пространство для выражения несогласия сокращается. Работая с мужественными российскими диссидентами, журналистами и феминистскими неправительственными организациями в течение трех десятилетий, я видела, как напряженность времен «холодной войны» использовалась для подавления независимых голосов в России и в США. На самом деле, возможности для выражения несогласия по вопросам политики в отношении России никогда не были так ограничены, как сегодня, и те, кто отклоняются от доминирующего нарратива, часто становятся мишенью для токсичного очернения.

Нападая на Трампа, слишком много либералов объединились в раздувании неомаккартистского бешенства, работая на дискредитацию тех, кто стремится к деэскалации американо-российской напряженности и отвергая как апологета Путина любого, кто выражает сомнения в отношении обвинений в хакерстве или сговоре. СКОЛЬКО РАЗ СТИВА ОБЗЫВАЛИ, ОСКОРБЛЯЛИ, ПОНОСИЛИ? Слишком часто. НО ОН БОЛЬШЕ БЕСПОКОИЛСЯ О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ, теряющем возможности для карьеры и работы в случае, если выступит против господствующей ортодоксии.

Повторение истерии «холодной войны» – пресекающей дебаты, клеветущей на скептиков и подрывающей любые попытки изучения областей согласия с Россией, что отвечает наилучшим интересам всех – это то, что нам совсем не нужно.

Рашагейт сделал удовлетворение этих интересов делом намного более затруднительным. Но теперь, когда Трамп ушел, у истеблишмента и МЕДИА США нет больше оправданий, чтобы игнорировать реальную напряженность между двумя мировыми ядерными державами. Понятно, что это не гарантирует новую эру сотрудничества и ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ между США и Россией, но – в отличие от последних четырех лет – это безусловно, начало.»

COPYRIGHT, KATRINA VANDEN HEUVEL @

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Багаева А.В.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
2. *Бессонова М.О.* – студент 4 курса, Московский государственный лингвистический университет, социологический факультет, Москва, Россия.
3. *Вершинина И.А.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
4. *Волнистая М.Г.* – кандидат социологических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
5. *Гавриленко О.В.* – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
6. *Гримов О.А.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия.
7. *Доброхотов Л.Н.* – доктор философских наук, профессор кафедры социологии коммуникативных систем, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия.
8. *Ким А.А.* – магистрант, Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный Университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.
9. *Коркия Э.Д.* – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
10. *Липатова М.Е.* – младший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия.

11. *Максимов А.А.* – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
12. *Мамедов А.К.* – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
13. *Мартыненко Т.С.* – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
14. *Новицкая Т.Е.* – научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
15. *Писарева Л.Ю.* – кандидат социологических наук, доцент финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.
16. *Середа Ю.П.* – научный сотрудник института философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
17. *Чудновская И.Н.* – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
18. *Катрина ванден Хейвел* – Редакционный директор и издатель журнала «The Nation», Нью-Йорк, США.

ABOUT THE AUTHORS

1. *Bagaeva A.V.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
2. *Bessonova M.O.* – 4th year student (Bachelor's degree), Moscow State Linguistic University, Faculty of Sociology, Moscow, Russia.

3. *Chudnovskaya I.N.* – Candidate of Philological science, Associate Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
4. *Dobrokhoto L.N.* – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
5. *Gavrilenko O.V.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor, Head of the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
6. *Grimov O.A.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, South-West State University, Kursk, Russia.
7. *Katrina vanden Heuvel* – Editorial Director and Publisher of “The Nation” magazine, New York, USA.
8. *Kim A. A.* – Master's student, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia.
9. *Korkiya E.D.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
10. *Lipatova M.E.* – Head of the office, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
11. *Mamedov A.K.* – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
12. *Martynenko T.S.* – Candidate of Sociological science, Senior lecturer of the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
13. *Maximov A. A.* – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
14. *Novitskaya T.E.* – Research Associate at the Institute of Philosophy of the

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

15. *Pisareva L.Y.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia.

16. *Sereda Yu.P.* – Researcher at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

17. *Vershinina I.A.* – Candidate of Sociological science, Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

18. *Volnistaya M.G.* – Candidate of Sociological science, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

CONTENT

Bagaeva A.V.

Communication tools for European integration

The article examines the communication tools used in the European Union. The article reveals the activities of the main EU institutions to maintain communication and preserve multilingualism in the Union space. It is showed that the communicative theme includes many areas, permeates all the activities of European integration institutions and remains on the agenda of the European Commission from one composition to another.

Key words: multilingualism, intercultural communication, European integration, linguistic aspect of transnational communication, communication institutions of the EU.

Bessonova M.O.

Reading as a communication process in modern conditions

The article concerns the peculiarities of reading as a communication process. To provide the definition of this object, the "7 traditions" of communication by E. Griffin were considered. Based on the author's research, digital practices of Moscow youth related to the used book format, membership in book clubs or groups on social networks, and discussion of what they read are described. The possibilities of online communication between readers and modern authors or between each other and communication on existing platforms aimed at facilitating this type of communication, are analyzed.

Key words: reading, communication, libraries, author, reader, book, social networks, digitalization.

Chudnovskaya I.N.

**Communicative competence as a personal resource
in the digital information space**

The article reveals the problems of personality functioning in the modern information and communication space. On the basis of the categorization of the concepts of "communicative personality" and "communicative competence", the necessary specific indicators of communicative competence, deliberately chosen as priorities by modern young people, have been investigated. The results of empirical research are presented.

Key words: personality, communicative personality, communicative competence, social capital, manipulation, digital information and communication space.

Dobrokhotoy L.N.

**Transformation of the ethos of science in various
socio-political systems**

The article in historical perspective and hindsight, primarily for example of the United States considers the problem of scientists social responsibility in different socio-political systems. Examples of such a responsible attitude to one's duty are given. However, it is concluded that although the results of research work often touch on the most important issues of life and the very existence of humanity, not all scientists, for various reasons considered in the article, seriously think about this, being more concerned with satisfying their creative ego, career and material ambitions.

Keywords: USA, scientists, scientific intelligentsia, intellectuals, social responsibility.

Gavrilenko O.V.

**Digitalization as a factor of transformation of new forms
of social interaction and control mechanisms**

The article considers digitalization as a factor radically changing the nature of social interactions and the work of social control. It shows profound ambivalence of this dominating trend, progressively turn different digital technologies into the main realization of social, which has however several in-built constraints (such as «entropy of data»). That makes digitalization open-ended story.

Key words: digitalization, social interaction, social control, digital platforms, Big Data.

Grimov O.A.

Scientific social networks as a means of scientific communication

The article examines the main characteristics and resources of scientific social networks as a tool for scientific communication. The author proposes a level model of a scientist's communicative practices in a scientific social network. The influence of scientific social networks on the practice of academic mobility is analyzed; the goals and hypotheses of further research of the problem are formulated.

Key words: scientific social networks, scientific communication, scientists, academic mobility.

Korkiya E.D.

Loneliness in communication systems: cultural module and capital

Analysis of various studies on the issue of loneliness in communication systems and processes demonstrates that this phenomenon is directly related to personality development. It can negatively affect the socialization and individualization of the individual, as well as cause social discomfort. In the presented article, the types of cultural loneliness, conditions and main factors influencing the occurrence of this phenomenon are highlighted. The definition of the term reflecting the specificity of this

phenomenon is also indicated: cultural loneliness is an experience associated with the differentiation of values, ideals, ideas of the individual with other individuals in the cultural environment, the module in which he lives.

Keywords: cultural loneliness, values, communication systems and processes, creativity, deviation, identification, life module.

Lipatova M.E.

**Communicative competence in the digital educational space
of higher education**

The article discusses the main approaches to understanding communicative competence, the main structural components and its role in the training of modern specialists. The influence of the digitalization process of higher education on the learning process and the development of communicative competence is analyzed.

Key words: competence, higher education, communicative competence, communication, education digitalization

Maximov A.A.

**Information society as a factor of growth of the communicative capital of a
modern organization**

The information society as a dynamically developing institutional environment not only requires flexibility and the ability of a modern organization to quickly introduce new communication technologies in the sphere of production and interaction with the external environment, but also forces a new look at long-familiar phenomena, gives them a new meaning. The new "expanded" understanding of the category of communication capital represents an important step towards increasing the effectiveness of organizational activities.

Keywords: information society, post-industrial, communication, communication capital, organization, Internet space.

Mamedov A.K., Volnistnaya M.G.

Methodological discourse: the subject field of communication capital

The article attempts a theoretical understanding of the subject field of communicative capital. The authors develop a methodological unity for the study of complex social problems, such as truth, cognition, communication and adaptation. A comparative analysis of various positions on the subjectivity of the cognizing person is carried out.

Keywords: epistemology, truth, adaptation, social subject, communication, communicative field, communicative capital, intellectual worldview, intellectual capital, cognition, communication.

Novitskaya T.E.

Problems of information security in Belarus: on the optimal model of managing and overcoming threats

The article substantiates that effective actions to develop an optimal model for managing the national information space and overcoming information threats can be supplemented and expanded by the possibilities of use of social and humanitarian technologies, as well as the widespread implementation of media education, the development of media competence, education in the field of socio-humanitarian aspects of information security, the development of critical thinking and zero tolerance to manifestations of hate speech, destructive informational influences.

Keywords: Internet, information security, social media, deep mediatization, destructive information impact, disinformation, information threats, national security.

Pisareva L.Y., Kim A.A.

Communications in the economy of sharing consumption

The article presents some of the conceptual results of the master's work on the topic "Prospects for the development of the sharing economy in Russia." Joint consumption is one of the options for overcoming the crisis of "overconsumption" that gripped humanity at the end of the 20th century. At the same time, the level of trust between the agents of interaction will become a key factor in the development of this economic model. In the context of direct Internet communication in exchange operations of shared consumption, this problem is solved more efficiently than in the traditional economy.

Key words: communication, Internet, shared consumption, overconsumption, trust, sharing economy.

Sereda Yu.P.

Digital transformation of the socio-cultural environment: features of online behavior and the rhetoric of social responsibility

The transformations associated with the development of media, which, being refracted in the mirror of human existence, actualize the phenomena of subjective-social, ethical, value dimension are analyzed in the article. The author explicates the problematic nature of social responsibility in the context of promoting the ideas and methods of reaction to hate speech and its consequences. The attention is focused on the possibility of maintaining the balance between the realization of digital freedom and the responsible attitude to online interaction.

Key words: digitalization, social responsibility, online aggression, hate speech, media literacy, digital security.

Vershinina I.A., Martynenko T.S.

Cloud Ethics: The controversial implications of Digitalization

The article analyzes the question of what the ethical basis of decisions is made by algorithms and influencing various spheres of society. Particular attention is paid to the work of the British researcher Louise Amoore, devoted to the social consequences of the functioning of algorithmic systems and the emerging “cloud ethics”. This issue is becoming increasingly important in modern science, the spread of algorithms and their widespread use are often assessed in terms of potential risks (increased social inequality, marginalization of individuals and social groups, exploitation and the emergence of a “surveillance society”), since the ethical aspects of using algorithms are often out of the scope of attention of those who contribute to their wider dissemination. The paper outlines the main characteristics of algorithms and their decision-making mechanisms, describes the main components of the so-called “cloud ethics” and recommendations for its development, which are proposed by Louise Amoore.

Key words: ethics, information society, digitalization, datafication, algorithms, Big Data, “cloud ethics”, Louise Amoore, opacity.

“ON ‘RUSSIAGATE’ AND THE NEW COLD WAR NARRATIVE”

This article examines the causes and essence of the current anti-Russian hysteria in the United States, as well as the concept of a New Cold War being waged in the United States against Russia.

Expressing the hope that with the departure of Donald Trump from the post of US president, constructive diplomacy in relations between the two countries will be revived again, the author examines the question of why the US media, having given rise to the Russiagate campaign, played and still play such a negative role in these relations, focusing on the myth that it was Russia that allegedly contributed to the appearance of Trump at the head of the United States and then manipulated him in their interests. Part of this campaign is the allegation of Russian interference in the internal affairs of the United States through cyber attacks and propaganda in the media and social networks.

According to the author, by improperly linking the main problems of the United States with Russian interference, the American elites are trying to avoid an honest approach to these problems and avoid responsibility for them. The author refutes in detail and argumentatively all the main theses of Russiagate, and argues that a repeat in the United States of the Cold War hysteria against Russia – cutting off debate in the country, slandering skeptics of domestic and foreign policy and undermining the prospects for finding any agreement with Russia - would only have negative consequences for the American state and people.

Key words: USA, Russia, Russiagate, New Cold War, anti-Russian hysteria in the US.